
Россия, Русь! Храни себя, храни!

11-12
2021

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир АНИЩЕНКОВ. Чтобы стать единым народом ...	3
Владимир БОЛЬШАКОВ. Геноцид славян	65
Валентин КАТАСОНОВ. Трескотня и словоблудие	110
Виктория НИКИФОРОВА. Бегство Америки	116

ПРОЗА

Елена ЧИСТЯКОВА. Два рассказа	28
Сергей ДОРОВСКИХ. Два рассказа	75
Сергей КОЧУКОВ. Два рассказа	120
Анатолий ГОНЧАР. Эпидемия. Фантастический рассказ ...	151
Виктор МЕЛЬНИКОВ. Господи, помилуй! Рассказ	172

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. Три свечи. Стихи	51
Вера ЧАСОВСКИХ. О воде живой. Стихи	99
Вита ПШЕНИЧНАЯ. Время жить. Стихи	106
Олег ГОНОЗОВ. Белые птицы. Стихи	136
Евгений ЗАХАРЧЕНКО. Озаренья. Стихи	139
Стихи поэтов России	221

РУССКИЙ МИР

Андрей СОШЕНКО. Имперскость и национальная идея 144

УРОКИ ИСТОРИИ

Владимир БОЛЬШАКОВ. Десант мировой закулисы 181

СИМВОЛ ВЕРЫ

Мария МОНОМЕНОВА. Проект «Третий храм» 203

ЛАРЕЦ

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ. Ваал (Из очерка «Зимние заметки о летних впечатлениях») 229

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Александр КАРПЕНКО. Убийство Михаила Лермонтова 237

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Владимир ШАЛИМОВ. Признайте Крым сами! 242

Никита БЕРДИЧЕВ. Подкоп под Амур 244

Владимир ВАСИЛИК. Вакцинация и административный восторг 248

Мария МОНОМЕНОВА. Бал у сатаны 251

Андрей СОШЕНКО. Анклав близ Москвы 255

Михаил КРАСИЛЬНИКОВ. Фабрика вирусов 258

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение 261

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ФЕДУНОВА. Сейте разумное, доброе, вечное... К 200-летию со дня рождения Н.А. Некрасова 271

Содержание журнала за 2021 год 284

ЧТОБЫ СТАТЬ ЕДИНЫМ НАРОДОМ

Братья или нет?

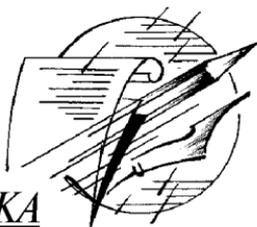
По крови мы с украинцами однозначно братья. Современная наука генеалогия на основании ДНК подтверждает, что значительная часть жителей Европейской части России и Украины имеют одинаковую гаплогруппу R1a. Соответственно, 43% на Украине и 46% в России.

У нас общий язык. На Украине его понимают все. Даже самые отъявленные националисты говорят на русском, когда не надо играть на публику.

У нас единая вера. То, что православные составляют большинство, видно без всяких цифр. Как ни старались самостийники, Украинская Православная Церковь по-прежнему остаётся главенствующей.

Семейные связи переплетены настолько тесно, что каждая украинская семья обязательно имеет русских родственников. Даже у самых «свидомых».

Хозяйственные связи до недавнего времени соединяли нас в единый экономический механизм. Да и сейчас, после трёх десятков лет антироссийской политики Киева, Россия остаётся в числе трёх основных торговых партнёров Украины.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В.В. Путин в своей статье «Об историческом единстве русских и украинцев» делает правильный акцент на близость наших народов. У нас много того, что нас не просто сближает и роднит. Так откуда же появились небратья? И кровь единая, и вера, и язык, и история... Но вот история нам и подскажет. В ней сокрыты те причины, по которым немалая часть украинцев вовсе не считает русских своими братьями.

Исторические тайники

В нашей общей истории есть страницы, по которым мы сможем прочитать об уклонении в «незалежность» и найти истоки проекта «анти-Россия». Ещё задолго до того, как отдельные постулаты антироссийского проекта стали складываться в теорию, произошли события, повлиявшие на исторический процесс Руси.

Ключевым стал отказ князя Андрея Боголюбского от Киевского Престола. Будучи прямым наследником на верховную столичную власть, он ушёл в Залесье и положил основание Владимирской Руси, ставшей новым центром притяжения русских княжеств. Он уже понимал, что Киев с его непрекращающимися интригами и властолюбием местной знати не может больше быть объединителем Русских Земель. Князь Андрей создал **новое Великое княжество Руси** в глухой, но близкой его сердцу Залесской Земле. Время показало правильность такого решения. К XII веку Киев потерял значение общерусского центра. Великокняжеский стол и митрополичья кафедра были перенесены в Заочье, во Владимиро-Суздальскую Русь.

Через несколько лет после ухода князя Андрея, его отец Великий князь Юрий Владимирович Долгорукий был убит в Киеве. «Стихийно» началось восстание черни, направленное против сторонников убитого князя. В первую очередь против «суздальцев» (название «москали» появилось позже). Погром был жестоким. Не щадили ни женщин, ни детей «пришельцев».

Возобновилось кровавое междоусобие и череда княжеских смен. В конце концов киевская знать пригласила Мстислава Изяславича Волынского, сторонника западной ориентации, женатого на полячке Агнешке Болеславовне. Киев уже тогда мечтал стать «цэ Европой». Князь принял посольство папы римского, желавшего привлечь русские войска к борьбе за свои интересы в Европе. Но недовольство Мстиславом нарастало. В 1169 году против него составилось большое общерусское войско. Дружины одиннадцати князей присту-

пили к Киеву. Предводительствовал ратью князь Мстислав Андреевич. На третий день войска ворвались в Киев. Город подвергся разорению. Чего ранее никогда на Руси не бывало. Можно предположить, что разгром Киева стал ответом на первый «майдан». Пострадали в основном приверженцы «запада» (Польши и Ватикана). После этого Киев окончательно потерял статус столицы (подобно Риму при столичной Византии).

Вопреки обычаю князь Андрей не стал занимать Киевский стол. Он поручил его своему младшему брату Глебу Юрьевичу. А сам продолжил дело созидания новой Руси с центром во Владимире. Тем более что к этому времени он уже был Великим князем. Этот титул он получил от первого в истории Руси **Земского собора**.

Другим важнейшим событием, определившим исторический ход Руси стала битва на Калке в 1223 году. Примерно в том месте, где сейчас проходит фронтовая линия Донецкой народной республики. Против монголо-татарского корпуса Джэбэ и Судэбэ выступило русское войско, собранное из нескольких княжеств. Но договориться о едином действии против кочевников князья не смогли. Каждый действовал по своему усмотрению и в результате разгромлены были все. Причём киевский князь Мстислав в первый день главной битвы наблюдал из-за укрытия как гибли его соплеменники, но на помощь не выступил. На следующий день было разбита киевская дружина, а сам князь был захвачен в плен. На поверженных пленников наложили помост и устроили на нём пир. Но Киев монголы атаковать не решились, поскольку подходило войско «суздальцев-москалей». К несчастью для Руси этот кровавый разгром не стал уроком для князей, и новое нашествие монголо-татар принесло ещё более жестокое разорение Русской земле. Даже перед лицом смертельной угрозы они не смогли договориться о совместных действиях. Они встречали врага поодиночке и вновь были разбиты по отдельности. Хотя ранее был пример совместного противостояния степнякам-половцам. В особенности во время правления Великого князя Владимира Мономаха.

После монгольского разгрома северо-восточной и юго-западной Руси их судьбы надолго разошлись. И каждая часть прокладывала свою историческую тропу.

Один из самых значимых властителей того времени князь Даниил Галицкий пытался проложить её в Европу. Он подписал несколько соглашений с Ватиканом, Священной Римской империей и Тевтонским орденом. В ущерб политическим и экономическим связям с другими русскими землями.

В 1253 году папскими представителями Даниилу был присвоен титул короля Галичины и Владимирии (*rex Galiciae et Lodomeriae*). При этом тот же титул продолжали носить Венгерские короли.

Даниил очистил от татар Понизье и угрожал Киеву, которым по ярлыку владел Александр Невский. Однако, когда новый римский папа Александр IV разрешил Литовскому князю Миндовгу воевать Русскую землю, он прекратил отношения с Ватиканом, сохранив за собой и наследниками королевский титул.

Но вскоре под угрозой нового монгольского нашествия Даниил был вынужден подчиниться Золотой орде и срыть построенные им крепости. Надежда на западную помощь не оправдалась. Как всегда.

В 1392 году война между Польшей и Литвой завершилась разделом Галицко-Волынского княжества. Галиция вошла в состав Королевства Польского, а Волынь отошла к Великому княжеству Литовскому. Галицко-Волынское княжество прекратило своё существование.

Монгольское нашествие на многие века разделило некогда единую страну. Однако, если Владимирская (а позднее Московская Русь) сумела освободиться от ига монголо-татар, то юго-западные княжества, хотя и находившиеся в более выгодных исторических условиях, растворились в княжестве Литовском.

В XIV веке образовались два центра собирания русских земель: Московское Царство и Великое княжество Литовское. Тогда Литва была православная с государственным русским языком и не менее могущественная, чем Московия.

Согласно государственному титулу Царя Иван III являлся властителем Великая, Белая и Малая Руси. Но в те времена Москве принадлежали Великая и восточная часть Белой Руси, а Малая и западная часть Белой — Литве. В 1569 году Великое княжество Литовское образовало общую с Польским королевством федерацию под названием «Речь Посполитая». Государственной религией стало католичество, а господствующим классом польская шляхта.

К XVI веку две части Руси подошли в прямо противоположном состоянии. Московская Русь как главная притягательная сила для остальных русских земель и польская окраина — Киевщина.

Стремление Московского Царя объединить под своей властью исторические русские земли вызвало резкую ответную реакцию литовцев и поляков. Вот тогда-то и родилась идея объявить московитов не настоящими русскими, а ещё лучше

и не славянами. Тогда же жители польской украины превратились в «украинцев», вовсе не родственных «клятым москалям» и схизматикам. В это время и зародился идеологический **проект «Украина»**.

Полякам во что бы то ни стало требовалось доказать, что Московский Царь не имеет никакого права на Правобережье Днепра. А ещё объяснить, что польский король — единственный законный правитель «от моря до моря». Четыре века продолжалась жестокая кровопролитная борьба. В XVII веке гегемонистская польская идея была очень близка к осуществлению. Было установлено господство над всей Восточной Европой. Мы называем это время «смутным». А поляки — торжеством Великой Польши.

Куда податься?

Мы воспринимаем русско-польское противостояние в основном как военно-политическое противоборство, а вот поляки к нему добавили основательную идеологическую и культурологическую составляющую. Причём украинское направление в ней со временем приобретало всё большее значение. Главными постулатами **проекта «Украина»**, созданного свидомыми польскими панями, являются:

— Украинцы и русские — разные народы. Позже он трансформировался в два утверждения: «Украина — не Россия», но при этом «только украинцы — наследники Киевской Руси».

— Московиты (москали) отсталые варвары, препятствующие процветанию Украины.

— Польша — путь к настоящей европейской цивилизации. Из этого выродился современный призыв: «Украина — цэ Европа».

Тогда-то гордые ляхи и назвали эти земли Украиной (окрайной) Речи Посполитой. При этом отношение самих поляков к новому украинскому народу оставалось неизменно презрительным — как к быдлу (в переводе с польского: «скот»).

Важнейшим условием изменения сознания украинцев являлось **изменение веры**. Но массовый переход в католичество из Православия не состоялся. Тогда была придумана промежуточная греко-католическая вера (униатство). При сохранении православных церковных обрядов вся Церковь должна была подчиниться папе римскому. В 1596 году в Бресте было подписано «согласие» (уния). А те, кто не соглашался верить по-новому, превращались в схизматиков (расколь-

ников), подлежащих исправлению, а в случае сопротивления — уничтожению.

В последующие за унией десятилетия значительная часть православной церковной элиты была уничтожена и заменена согласными униатами. Казацкая старшина также подверглась серьёзной обработке и ополячиванию. И всё же русский народ, оказавшийся в результате исторических потрясений на польской Украине, не желал перековываться по польской указке.

Казацкое сопротивление польским порядкам было упорным, но противостоять могущественной тогда Речи Посполитой оно было не в силах. Запорожцы крепко бились за Землю Русскую и веру Православную. «...Пошатнулся Шило и почуял, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал: «Прощайте паны-братья, товарищи! Пусть же стоит навечно православная Русская земля и будет ей вечная честь!» (Н. В. Гоголь «Тарас Бульба»).

Полтавский помещик Николай Васильевич Гоголь предвидчески предсказал двойственность пути малороссов. Остап, сын Бульбенко, остался верен русскому духу (его потомки с оружием в руках сейчас защищают Новороссию). Андрий, сын Бульбенко, предпочёл «евроинтеграцию». Его потомки жестоко расправляются с «изменниками-сепаратистами».

А тогда часть населения «проголосовала ногами», то есть бежала в русские пределы (как и сейчас). Запорожское войско, после нескольких побед, потерпело ряд тяжёлых поражений. Запорожские старшины искали поддержки и у турецкого султана, и у крымского хана, упорно надеялись, что за свою покорность будут приняты в польскую шляхту и введены в сейм. Вместо этого последовали карательные экспедиции польских войск и новые поражения казаков. Тогда под давлением народа последовало обращение к единоверным русским людям Московского государства.

В 1654 году на Раде в Переяславле было принято решение (третье по счёту) проситься под высокую руку Московского Царя. *«Зичили бихмо соби самодержца господаря такого в своей земли, яко ваша царская велможност православний хрестиянский цар, чтобы предвичное пророчество от Христа Бога нашего исполнилося <... > а ми зо всем Войском Запорожким услужить вашей царской велможности готовисмо, до которогосмо з найнижшими услугами своими ся отдаемо».*

Документы принятые Верховной Радой о воссоединении с Россией были написаны на русском языке и принимались всем Запорожским войском (так тогда себя называли малороссы) во главе с гетманом Богданом Хмельницким.

Задним числом украинофилы сетуют, что это решение было вынужденным выбором из всех зол, подтверждая тем самым, что польское зло было хуже.

России, принявшей под защиту своих гонимых собратьев, пришлось воевать с Польшей. Итогом изнурительной тринадцатилетней войны согласно Андрусовскому перемирию стали: возвращение России Смоленска и право на Левобережную Малороссию. По Вечному миру 1686 года Киев был выкуплен у Польши за 146 тысяч рублей.

Кто разработал проект «Украина»

Начался закат польской государственности, раздираемой внутренними противоречиями. В конце XVIII века Великая Польша была разделена между Пруссией, Австро-Венгрией и Россией. Большая часть исконных русских земель вернулась в родное государство. Однако это радостное событие внесло в наши внутренние пределы тяжёлую трудноизлечимую болезнь — сепаратизм. Поляки называли его «возвращением утраченных земель». В то время была вытащена на свет старая польская затея «незалежности Украины».

Польский пан Потоцкий сформулировал концепцию о том, что украинцы, населявшие малопольскую Украину, являются народом, отдельным от русского и имеющим совершенно самостоятельное происхождение. Другой польский сочинитель пан Чацкий в книге «О названии «Украина» и зарождении казачества» вывел украинцев от выдуманной им орды укров, якобы переселившихся из-за Волги.

Зачем это нужно было полякам? Да очень просто: удобное «пушечное мясо» в борьбе против России. Поэтому некий пан Духинский писал: *«Русь — это сильнейшая и доблестнейшая Польша, и польское восстание не будет успешным, если не начнется на Руси»*. Русью он, разумеется, именовал Украину, у которой москали украли ее природное имя.

Весь XIX век поляки наряду с открытыми вооружёнными выступлениями, проводили скрытую работу по выращиванию «украинской» интеллигенции, которая должна была нести идею нерусскости Украины в народные массы. Рассадником подобных идей стали Волынский лицей и университет в Харькове (как это ни странно).

Идеи украинства со временем привились в среде южно-русской интеллигенции. С подачи русского по крови украинофила Костомарова словосочетание «Малорусская народность» было заменено на «украинский народ». Теоретик-террорист Михновский развил идеи украинского национализ-

ма до самых радикальных форм, провозгласив лозунги: «Украина — для украинцев. И так, выгони прочь с Украины иностранцев-угнетателей!» И ещё: «Всегда и везде используй украинский язык. Пускай ни жена твоя, ни дети твои не оскверняют твой дом языком чужаков-угнетателей».

Тогда же пан Чубинский написал стихотворение «Ще не вмерла Украина», своеобразный дубликат польского гимна «Еще Польша не сгинела», которое в 2003 году стало Украинским национальным гимном.

Взлелеянный украинской интеллигенцией малоросс Тарас Шевченко теперь считается основоположником литературного украинского языка, хотя свои дневники, письма и некоторые произведения он писал на русском языке. Интересно, что термин «украинцы» в творчестве Шевченко отсутствует.

Продвигать антирусскую националистическую украинскую идею открыто тогда было невозможно. Она тщательно маскировалась в заботу об украинской культуре. В моду вошли вышиванки и малорусские песни. «Москали» обеими руками были за красивые мелодичные казацкие песни. И сами с удовольствием их распевали. И сейчас поют. Великороссы не видели угрозы в малороссийской культуре как таковой. Но беда в том, что идея украинской самостийности была основана на противостоянии России как «извечному врагу всего украинского».

Скрытая подрывная работа не прекращалась. Основополагающую роль в создании современной украинской идеологии сыграл Михаил Грушевский, автор «Истории Украины-Руси», австрийский агент и германофил, воспевавший германо-украинское расовое родство и общность политических целей.

К этому времени в борьбу за «освобождение Украины» вступила и Германия. В германском генштабе был разработан свой проект «Украина». Немцы старались «научно доказать», что русские — не славяне и даже не арийцы, а представители некоего монголо-финского племени. В 1898 году в Германии была запущена идея создания «самостийной украинской нации» в рамках автономии на территории Австро-Венгрии. В подконтрольной Вене печати вместо понятий «Русь», «русский» стали тиражироваться термины «Украина», «украинский» и тому подобное.

Впоследствии командующий немецким восточным фронтом Гофман в интервью газете «Daily Mail» признавался: «Украина — это дело моих рук, а вовсе не плод сознательной деятельности русского народа, результат деятельности моей разведки».

Создатель Германского Рейха фон Бисмарк предписывал: *«Могущество России может быть подорвано только отделением от неё Украины... Необходимо и только оторвать, но и противопоставить Украину России, **стравить две части единого народа и наблюдать, как брат будет убивать брата.** Для этого нужно только найти и взрастить предателей среди национальной элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть всё русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Всё остальное — дело времени».* Чисто практическая выгода в этом для Германии состоит в том чтобы *«создать сильную Украину за счет передачи ей максимального количества русских земель».*

Михаил Грушевский в интервью издательству «Відродження» это подтверждал: *«В німецьких політичних кругах було здавна бажаннє, щоб Україна відокремилась в самостійну, сильну державу. Вони вважали се корисним для Німеччини...»*

Эту идею подхватило правительство Австро-Венгрии, которой после разделов Польши досталась часть западнорусских областей. Накануне Первой мировой войны был создан свой австрийский проект «Украина», который должен был превратить малороссов в ярых противников России или хотя бы ослабить их тяготение к Большой Родине. В этот проект входила тотальная обработка сознания австрийских русинов в сочетании с массированным уничтожением тех, кто не собирался изменять свою национальную принадлежность. Для этого были организованы первые концентрационные лагеря Талергоф и Терезин для «перевоспитания» несогласных. Впоследствии этот австрийский опыт был использован германскими нацистами.

Все эти плевелы прорастали на удобренной почве. У малороссийской старшины (украинских олигархов) не заглохло желание при всяком удобном случае «отложиться» от Москвы и получить от этого собственную выгоду. Народу этого не было нужно ни тогда, ни сейчас. Защиту от притеснения своих князьков и помещиков народ мог найти только у непредвзятых московских (питерских) властей. К слову, ездить в Москву за справедливостью стало характерной чертой российской и советской жизни для «угнетённых москалями» украинцев. И не только для них.

Как мы видим, идеи, заложенные тогда, «работают» и сейчас. Нынешние украинские политики всех уровней пересказывают идеи, изложенные в австрийско-германской программе вековой давности, в свою очередь основанной на старом польско-католическом проекте «Украина».

На этот проект были завязаны очень влиятельные силы. Сегодня их ещё больше.

Украина и революция

Февральская революция 1917 года, которую с особым нетерпением приближали польские и украинские сепаратисты, наконец-то дала возможность осуществить идею создания независимого от России украинского государства. В Киеве была образована Центральная Рада во главе с отцом украинской идеологии Грушевским, который тогда находился в ссылке... в Москве (он был арестован за шпионаж в пользу Австрии). В июне Центральной Радой была провозглашена «автономия Украины».

Переговоры с Временным правительством о статусе Украины не успели завершиться из-за большевистского переворота. В ответ на разгон Учредительного собрания (куда по киевскому округу был избран тот же Грушевский от партии социал-революционеров) Центральная Рада объявила независимость Украины. При этом (внимание!) украинские националисты требовали отдать им под контроль и Новороссийские земли, и коренные русские (Харьковскую, Сумскую, Курскую, Белгородскую). Центральная Рада строила свою политику на основе украинского сепаратизма, придуманного польскими панями и используемого германским и австрийским генштабами.

Возглавлял Центральную Раду идеолог украинизации М.С. Грушевский, военное ведомство масон Симон Петлюра. Была провозглашена независимая Украинская народная республика. Украинский историк В.А. Савченко отмечал, что только 10% населения (интеллигенция и часть крестьян) можно назвать настоящими украинцами, в то время как большинство не поддерживало политику украинизации, и не желало говорить на украинском языке.

Но радость свободы была недолгой. Вскоре Рада подписала Брест-Литовский договор с центральными державами, по условиям которого германские и австро-венгерские войска оккупировали Украину. Также были приняты обязательства выплатить огромную контрибуцию продовольствием, сырьём, скотом за военную поддержку. Но это не помогло Центральной Раде удержаться. Власть захватил ставленник Германии гетман Скоропадский. Грушевский был вынужден эмигрировать... в Вену. После капитуляции Германии скоро пал и гетман. Он был вынужден бежать к своим немецким покровителям. В Киеве вновь воцарилась Центральная Рада, теперь уже во главе с Петлюрой.

Власть Петлюры была непрочной, его войска были многократно биты и белыми, и красными, и махновцами. Власть Директории сделалась вскоре чисто номинальной и не распространялась дальше вагона, в котором моталось «украинское правительство», вынужденное постоянно от кого-либо бежать. В народном фольклоре от тех времен осталась издевательская поговорка «У вагоні Директорія, під вагоном територія».

Чтобы удержать власть в собственных руках «украинский герой» Симон Петлюра «в апреле 1920 года... заключил от имени Директории УНР секретные конвенции, по которым — в обмен на военную поддержку — отдал Польше земли Галиции и Западной Волыни».

Даже в Галиции, где «титовая нация» формально составляла 60% населения, Западноукраинская народная республика (ЗУНР) не продержалась и нескольких дней. 3 ноября 1918 года во Львове Украинский национальный совет провозгласил создание национального государства, но уже 6 ноября восставшие поляки контролировали более половины города. 21 ноября подошедшие регулярные части польской армии полностью очистили Львов, и правительство ЗУНР бежало в Станиславов (ныне Ивано-Франковск).

Тем временем Румыния оккупировала Буковину, а чехословацкие части заняли территорию Закарпатья. Вскоре армия галичан полностью утратила контроль над территорией ЗУНР.

Как видим, те годы власть в Киеве менялась часто: Центральная рада, Деникин, Советы, поляки и вновь Советы. Многочисленные «великие потрясения» завершились в 1921 году созданием Украинской Советской социалистической республики со столицей в Харькове (до 1934 года). На следующий год был подписан Союзный договор, восстановивший единое государство в границах близких к имперским. Для противовеса националистическим потугам «западэнцев» УССР были переданы новороссийские области. Это была стратегическая ошибка, которая не один раз «аукнется» Москве.

Украинизация

В первые годы большевистского правления активно продолжилось осуществление польско-австрийско-германского плана украинизации малороссов. Политика «коренизации» (то есть развития коренных народов окраин) и заигрывание с националистами велось в ущерб русскому народу и самому государству. Социалистическая Украина подверглась насильственной украинизации.

В 1924 году было принято постановление о «коренизации» окраинных народов СССР. В свою очередь украинская партконференция приняла декрет «об украинизации». По этому декрету все государственные служащие и рабочие были обязаны изучать украинский язык под угрозой увольнения. Обучение в школах переводилось на украинский язык. Ответственным работникам за недостаточно активное проведение линии партии на украинизацию населения грозило тюремное заключение. Координатором и вдохновителем такой украинизации был широкий «казак» Лазарь Моисеевич Каганович.

Для усиления «украинской идеологии» из Вены был вызван Грушевский. Вскоре он возглавил историко-филологическую комиссию Украинской Академии наук и до своей смерти активно трудился на ниве «коренизации» населения УССР.

Вскоре термин «малороссы» был объявлен «шовинистским» и упразднён. Тогда же было выведено из оборота название Новороссия.

В 1930 годы, при надвигающейся угрозе войны, Советская власть озаботилась воспитанием *общегосударственно-го* патриотизма. Коренизация, ведущая к национальному сепаратизму, была свёрнута. На Украине даже был принят закон о государственном статусе русского языка («статус русского языка имеет не филологическое, а государственное значение»).

В 1939—1940 годах были возвращены все западные земли Российской Империи, включая оккупированную поляками Западную Украину. И опять, как и в XVIII веке, вместе с возвращением русских земель, мы получили бациллу антирусской идеологии. «Западэнцы» Галичины стали рассадником предательства и беспричинной русофобии. Между прочим, тогда получил советское гражданство уроженец Польши Л.М. Кравчук, под председательством которого 24 августа 1991 года Верховный Совет республики принял Акт провозглашения независимости Украины.

В чём заключается *украинизм*, красочно описал Троцкий, будучи высланным из страны Советов. Ставя задачи созданному им Четвертому Интернационалу, он отдельно писал об украинцах: *«Дело идёт о народе, который доказал свою жизненную силу, равен по численности населению Франции, занимает исключительно богатую территорию, крайне важную к тому же в стратегическом отношении. Вопрос о судьбе Украины поставлен во весь рост. Нужен ясный и отчетливый лозунг, отвечающий новой обстановке. Я думаю, что таким лозунгом может быть в настоящее время только: единая свободная и независимая рабоче-крестьянская советская Украина!»*

В статье «Об украинском вопросе» он даёт прямое указание для её дальнейшей судьбы: *«Но ведь независимость объединенной Украины означает отделение Советской Украины от СССР! — воскликнут хором «друзья» Кремля. Что же здесь такого ужасного? — возразим мы, со своей стороны. Священный трепет перед государственными границами нам чужд. Мы не стоим на позиции «единой и неделимой». Ведь и конституция СССР признает право составляющих федерацию наций на самоопределение, т.е. на отделение».*

Далее Троцкий пишет, что *«беспощадная травля всякой свободной национальной мысли и привела к тому, что трудящиеся массы Украины, ещё в большей мере, чем Великороссии, относятся к власти Кремля как к чудовищному насилию. При таком внутреннем положении не может быть, разумеется, и речи, о том, чтобы Западная Украина добровольно присоединилась к СССР, каким он является сейчас. Объединение Украины предполагает, следовательно, освобождение так называемой Советской Украины из-под сталинского сапога. Бонапартистская клика будет и в этом вопросе жать то, что посеяла».*

Как видим, нынешняя «бандеровская» идеология есть прямое исполнение заветов Троцкого-Бронштейна. Лидер украинских коммунистов Л.Кравчук несомненно опирался на них в своих действиях. Так и подмывает чуть переиначить известное выражение: «Идеи Троцкого живут и побеждают». И как это западэнцы до сих пор не признали в Троцком первого бандеровца?

Война на Украине

В грозные годы Великой Отечественной войны чувство обшей Родины возросло многократно. Это чувство единства и по сей день является невидимой скрепой для всех республик развалившегося Советского Союза. Но и плоды коренизации тоже явственно проявились в годы оккупации.

Третий рейх рассчитывал на сепаратистские движения в СССР. Отчасти эти ожидания оправдались. По данным немецких исследователей в войсках вермахта, СС, добровольческих и карательных частях, а также в полиции служило около 250 тысяч жителей Украины. Четверть миллиона! Многие из них ещё до войны состояли в рядах ОУН (организация украинских националистов), которая боролась за независимость Украины с поляками и большевиками. Одной её частью руководил Мельник, другою Бандера, потомственный украинский националист, униат. ОУН(б), которую он возглавлял, взяла на вооружение иде-

ологическую обработку населения и террор. За свою деятельность Бандера неоднократно приговаривался польскими властями к смертной казни, но всякий раз её заменяли пожизненным заключением.

В 1932 году он прошёл курс обучения в германской разведке, что, впрочем, не помогло ему избежать тюрьмы в той же Германии вскоре после начала Второй мировой войны. Боевые подразделения ОУН(б) под командованием Сухевича активно участвовали в военных и карательных операциях на стороне Германии. Сам Бандера был отпущен лишь в 1944 году вместе с другими украинскими националистами и доживал свои дни в Мюнхене, где его настиг выстрел Сташинского. Именно Бандера стал символом украинского национализма. Не случайно движение за украинизацию населения Украины названо «бандеровщиной». «Слава Украине. Героям слава» — это оттуда.

Кстати, жовто-блакитный (сине-жёлтый) флаг использовался во время оккупации в 1941—1942 годах органами местного самоуправления и полицейскими частями.

Во время Отечественной войны «свидомые» украинцы встречали немцев хлебом-солью, а русские, белорусы и малороссы пулями и гранатами, грома и тех и других.

Советский Союз большинство украинцев воспринимало как единую, общую для всех Родину. Севастополь, Киев и Москву защищали одни и те же люди. Приведённые президентом России примеры это подтверждают: «Более двух тысяч стали Героями Советского Союза. Среди них легендарный лётчик Иван Никитович Кожедуб, бесстрашный снайпер, защитница Одессы и Севастополя Людмила Михайловна Павличенко, отважный командир партизан Сидор Артемьевич Ковпак».

Здесь уместно привести ещё одно высказывание Владимира Владимировича: «Отдельно скажу о судьбе Подкарпатской Руси, которая после распада Австро-Венгрии оказалась в Чехословакии. Значительную часть местных жителей составляли русины. Об этом сейчас мало вспоминают, но после освобождения Закарпатья советскими войсками съезд православного населения края высказался за включение Подкарпатской Руси в РСФСР или непосредственно в СССР — на правах отдельной Карпаторусской республики. Но это мнение людей проигнорировали. И летом 1945 года было объявлено — как писала газета «Правда» — об историческом акте воссоединения Закарпатской Украины «со своей издавней родиной — Украиной».

Эта острая национальная проблема требует своего справедливого решения. Для нас поучительно — русины сохранили своё русское имя в условиях крайне агрессивной украинизации.

Новый этап украинизации

После войны украинизация была несколько приглушена. Но к началу очередной революции на Украине были воспитаны новые идейные троцкисты и «бандеровцы», в том числе в среде высшей партийной номенклатуры. В этом особая заслуга принадлежит Н.С. Хрущёву. Одним из первых громких дел инициированных им в качестве председателя Президиума ЦК КПСС была амнистия «... советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Указ Президиума Верховного Совета СССР 1955 года постановлял: 1. Освободить из мест заключения и от других мер наказания лиц, осужденных на срок до 10 лет лишения свободы. 2. Сократить наполовину назначенное судом наказание осужденным на срок свыше 10 лет. 3. Освободить из мест заключения независимо от срока наказания лиц, осужденных за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях. Освободить от дальнейшего отбывания наказания лиц, направленных за такие преступления в ссылку и высылку...»

Историк Евгений Спицын предполагает, что эта идея пришла Хрущёву через его вторую супругу Нину Петровну Кухарчук, уроженку западной Украины и, вероятно, тайного агента троцкистского Коминтерна. По его словам, «с самого начала супружеской жизни Нина Петровна «стала лепить из Никиты Сергеевича «шириго україньця»: с этого времени он начал пить горилку и ходить в вышиванке».

Под хрущёвскую амнистию попали бандеровцы, власовцы и «лесные братья». На западную Украину вернулись десятки тысяч активных ОУНовцев. Один из тогдашних лидеров бандеровского движения Василь Заставный объяснял своим соратникам, что период борьбы с обрезками закончился. «Теперь мы должны внедряться во властные структуры и систему образования для воспитания националистов». И призывал начать вращение во власть и вступить в компартию. Эта работа упорно велась несколько десятилетий и привела в руководство компартии Украины идейных бандеровцев.

Вместе с тем Хрущёв направо и налево раздавал российские земли. Китаю безвозмездно были переданы, находящие-

ся в аренде Порт-Артур и Дальний, Казахстану южная Сибирь. А Крым он решил подарить тогда ещё братской Украине к 300-летию воссоединения Великой и Малой. Этот широкий жест позже в Беловежской пуще повторил ещё один «благодетель» Б.Н. Ельцин.

Через того же Никиту Сергеевича компартия Украины, разбавленная скрытыми сепаратистами, стала кузницей кадров всесоюзного масштаба.

Новая революция по старым лекалам

Накануне 1991 года, как и накануне 1917-го, на Украине вновь поднялась волна украинизации. В 1989 году Верховный совет Украинской ССР внёс изменение в конституцию и принял закон «Про мови в Українській РСР», по которому украинский язык стал единственным официальным языком. Секретарём ЦК КПУ по идеологии в тот год был скрытый бандеровец Кравчук. Но тогда никто и предположить не мог, что опасность последует из самого корня русской цивилизации. В 1990 году он был введён в состав Политбюро компартии Украины. Горбачёв сделал его кандидатом в члены Политбюро и членом ЦК КПСС. В том же году Кравчук стал председателем Верховного Совета Украинской ССР. Всё произошло в точности по завещанию идеолога новой тактики украинских националистов Заставного.

После ГКЧП уже не было необходимости прикрываться партбилетом — компартия была запрещена. Кравчук вышел из неё и в тот же день под его председательством был провозглашён Акт независимости Украины. Хотя украинский народ этого не просил. На мартовском референдуме люди в основном проголосовали за сохранение Союза. В России 71 процент проголосовавших, на Украине — 70.

1 декабря 1991 года Леонид Кравчук был избран президентом Украины как «отец независимости». Через неделю 8 декабря от имени Украины он подписал Беловежские *«Соглашения о создании Содружества Независимых Государств»* вместе с Шушкевичем и Ельциным. По этому соглашению СНГ заменял СССР. То, что эти действия не имели никаких законных оснований, никого не волновало. Главный заказ наших противников был выполнен — Советский Союз разрушен.

После распада СССР процесс украинизации вёлся ускоренными темпами. Наши геополитические противники прекрасно понимали значение новообразованного государства в объединительных и разъединительных процессах на так

называемом «постсоветском» пространстве. Денег не жалели. Наступление на русское мировоззрение и русскую культуру шло по всем фронтам.

Даже Л.Д. Кучма, которому не за что злиться на нас, был вынужден угрождать бандеровцам при помощи книги «Россия — не Украина», в которую он собрал все пазлы польско-австрийско-немецкого проекта «Украина». Правда ему это не помогло. «Кучма — геть!» стало главным лозунгом «померанчевой» революции 2004 года.

Вера. Сразу же начались захваты православных храмов. Был организован Филаретовский раскол Русской Православной Церкви. Ватикан инициировал восстановление униатства, упразднённого в 1946 году. Порошенко «договорился» о получении томоса на новую украинскую церковь. Всю Украину наводнили секты самых разных толков.

Язык. Украинский был возведён в статус государственного, а русский, на котором говорит большинство населения Украины, не получил государственного статуса даже при якобы пророссийском Януковиче. Многочисленные законы, которые штамповались из года в год, предназначались для преследования русского языка во всех сферах жизни.

Идеология. Главным постулатом государственной политики стала усиленная и ускоренная украинизация населения, замешанная на агрессивной русофобии. В упрощённом виде она звучит так: «Во всех бедах Украины виновата Россия».

Закон 2021 года «О коренных народах Украины» поставил значительную часть коренных жителей, не пожелавших украинизироваться, в положение бесправных нацменьшинств.

Образование. Вся система образования от дошкольных учреждений до высших учебных заведений планомерно переводилась с русского на украинский язык. Русские школы закрываются по всей стране. Несколько сухих цифр. С 1990 года число школ с русским языком уменьшилось на 3 тысячи, то есть сокращение составило около 65%. В одном только Ровно были закрыты все пять русских школ. Русская литература теперь даже для русских учеников преподаётся в качестве иностранной.

Средства массовой информации. По закону 80% вещания должно вестись на украинском языке. Русскоязычные СМИ подвергаются гонениям. Закрываются крупнейшие оппозиционные украинские телеканалы. Введён запрет на вещание российских СМИ. Реклама разрешена только на украинском. Введена жесточайшая цензура. В эфире звучит только

официально дозволенная точка зрения. Просто полная свобода слова...

Культура. В кинопрокат могут выходить фильмы либо на украинском, либо с украинским (но не русским) дублированием. Детские фильмы дублируются на украинский на 100%. Число русских театров сократилось многократно. И это далеко не все способы замены русской культуры на украинскую.

Выросло уже несколько поколений украинцев, которые действительно считают Россию своим главным врагом, а украинское счастье ожидают только после исчезновения России. Вот откуда такая ярость на «майдане». Вот откуда бесчеловечная жестокость клюдям Донецка и Луганска (даже безоружным), посмевающим встать на пути к «светлому будущему свободной Украины».

Два украинских «майдана» совсем не случайность. Померанчевая революция 2004 года и революция гідности 2014 однозначно пробивали во власть откровенных нацистов.

Это результат системной обработки мозгов, которая начинается с детских садов. Украинка Галина, переехавшая в Россию, рассказывала, что детей постоянно вывозят показывать «цэ Европу». Целые поколения «настоящих украинцев» теперь готовы уничтожить любого, кто не согласен украинизироваться. Для «ширых» украинцев все неукраинцы, от мала до велика, стали сепаратистами, врагами Украины, которых требуется поднять «на ножи». В стране установлен режим террора против «врагов Украины». Врагом объявлялся каждый, кто хоть как-то проявлял симпатии к России, — даже если ты стопроцентный украинец по крови и разговариваешь на украинской мове. Началась война на истребление против неукраинизированной части собственного народа. Проект «Украина» начал давать кровавые результаты.

По оценке Верховного комиссара ООН по правам человека, общее число жертв, связанных с конфликтом в Донбассе, превысило 13 тысяч человек. В их числе старики, дети, женщины. Страшные, невосполнимые потери.

Ненависть не может приносить добрые плоды. Потому столь удручающими стали результаты правления «правильных украинцев». В январе 1992 года республика была настоящей державой с развитой авиакосмической и военной промышленностью, продуктивным сельским хозяйством, мощной угольно-металлургической базой. Украина имела доступ к дешевому российскому газу и нефти, но при этом не платила по долгам СССР.

За три десятка лет «нэзалэжная» Украина учинила саморазгром своей экономики и влезла по уши в долги. В.В. Пу-

тин привёл впечатляющие цифры: «За последние 10 лет выпуск продукции машиностроения упал на 42 процента. ...Выработка электроэнергии за 30 лет на Украине сократилась практически вдвое. По данным МВФ, уровень подушевого ВВП Украины составил меньше 4 тысяч долларов. Это ниже Республики Албании, Республики Молдовы и непризнанного Косова. Украина сейчас — беднейшая страна Европы». Вместе с этим пришла «не просто полная зависимость, а прямое внешнее управление, включая надзор иностранных советников за украинскими органами власти, спецслужбами и вооружёнными силами, военное освоение территории Украины, развёртывание инфраструктуры НАТО».

Развал СССР, как топор по живому, разрубил единое народное тело на части. И раны его не перестанут кровоточить, пока не срастутся. Украинцы тоже стали разделённой нацией. Всего на Украине числятся тридцать четыре миллиона украинцев, а за границей — восемь: 800 тысяч в Казахстане, 600 тысяч в Молдавии, 300 тысяч в Белоруссии, 1 миллион двести тысяч в Канаде, 600 тысяч в США, 800 тысяч в Европе. В России украинцы третий по численности народ (1 927 988 человек). Однако с учётом трудовых иммигрантов (около 3,6 миллионов) у нас живут более пяти миллионов украинцев.

Западу очень хочется оторвать Украину от России, очень хочется. Но содержать её он не может. Так что украинские паны напрасно мают свою незалежность в помощи Запада, в заступничестве НАТО. Самостийную Украину Америка кормить и одевать не будет. Украину смогут прокормить только сами... малороссы. НАТОвцы с готовностью защитят, но не украинский народ, а марионеточную верхушку. Да и верхушка, не дождавшись обещанной манны небесной, начинает слегка трезветь.

Будущее Украины

Предсказать, в какую сторону повернёт проект «Украина», сейчас сложно. Он в значительной мере себя дискредитировал, но ожидать, что украинский народ «прозреет» и всё сам исправит, бессмысленно. Ему не дадут окончательно «прозреть» и искоренить «майданную» психологию. Слишком важна Украина в борьбе против России. Другой такой дубины против русских создать не удастся. Поэтому западные кукловоды будут проклинать украинскую коррупцию, но использовать Украину в своих целях до последней возможности. Очень удобно: мол, русские (малороссы и вели-

короссы) сами перебьют друг друга, и можно будет беспрепятственно хозяйничать на русской земле.

И всё же, несмотря на тотальную украинизацию, люди постепенно начинают понимать, что «революция достоинства» усугубила их положение. Но единственное, что они могут сделать — это выехать в Россию. Что и сделали миллионы украинцев. Как и в XVII веке. Однако значительная часть украинского народа по-прежнему видит будущее «ридной неньки» в «нэзалэжности». Можно было бы посчитать, что это их внутренне дело, если бы не одно важное обстоятельство. «Нэзалэжность» Украины круто замешана на ненависти к России. И настоящий украинец вовсе не тот, кто родился на Украине и говорит на мове, а тот, кто борется с «вечными оккупантами москалями». Такая свидомость сидит в головах миллионов украинцев. Логически объяснить им ложность этого постулата невозможно. Наглядно мы видим это на политических ток-шоу, в которых участвуют украинцы «нэзалэжной».

Есть большая вероятность того, что при существующем положении бандеризация будет усиливаться. И чем дальше, тем больше.

Делаем вывод из всего вышесказанного. Люди, живущие на Украине в большинстве своём действительно наши братья. Однако немалая часть украинского народа подвержена влиянию антирусской пропаганды и теряет духовную связь с Россией. А вот верховная власть в Киеве захвачена людьми, которые ведут откровенно антирусскую политику и внутри страны и по отношению к нашему государству. Как и казачья старшина в XVII веке, которая искала личной выгоды и примыкала туда, где можно больше получить.

Такое состояние сознания украинцев надо учитывать при разработке политики России по отношению к современной Украине.

Наши действия

Учитывая существующие реалии, надо выстраивать нашу политику по отношению к братской Украине. Братской без кавычек. Мы действительно кровные братья. Но не все. Некоторые не очень-то стремятся в братские объятья.

Уже очевидно, что государственное образование под названием «Украина» не является нашим геополитическим союзником. Это наш геополитический противник. Без осознания этой горькой истины мы не найдём верных способов действий.

Наша фундаментальная ошибка заключается в заботе о соблюдении целостности Украины. Нет никакой целостной Украины. И не было. И не будет. Единственно возможный вариант — в составе общего обновлённого Союза. А заботиться о целостности враждебного нам государства неразумно. Сотрудничать с Украиной нужно обязательно, но упор делать на культурные связи, и не поддерживать экономику недружественного государства из братских чувств.

Исходя из сложившихся обстоятельств, нам следует протянуть руку тем братьям, которые считают нас родными. Центральная киевская власть пока до этого не созрела. Мы для них в лучшем варианте партнёры, причём не особенно желательные. В данном случае, как говорит наш президент: «Нужно быть прагматиками».

До недавнего времени наши действия носили оборонительный характер. За исключением молниеносного возвращения Крыма. Но учитывая настырность наших «партнёров» надо разрабатывать свой наступательный план действий.

С недавнего времени чрезмерная сдержанность сменилась открытым недовольством. Но, к сожалению, наша политика по-прежнему страдает отсутствием внятного последовательного курса и конкретных действий. Всё упование на «минские соглашения» и возможность договориться с влиятельными лицами украинского истеблишмента. Этого явно не достаточно. Болезнь бандеризации поразила немалое число украинцев и проникла глубоко.

Нам следует твёрдо усвоить; Украина — древняя Русская земля. На ней живёт русский народ. Но этот народ уже давно разделился, и его части имеют разный менталитет. Левобережная (по Днепру) Украина всегда тяготела к России. Для них Россия — Родина-мать. Для западэнцев она оккупант. И они готовы искоренять всё русское ради «защиты свободы Украины».

Русских по духу надо поддерживать. Тех, кто решил приехать в Российскую Федерацию, принять как братьев. Тем, кто продолжает бороться в пределах современной Украины, всемерно помогать.

В первую очередь следует всеми возможными способами поддержать тех, кто уже сделал свой выбор в сторону России. ЛДНР (Новороссию) надо воспринимать не как часть Украины, а как русскую землю, отвоёванную у перевёртышей. С перспективой «возвращения в родную гавань». Неразумно отдавать своих союзников на заклятие Киеву в надежде заполучить всю Украину. Подобную ошибку совершили большевики в 1920 годы. Не надо её повторять. Пока что значи-

тельная часть украинцев желает независимости больше, чем единства: мол, пусть Россия даёт нам по-братски дешёвый газ, а мы будем сами решать, с кем нам дружить.

Следует поддержать дружественные силы в областях, составляющих русский пояс на Украине, от Харькова до Одессы. Несмотря на русофобское давление, Юго-восток сохранил верность своему традиционному жизненному укладу и вновь начинает осознавать себя Новороссией.

Наиболее разумно проводить восстановление единства русского народа по частям. По мере осознания этих частей необходимости воссоединения с Россией. Значительная часть харьковчан, одесситов, мариупольцев это уже осознали. Им нужна всемерная помощь в реализации законного права народа на самоопределение. Пусть народ сам решает, каким образом ему строить свою жизнь. Переход новороссийских областей к независимости от киевского управления — наиболее приемлемый и безопасный путь к нормальной жизни. Это общепринятая мировая практика.

Тем, кому нравится существующее положение на Украине, могут не беспокоиться и сохранять статус-кво. Но, судя по всему, таковых становится всё меньше.

Для России возвращение русских земель «в родную гавань» — общенациональная задача. Для её осуществления нужна комплексная программа действий на десятилетия вперёд. Исцеление возможно, но лечение будет долгим и болезненным. Предварительно надо продумать всё до мелочей, а затем действовать решительно и твёрдо.

Во-вторых, надо создать тщательно продуманный и детально проработанный **проект «Новороссия»**, исходя из исторического анализа и современного положения. Он должен иметь три части. Одна посвящена ДНР и ЛНР, т.е. фактически существующей Новороссии. Другая для областей исторической Новороссии (Харьковская, Херсонская, Николаевская, Одесская, Запорожская, Кировоградская, Днепропетровская области), которые в данное время пока входят в состав Украины.

Отдельный проект необходим для Закарпатской Руси. Он не связан напрямую с Новороссией, но исторически это всё единая Древняя Русь, и жители её, русины, сохранили свою принадлежность Русскому миру.

Созданная идеологическая доктрина будет противостоять петлюро-бандеровской доктрине проекта «Украина». Она должна возратить сознание украинцев из ложной антирус-

ской установки к пониманию единства наших народов. И в итоге восстановить целостность некогда единой нации.

При наименовании доктрины можно использовать устоявшиеся исторические понятия Малороссия и Новороссия. Но возможно, и «Украина-Русь». Так называется историософская теория, используемая украинскими националистами для оправдания антироссийского проекта. Она легко воспринимается украинцами и при наполнении правильным идейным содержанием может привести к положительному результату. Если главным постулатом будет: **Русь — основа всего русского, Украина жизнеспособна только в едином Русском мире.**

Новороссия — это неотъемлемая часть Русского мира, а не украинского. Это не соседняя область, а часть Большой России. Именно новороссы вместе с малороссами являются нашими братьями, а вовсе не свидомые «украинцы», для которых мы все враги. И если мы в силу обстоятельств пока не можем прирастить её к нашему государственному организму, то мы должны сделать всё, чтобы это стало возможным в ближайшее время. Необходимо помочь нашим братьям в укреплении государственности Новороссии. Нашей Новороссии. И не надо этого бояться.

При этом В.В. Путин совершенно правильно утверждает, что «Россия никогда не была и не будет «анти-Украиной».

Новороссия (Новая Россия) вновь становится форпостом России. В Новороссии идёт война на уничтожение «сепаратистов-ватников». Уже само по себе является чудом то, что они выдержали натиск Украины, подталкиваемой «всем мировым сообществом» (читай «тайными властителями мира»).

Проекты «Новороссия», «Закарпатская Русь», а также «Приднестровье», «Русские в СНГ» и «Русские в мире» необходимо собрать в единый проект «Русский мир». Ядром этого большого проекта должна стать Российская Федерация.

Вместе с тем необходимо создать разветвлённую **систему средств идеологической борьбы**, работающую на украинском направлении: аналитический центр, СМИ (телевидение, радио, печать, интернет), собственную систему распространения (продвижения), постоянно действующие семинары для участников всех проектов. Пока враждебные СМИ значительно превосходят нас по всем показателям. Без победы на информационном поле разрешить самое сложное противоречие Русского мира просто невозможно.

Особо необходимо отметить значение Православной Церкви на Украине. В условиях жестоких гонений она проявила невиданную стойкость и в настоящее время является един-

ственной действенной скрепой, соединяющей Украину и Россию. Канонической Украинской Православной Церкви необходимо оказать всестороннюю помощь: молитвенную, идеологическую, дипломатическую, культурологическую для поддержания нашей братии в тяжелейшей духовной брани за Русский мир на земле наших предков — исконной Руси.

Это общие программы. Есть и конкретные сиюминутные предложения. Необходимо:

Признать референдумы в ДНР и ЛНР соответствующими нормам международного права и выявившими волеизъявление народов, здесь проживающих.

Обратиться в ЮНЕСКО о сохранении памятников русской цивилизации за пределами РФ и о нарушении языковых и культурных прав русскоязычного населения Украины.

Инициировать в Гаагском трибунале расследование геноцида жителей Одессы 2 мая 2014 года по иску родственников.

Обратиться в правозащитные (не либеральные) организации о расследовании многочисленных случаев нарушения прав человека на Украине. Обращение в ЕСПЧ от российского МИДа уже было направлено.

Обратиться к Вселенским Патриархам Православных Церквей с призывом осудить насилие по отношению к мирянам и духовенству Русской Православной Церкви Московского Патриархата на Украине.

Привлечь внимание мировой общественности к усилиям русинов Закарпатья сохранить самоидентичность русинского народа.

Предусмотреть квоты выпускникам школ ДНР и ЛНР в российских ВУЗах, прошедшим отборочные конкурсы.

Создать в Крыму филиалы Российских ВУЗов. Филиал МГУ в Севастополе уже создан.

Ежегодно проводить в Крыму фестивали русской культуры. Международный фестиваль «Великое русское слово» уже проходит ежегодно.

Провести исторические и филологические исследования по теме «Малороссы — наследники Древнерусской культуры».

На правах правопреемника Советского Союза предоставить всем, не принявшим украинское гражданство, право принять по желанию российское гражданство в максимально облегчённом виде. Этот процесс уже идёт полным ходом.

Конечно, любое наше действие вызовет вой недовольства бандеровцев, но нас это не должно волновать. Вой и так сто-

ит по всему миру, даже без всяких причин. Таковы условия информационных войн. И чем успешнее мы проведём борьбу в сфере идеологии, информации и культуры, тем меньше прольётся крови.

Главный вывод. Украина не просто сосед, это Малая изначальная Русь — Малороссия. Это неотъемлемая часть нашего единого государственного организма. Украинский народ нам не просто братский. Малороссы — это полноправная часть русского народа.

Перед Россией стоит серьёзнейшая задача — вернуть Украину в сферу Русского мира. Если это удастся сделать — мы восстановим единство русского народа. Если нет, то будем под постоянной угрозой войны на своей территории.

Вместе мы — Украина и Россия — всегда были и будем многократно сильнее, успешнее и счастливее.

ДВА РАССКАЗА

ТАКА ЖИСТЬ

Баба Маня надумала помирать. Была пятница, обеденное время. Похлебав пшённного кулешу, запив его молоком и утерев передником рот, она, глядя через стекло кухонного окна куда-то вдаль, промолвила обыденным, бесцветным голосом:

— Валькя! Пасля завтра помирать буду, в воскресенье, аккурат пред обедней.

Дочь её Валентина, передвигая на плите кастрюли, на мгновенье замерла, потом резко, всем телом развернулась лицом к матери и села на табурет, держа в руках тряпку:

— Ты что это надумала?

— А время кончилась, всё таперича, пожила, будя. Подсобишь мяне помыться, одёжу новую из смертного узялка достань. Ну, ета мы пасля с тобою обсудим, хто хоронить будить, хто мяне могилку рыть станить, время пока есть.

— Это что же, надо всем сообщить, — растерялась сразу дочь, — чтоб успели приехать попрощаться?

ПРОЗА

— Во-во, обязательно сообщчи, говорить с имя буду, — невозмутимо выдохнула баба Маня.

— Хочешь всё рассказать напоследок? — пытливо заглянув в глаза матери, поняла её мысли Валентина и одобрила решение, — это верно, пускай знают.

Старушка согласно покачала головой и, опираясь на руку дочери, засемила к своей постели.

Была она маленького росточка, сухонькая, личико — как печёное яблочко, всё в морщинах, глаза живые, блестящие. Волосы редкие, сивые, гладко зачёсанные, собраны в пучок на затылке, подхваченные гребешком и убраны под беленький ситцевый платочек. Хоть по хозяйству она давно не занималась, но фартук-передник надевала по привычке. Пока дочь хлопотала возле печи, баба Маня обычно молча сидела на табурете, поджав и пристроив на перекладинку свои короткие, обутые в чуни ноги, напоминая худенького подростка. На колени клала свои натруженные руки с крупными, будто раскатанными скалкой кистями и пальцами, короткими и широкими. Шёл ей восемьдесят девятый год. И вот надо же, собралась помирать.

— Мам! Я на почту дойду, дам телеграммы, ты как? — уточнила Валентина.

— Ничё, ничё, ступай с Богом, — успокоила она волнения дочери, — а я поляжу пока.

Оставшись одна, баба Маня призадумалась. Мысли занесли её далеко, в молодость. Вот она со Степаном сидит над рекой, грызёт травинку, он улыбается ей нежно так. Свадьбу свою вспомнила. Маленькая, ладненькая, в креп-сатиновом светлом платье, вышла невеста в круг и давай плясать с притопом под гармонь. Свекровь, увидев избранницу сына, сказала тогда:

— Чаво проку от такой-та в хозяйстве, мелковата, да и родить ли?

Не угадала она. Маша оказалась трудолюбива и вынослива. В поле, в огороде работала наравне со всеми, не утонишься за ней, много трудодней зарабатывала, ударницей была, передовичкой. Дом стали ставить, она первая помощница Степану, подать-принести, поддержать. Дружно жили они с мужем, душа в душу, как говорят. Через год, уже в новой хате, родила Маша дочь Валюшку. Было дочке четыре года и подумывали о втором ребёнке, как началась война. Степана призывали в первые же дни.

Вспомнив проводы его на фронт, баба Маня судорожно вздохнула, перекрестилась, утерев влажные глаза фартуком:

— Соколик мой родимай, уж сколь я по табе горилася, сколь слёз пролила! Царствие табе нябеснае и вечнай покой! Скоро свидимси, погоду маненько!

Её мысли прервала вернувшаяся дочь. Пришла она не одна, а с местным фельдшером, что лечил, почитай, всё село.

— Как вы тут баба Маня, приболели? — участливо наклонился фельдшер и спросил громко, почти в самое ухо.

— Ой, и чаво ж ты, милоч, так надрываисси, чай не глухая, чую, — отшатнулась от фельдшера баба Маня и тут же степенно ответила на вопрос его: — Ничаво, не жалуясь пока, слава табе Господи!

Он послушал старушку, измерил давление, даже градусник поставил, всё оказалось в норме.

Перед уходом, отведя Валентину в сторону, фельдшер, понизив голос, сказал:

— Видимо, истощился жизненный ресурс. Это не доказано наукой, но, кажется, старики чувствуют, когда уйдут. Крепись и готовься потихоньку. А что ты хочешь — возраст! Э-хе-хе!

В субботу Валентина искупала мать в бане, обрядила во всё чистое, и та улеглась на свежезастеленную кровать, сложив на груди руки и вперив глаза свои в потолок, как бы примеряясь к предстоящему состоянию. После обеда стали съезжаться дети.

Иван, грузный располневший лысоватый мужчина, шумно войдя в дом, занёс сумку гостинцев.

Василий и Михаил, два брата близнеца, смуглые, черно-волосые, носы с горбинкой, появились на пороге, приехав вместе на машине из города, с тревогой глядели в глаза сестре: мол, как она?

Тоня, сильно раздобревшая, с благодушным лицом, свойственным полным людям, добралась на рейсовом автобусе из соседнего района, где жила с семьёй.

И последней, уже ближе к вечеру, на такси от железнодорожной станции, приехала Надежда. Стройная, рыжеволосая, директор школы из областного центра.

С тревожными лицами, сморкаясь в платки, утирая слёзы, они входили в дом, сразу проходя к матери, казавшейся маленькой и беспомощной на большой постели, целовали её и, держа за руку, спрашивали, заглядывая с затаённой надеждой в глаза:

— Мам, что ты удумала, ещё поживёшь, ты у нас сильная.

— Была, да вся вышла, — отвечала баба Маня и, поджав губы, вздыхала: — отдыхайте покедова, завтра поговорим, не боитесь, до обедни не помру.

Дети с сомнением отходили от матери, обсуждая насущные вопросы друг с другом. Они все, в общем-то, не молоды уже, тоже часто прибаливали и были рады, что с мамой постоянно жила Валентина, и можно спокойными быть за неё.

Приехав к матери, по давно сложившейся привычке взялись помогать по хозяйству. Тут всё знакомое и родное, дом их детства. Михаил с Василием рубили дрова и складывали под навес, Иван таскал в бочку воду из колонки, Антонина отправилась кормить скотину и кур, а Валентина с Надеждой занялись ужином.

Потом на кухне, собравшись за большим столом, дети бабы Мани разговаривали вполголоса, а она, уставившись в белый потолок, как на экране, увидела свою жизнь.

Тяжко пришлось в войну, холодно, сурово и голодно. Ходила на поле весной выковыривала мелкие промёрзлые чёрные картофелины, оставшиеся с осени, тёрла их и жарила драмки. Благо нашла в бане, на окошке небольшую бутылочку с льняным маслом. Когда-то, ещё до войны, после парилки смазывала загрубевшие ступни ног. Повезло! Стала по капельке добавлять на сковородку. А тот небольшой запас картошки, что был в погребе, берегла и не прикасалась. Как установились тёплые майские дни, посадила почти одними глазками, не могла большего себе позволить, как чувствовала, что война затянется, и горюшка ещё хлебнут. Черемшу собирала, щавель, лебеду, крапиву — всё шло в пищу. Ребятишкам перешивала из своего, а как через год после начала войны получила похоронку на Степана, то и из его вещей тоже. Плакала и перекраивала, пахнувшую ещё мужем, его потом, его еле уловимыми запахами одеколona и махорки когда-то вместе купленные вещи. Часто прерываясь и зарываясь мокрым от слёз лицом в выкройки, настороженно нюхивалась и притихала, чтобы дети не увидали. Ей слабой быть нельзя.

— А чаво тута паделаишь, така жисть! — прервав ход своих воспоминаний, тяжело вздохнула баба Маня.

Ближе к осени подкапывала картошку, варила её и, наполнив горшки, утеплив старыми платками и прихватив малосольных огурчиков, зелёного лучку, ходила за пять вёрст на узловую станцию, выменивать у эшелонов на другие продукты и вещи. Соскучившись по домашней пище, проезжающие охотно менялись.

Когда прибывал военный состав, глядишь, да и разживёшься тушёнкой, салом, а то и кусочек сахару получится, всё детям радость. Они худющие, бледненькие, встречают мать с надеждой в глазах.

Как-то уже к концу войны надумала Маша купить козу. Порылась в сундуках и, достав неприкосновенное — мужской новый бостонский костюм и своё выходное крепдешиновое платье, всплакнув над ними, прибавила к этому серебряные серёжки с бирюзой и картину с плывущими по озеру лебедями, отдала всё это богатство за молодую и строптивую козочку. Теперь у её детишек было молоко, как хорошо-то! Через месяц уже заметно повеселели ребята, румянец на щёчках появился.

Да, намаялась она одна с детьми. То в школе проблемы, то болезни одолели. Васятка заболел ветрянкой и всех заразил. И смех, и грех! Полный дом, как лягушат, истыканных зелёной пятнистых детей. Ногу кто сломает, в драке голову расшибёт, за всех душа болела. Вспомнилось ещё, как кончилась война, да вернулись фронтовики, стали её мальчишки поругиваться матерком да курить махорку втихаря, за сараями. Пришлось проявить характер. Зазвала обманом Ваню, Ваську да Мишу как-то в баню, будто подсобить надо, заперла изнутри и накормила табаком, едким самосадам. Орали, отплёвывались, но с тех пор — ни-ни, не примечала, чтоб курили. А куда деваться, коль мужа нету? Боялась за них, страсть! То Ванечка заблудился в лесу, искали всем селом целый день, то Тося чуть не утонула, попав на реке в водоворот, а Мишу с аппендицитом еле успели до больницы довести, выходили, не помер.

И опять, судорожно вздохнув, подумала:

— Така жисть!

Шли годы, дети росли. К Маше сватались мужчины, вполне достойные были, да как детям скажешь? Начала было однажды разговор с ними, а ребята в один голос:

— Зачем мужик в дом? Мы слушаемся, помогаем во всём, нам и так хорошо и дружно!

Как скажешь им, что стосковалась по мужской ласке, что хочется быть слабой и зависимой, что мочи нет тащить всё на своих плечах, хоть часть бы проблем переложить, спрятаться за спину сильного человека, когда плохо. Но тут же посещали и другие мысли:

— А как забижать начнёт детей, ну яго к бесу! — с этой мыслью сама и согласилась.

Вот стали подрастать да вошли в свою пору детки её, только держись! Бессонные ночи у матери под окном, в ожидании. Им свидания, а ей, мамке, утирать горькие слёзы обид и разочарований. Да не один час увещевать, уговаривать, что не всё потеряно в жизни. Она, жизнь их, только начинается и всё ещё будет хорошо.

— Не плач тяжало, не отдам даляко, хоть за курицу да на свою улицу, — приобняв за плечи страдающую от неразделённой любви Надюшку, пыталась шутиливой поговоркой утешить мать. — А чаво горевать-то, доча, всё перемелется, мука будить.

А потом мальчишки её один за другим пошли служить в армию, провожала, вспомнив войну, плакала. Но, Слава Богу, все живые вернулись, окрепшие.

Женились, вышли замуж и разлетелись из гнезда её дети, одна Валентина не устроила свою судьбу, при матери осталась.

— Така она — жисть!

Были у них в семье, конечно, и радости, куда без них. Воспитала детей достойными людьми, и руки у всех золотые. Это ли не радость? Гордилась ими. Внучаток родили ласковых да внимательных к бабуле. Каждое лето шум, гам-тарарам в домишке бабы Мани. Внуки на каникулы приехали! Соседок прям завидки брали на такие отношения.

Смежив веки, тихо лежала баба Маня, мысли убаяюкали её, перестали будоражить и пугать страшными картинками из далёкой жизни, и она уснула под тихий разговор своих детей, которые продолжали обсуждать что-то на кухне.

Наутро после завтрака все собрались вокруг матери. Ей, чтобы было удобно, подложили пару подушек под спину. Обведя детей пристальным взглядом, как бы решаясь на что-то, баба Маня заговорила:

— Проститя мяне за ради Бога, коль чаво не так, робяты. Говорю, чтоб не осталось злобы аль обиды какой. Живитя меж собой дружна, помогайтя, коль чаво. Я-та уж скоро помру.

Все, одновременно возмутившись на её слова, замахали руками, загалдели, перебивая друг друга, но мать категорично остановила их:

— Хотитя, не хотитя, а как Господь решить, так и будить.

Наступила тишина. Переводя взгляд с одного на другого, баба Маня тихим голосом начала свой рассказ:

— Как-то в начале войны, зимой, мы с Валюшкой сидели в избе, на печи, она и говорить:

— Мамка, штой-та стучаить в дверь и кричить хтой-та. Пошла, глянула. Батюшки светы! Рябёнок ляжить на завалинке и орёт, а рядом ну никого нету. Я поглядела, поглядела — люта стыло на улице, да и занясла яго в хату. Голодной, посинел малец. Жваник сделала с хлеба в тряпицу, тёплай вадички дала, уснул. Мать так и не нашлася. Назвали мы дитё Ваняткой. Смышлёнай оказалси.

— Потом где-та году в сорок втором тяжёлая зима, марозная. На узловой станции возля шелону, гляжу, сядить дьявчонка, годков пяток ей, почитай, как моя Валькя. На узлах сидить, а мамки нету. Я с ёй подождала часа два, так она и не объявилася. Поспрашивала там-сям, никто не выдал. А дьявчонка та щёки приморозила, побялели они. Интерясуюсь, как звать, бьётся в слязах и молчить. Посля выяснилось — Тоня. Умная дьявчонка, добрая.

— А уж в сорок третьем привязли на полутарке в сяло дятей. Сказывали, немцы разбомбили колонну, и взяли их в тыл.

— Кто вазьмёт, осталось десятка два, в других сёлах разобрали, пожалейтя, бабы, ребятишков, помилосердствуйтя! — кричить охрипший председатель. А кто их будить брать, своих кормить нечем. Гляжу, сидять, как воробушки, два одинаквя, близнята, прижались друг к дружке, годка по дватри им будить. Глазишшы огромныя, плачуть. Говорю председателю:

— Давай на мяне записывай, Васятка да Миха, мои будуть, выдюжим как ни то. Вот така жисть, робяты. Дружные мальцы были, вязде вместе.

Немного помолчав, передохнув, баба Маня продолжила:

— А Надейку-та я у пьянай мамки отбила. Жалко бабу, запила с горя, што мужик погиб. Сама таскалась и яё таскала па дворам да шинкам. А как я дьявчонку забрала, тут жа и сгинула. Сказывали, спилася да помёрла. Ох и нахлебалась малая горюшка, не враз оттаяла душой, да время лечить.

В комнате установилась звенящая тишина, дети бабы Мани сидели, переглядываясь, не зная, что и сказать, осмысливая услышанное.

— Всё, идитя, я устала, нямного посплю, — резко оборвала свою исповедь баба Маня.

— Мамочка, да как же это? Мы ж не знали! — в один голос загомонили все.

— Идитя, идитя таперя, — настаивала баба Маня.

Казалось, ей было неловко, она стеснялась услышать слова благодарности от детей, их недоумённые вопросы.

Все вышли в кухню, стали обсуждать услышанное от матери, делиться своими впечатлениями после сказанного, припоминать то, что стёрлось за давностью лет, какие-то подсказки памяти, ощущения. Не чувствовали они себя чужими, тепло и уютно было им в этом доме и детство виделось счастливым. А если за жизнь и возникали вопросы, то мать однозначно всегда пресекала их словами:

— Все мои, родныя, как один. Не дурите мене голову, займитесь делами.

На церковной колокольне ударили в колокол, призывая народ к обедне. Валентина тихо, на цыпочках зашла в комнату матери, желая укрыть потеплее одеялом. Та лежала, глядя в потолок широко открытыми глазами. На спокойном лице застыла счастливая улыбка. Преставилась.

ПОЗОРИЩЕ

Едва приоткрылась дверь из сеней и Мария Ермолаевна, развязывая полушалок, переступила порог, как с кровати раздался скрипучий недовольный голос мужа:

— Ну, наконец-то, заждался! А меня тут, гляди-ка, замордовали совсем!

Дед Савватей лежал ничком на постели, а дочь его, склонившись, осторожно снимала со спины отца марлю с размякшими горчичниками. На его слова ухмыльнулась только:

— Ничего, жив будешь! Курить меньше надо или вовсе прекращать своё вонючее увлечение. Ишь ты, жалуется он ещё, ябеда!

Однако дед не унимался:

— Всю ту неделю ходил, как старая божья коровка, в пятнах от банок, теперь — будто засохшая вчерашняя котлета, в горчице вывараканный, лежу тут!

— Не гунди Савватей, — Мария Ермолаевна поставила на стол пузырьки с лекарствами. — Вот алтейка, чтоб легче отхаркивалось. Сейчас молока с мёдом, маслом и содой наместаю, — и добавила назидательно: — Уж не молоденький, таскаешься всё, балагуришь, а ведь осень на дворе, зябко.

Дед Савватей гулко откашлялся, осторожно перевернулся, улёгся поудобнее, повыше в подушках, и, сложив руки на животе поверх одеяла и глядя в пространство, спросил жену:

— Ну, чего там делается, на воле-то? Какие новости?

— Да встретила одну старую знакомую, работали когда-то вместе, так она буднично говорит, мол, внучка беременна, скоро родит. А они и сами не знают от кого, да и лет девчонке, поди, шестнадцать всего! Во дела! Какие времена настали — ни чести девичьей, ни законного брака! И родных, главное, не коробит это! Позорище! — возмутилась, покачав головою Мария Ермолаевна, подавая мужу питьё.

Медленно, небольшими глотками выпив горячее молоко, дед Савватей, откинувшийся на подушку, утирая и разглаживая рукою усы и бороду, в раздумье произнёс, обращаясь к жене и дочери, сидящим тут же в комнате, за столом:

— Вот вспомнился один случай. Хотите, расскажу? Пока чай попьёте — послушаете. Согласные? — И на утвердительный кивок супруги начал.

Было это в тысяча девятьсот шестом году, мне шестнадцать только исполнилось. Работал я, как говорится, «на подхвате», на побегушках у одного зажиточного мужика, прасола, Трифона Ферапонтовича Кособрюхова. Платил он мало, зато я сыт всегда бывал. Глядишь, и мяса перепало. А чего ещё-то подростку надо? Чтобы голод не докучал. Горячее хлебово, да хлеба поболее. А родители мои рады-радешеньки, что лишний рот в люди пошёл.

Трифон Ферапонтович, хоть и не купец, но своё дело имел, первостатейный хозяин! Доставлял товар в город, непосредственно к купчихе третьей гильдии Парамошкиной Глафире Кузьминичне. Она владела лавками с незатейливым, но очень необходимым народу товаром. Хлебным — с калачами да баранками, с ситным да пеклеваным, своя пекарня и производила. Квасы варили да сбитни, рассольного во множестве да квашеного. Пару трактиров, рюмочные да закусочные содержала. Были и мастерские, к примеру, бондари, тару для квашеных овощей да яблок мочёных и всего прочего изготовляли. Кузня своя, а там всё, от подков и накладок на сундуки, от скобяного до замысловатых кованых ворот к оградкам. Пошивочная, шорная да и гончарная. Её корабейники по уездным городам, сёлам да деревенькам ходили со всяческим мелочным, народу нужным. Ярмарки свои и выездные насыщали товарами. На рынке в больших обжорных рядах, где торговали готовой, жареной, пареной пищей и за засаленными столами обедали заполонившие губернский город искатели работы. Где дешёво можно было отведать требухи с хреном, похлепать горячего с куриными потрошками да даже и пустые щи — у Глафиры Кузьминичны свои законные, за нею закреплённые места имелись.

Сдавала Глафира Кузьминична квартиры и дома в наём, с того не малый барыш.

Не скупилась она на богатые подношения храмам, богобоязненная была, о душе своей пеклась. На нужды города не жалела, а может, и пожаливала, да кто об этом знать мог? Богоугодным заведениям — странноприимным домам, домам призрения на содержание сирот, калек и убогих больных. Нищих кормила у себя в дармовой столовой. Не забывая о подаяниях, развернулась Глафира Кузьминична основательно. Ну, это как уж водится. За благие дела ей даже дозволялось ездить по городу в своём экипаже, в пароконной

коляске, обитой зелёным бархатом с откидным кожаным верхом, как, к примеру, купечеству второй гильдии и уж первой, конечно.

По заслугам и дозволение, как говорится: всё по чину, кто кушает филей, а кто грызёт жилистую конину. Так ведь?

Да, впрочем, купчиха Парамошкина стремилась выше, готовилась перейти во вторую гильдию купечества, финансовое состояние позволяло.

Вот мы, на нескольких подводах, гужом, чтобы часто лошадей не гонять, путь-то не близкий, тянулись к ней. Меня с собой брал каждый раз хозяин, хвалил за изворотливость и исполнительность. Возили мы молочное, огородину, битую птицу, крупы, мучку да маслице, овощи и другого съестного много чего, всё и не упомнишь. А ещё пеньку, щетину да и пряжу, и полотно по сёлам скупали. А из города-то обратно разную дребедень, по списку, по заказу. Ведь крепким хозяевам недосуг мотаться, да и от подворья не отойти. Вот мы уж и снабжали. Среди наших мужиков в ту пору гуртовщики-табунщики, погонщики скота знатные имелись, по России-матушке известные. Спросят, бывало:

— Где бы стоящих гуртовщиков найти, скот бы перегнать?

— Как где? Так в Тамбовской губернии, где же ещё, лучше и не сыщите! — отвечали сведущие люди.

Скот крупный рогатый, да и овец, да и табуны коней гоняли в города уездные, бывало, на скотобойню, но чаще всего подальше переправляли, аж за много вёрст от дома, в другие губернии. Продавали там или сдавали с рук на руки заказчикам. Деньгу в загашник, и по домам!

Трифон Ферапонтович тоже попробовал было этим промыслом заняться, пару раз и мы поучаствовали да бросили. Морока! Бумаг много надо собрать. Только по скотогонному тракту, прогону двигаться. Да и вообще уж с конца восьмидесятых годов по железной дороге в основном, в телячьих вагонах скотину возили. В Тамбов оно, конечно, тоже накладно мотаться, зато вес в обществе и прибыль соизмерима труду, связи нужные заводились. А как же без этого-то? Никак!

Нет, что ни говори, тут чистое дело, выгодное с любой стороны. Ну, продолжу.

Дом у купчихи Парамошкиной просторный, двухэтажный, фасадом на торговую улицу. Во дворе коновязи, клетки, амбары для товара, сараи. В них погреба да ледники. Первый этаж весь сплошные лавки. Там всё отдельно — мясное, рыбное, бакалея. На втором этаже, в левом крыле, апартаменты самой Глафиры Кузьминичны, а справа — комнаты для заезжих и в наём на длительное время проживания. Достойные

люди селились. Всё продумано. Сама-то Глафира Кузьминична была раньше лавочницей, торговала потихоньку мелочью всякой, да удачно замуж вышла за купца Парамошкина, обаяла его своими тучными телесами, подкупила ласковостью да обходительностью. Лет через пяток он помер, стар был уже, наследников не оставил. Тут-то и пробил час Глафиры Кузьминичны, развернула она своё дело с размахом. Поставщиков старалась не менять, так надёжнее.

Вот мы и езживали к ней. Надо признать, выделяла вдова моего хозяина из всех прочих, глянулся он одинокой ей, благоволила. Но меня это не касалось, не моё собачье дело, вот как я рассуждал, а потому рот свой держал на замке. Был за это мил хозяину. Да и то сказать — меньше знаешь, крепче спишь, а я, намотавшись за день так, что косточки мои молодые гудом гудели, падал, где укажут и тут же проваливался в крепкий сон. У Трифона Ферапонтовича своих, кровных, помощников не было, все по найму. Его старшей дочери, Мане, только шестнадцатый годок пошёл, сыну Гриньке — четырнадцать, ещё две дочки по двенадцати годов, близняшки, жена да мать, да старая бабушка. Большая семья, а положиться не на кого, бабье царство в основном. Любил со вздохом сожаления говаривать Трифон Ферапонтович:

— Семья-то большая, да хрен ли в ней толку!

Да-а-а! Что тут скажешь, верно!

Как-то по весне, в марте поди, пока ледок морозцы ещё держали, солнце в грязь дорогу не расслонявило, перед распутицей, решил съездить в город Трифон Ферапонтович. Было у него помимо торгового и тайное дело, о котором пока молчал, а я-то знал. С одним купцом сговориться хотели да детей своих поженить. Маню отдать за сына того купца. Трифон Ферапонтович наблюдал его промысел не один год — выгодное дело. Тот торговал кожами, овчиной, сын всегда рядом, вникал. Мне он, по честности, не нравился, вихлястый какой-то да рябой к тому же, будто куры зерно клевали на нём. Но тут «шкурный», торговый интерес меж отцов был, а с лица-то воду не пить. Одевался, правду сказать, справно. Как отторгуются они, сразу в трактир, ознаменовать это событие, покутить, стало быть. Оба, и отец и сын, в мягких, юфтевых сапогах с «морщиной» в пять-шесть колец со вшитой по кругу в голенище верёвкой. В фуражках из валяной белой шерсти, в пиджаках, модных в ту пору. Мой-то благодетель, Трифон Ферапонтович, тоже не отставал, приглядывался, тянулся за богатыми. На договор или ужин к Глафире Кузьминичне, которая старалась уважить своих поставщиков, ходил достойно. Праздничные плисовые порты фабричной ткани, сюр-

тук серый казинетовый, картуз по старинке, сапоги со «скрыпом»! Там между подошвой и стелькой сухая береста проложена или толчёный сахар насыпан — кто их, сапожников этих, поймёт. А шикую много, идёт и поскрипывает, сразу к нему всё внимание. Во как! Я-то в лаптях аль в поршнях с онучами холщовыми, аль шерстяными, обвитыми поворожками, а в стужу лютую — так в валенках. Голытьба, куда уж мне! Года через два сапогами-то разжился.

Дома, отдыхая, любил Трифон Ферাপонтович в посконном походить, в пестряди домотканой, рубахе рассупоненной, в портах на гашнике, в онучах с оборами, аль по избе, застеленной половиками, его бабами тканными, просто босиком. Расслаблялся. А вот уж за ворота — ни-ни! В селе все должны знать о достатке его, что человек он богатый да достойный. В селе без этого нельзя, хоть кровь из носу, как говорится, а пыль в глаза пусти! И домочадцам своим запрещал неприбранными выходить на люди — только нарядными.

Из города, отторговавшись удачно, близким Трифон Ферапонтович всегда подарки привозил, никого не обижал. Особенно доченьке старшей!

Маня-то красавица, ладная девка, что фигура, что обличье — не к чему придраться! Да сноровиста, прытка, по дому всё успевала. Большие виды на неё Трифон Ферапонтович имел, да и любил сильно, сладкой жизни дочери хотел, достатка. Но и свой интерес грел в душе. Чувал я, купцом хотел он стать, в гильдию вступить, возвысить себя за счёт брака этого.

— Маня — мой капитал, — любил говаривать, и при этом губы растягивались в блаженной улыбке, глаза становились добрыми, увлажнялись от чувств нежных.

Подарки всегда выбирал сам, тщательно. В селе девки-подружки шупали, мяли в руках, только что не нюхали, глаза закатывали и охали, завидовали шибко, страсть как, рассматривая полушалки, шали с набивкой из ярких цветов и бутонов, сарафаны с воланами и прошвой, бусы-колодайки, шерстянки-юбки с кубовой набивкой, жакетки, кофты, плисовые пиджачки, душегреи. Загляденье! А козловые сапожки, тож со «скрыпом», оторочены красным бархатом, каблучок-рюмочка! Чудо!

Так вот. Ведомый торговыми делами и своим тайным интересом, спешил Кособрюхов в город на заранее намеченную встречу. А дома, между тем, случилось вот что. Истопили бабы баню, намылись все, а последней зашла Маня, сказавшись занятою до поры, раньше, мол, недосуг. Баня уж изрядно простыла ко времени, когда заперев дверь на крью-

чок, девушка принялась раздеваться в предбаннике. Медленно, сгибаясь, постанывая, она кое-как стянула с себя одежду и положила руки на выпуклый свой живот. Поглаживая старалась усмирить боль, которая приливами нестерпимо накатывала, бросая в жар всё тело.

— Господи, — вскрикнула несчастная, молитвенно сложив руки, — помогни, не оставь без милости твоёй! Матушка Пресвятая Богородица прости прегрешения мои, вольные и невольные! Облегчи страдания мои!

Через силу, скрючившись в три погибели, Маня набрала шайку кипятка и выплеснула на пол, потом погрузила в кипяток нож, которым шепу готовили на розжиг. Вытащила из сарафана толстую, суровую нить и, не в силах больше терпеть муки, упала, повалилась навзничь, на пол. Простоволосая, с безумными от ужаса, неизвестности и боли глазами, закусив прядь волос, чтобы не кричать, после некоторых усилий разрешилась Маня от бремени, опросталась, произведя на божий свет сына. Перерезала пуповину и завязала ниткой на узелок у основания. Младенец лежал на полу рядом с Маней и хрипловато попискивал-покрёхтывал. Немного передохнув, роженица встала на колени, с усилием поднялась на ноги и, принеся из предбанника чистую сменную свою рубаху, завернула в неё дитя.

— А чаво дальше? — подумалось ей. — А ни-ча-во путнава! — пришёл ответ.

Вскоре мать, озабоченная долгим мытьём дочери, вспомнив, что ей нездоровилось, пришла к бане, долго стучалась, а заглянув в мутное оконце и увидав дочь, да не одну, схватила с колоды топор и, шарахнув по двери, выбила её.

Что тут началось! Крик, вой! Мать рвала на себе волосы, ощутив, какую беду сотворила Маня. Придя немного в себя, она помогла дочери одеться и увела в дом, обескуражив там всех новым членом семьи:

— В сарахане на лифе ходила всё, вот и не видать было што в тягостях, да и на сносях тож неприметно было! — выла мать. Вдруг, присев к столу, припала головою на руки и запричитала: — Ой, чаво будить таперя, страшуся гадать! Ой, затычины мене не избегнуть! А то чаво жа, мать-та завсягда винаватая, как ба ни повярнулася! Убила, убила, зарезала без ножа нас с тятенькой! Позор-та какой на весь наш род! — И, повернувшись к безвольно сидящей дочери, выкрикнула вопросом: — Кто мярзавец-та? А ну, сказвай живо мене!

Та немного помолчав, поколебавшись, выдохнула тихо:

— Васька Бедаев.

Мать так и подпрыгнула:

— Кто? Бедяев? Он жа венчанай, дитё иметь, жёнка другим тяжёла ходить, а ён, кобель дранай! Ой, горе, горе! Стало быть не возьмёт тебе, миром не уладить! Куды бечь, чаво таперя будить? — Мать вцепилась в свои и без того всклокоченные волосы обеими руками.

Терпеливо молчавшая доселе свекровка вскинулась от печи, взвизгнула, закричала на невестку, обвиняя:

— Всё ты, ты за девкай не усядила! Вота Триша возвярнётся, он тебе задасть, растряпёха! И куды глядела!

— Конешна, каму жа ещё, мене ответ дяржать! — обречённо тихо вздохнула мать.

Младшие дети, забившись в угол, не понимая ещё размаха беды, постигшей семью, жались друг к дружке, всхлипывали, поддаваясь общему настроению.

В это время старая бабушка, мать свекрови, до которой наконец дошло, что случилось с правнучкой, заголосила:

— О-о-х! Да не надениси ты, Маня, в наряднай нявестин шеломок! О-о-х! Да приготовила я тебе рогатаю кичку, а ты вона чаво удумала-умудрила-а-а! О-о-ох! Самолично шила тебе, обшивала златом-серебром свадьбошной наряд! Ждала часу, не помёрла, тярпела, а ты-та, ты! Иде у тебе девичий стыд?

— Замолкнитя уже, маманя, и так тошно! Девичий стыд токма до порога, преступила, так и забыла! — урезонила старушку-мать свекровь и к Мане:

— Чем жа он тебе глянулси, жанатай мужик? Нешта можна тах-та? И иде статакалися только?

— Он хорошай, бабаня, — пролепетала, бледная, измученная Маня, готовая повалиться с лавки от пережитого.

— Хоро-о-шай! Поди-ка ты! Да штоба яво свяло да скорчило, повяло да покоробило, согнуло да скособочило, затрясло да выгнуло, перевяруно да шлёпнуло, ушибло да прибило — такого необныкнавеннава-та-а-а!

От каждого её выкрика несчастная всё ниже клонилаь, не смея да и не имея сил перечить.

— Ну будя уж вам, будя, — плаксиво попросила свекровку мать девушки, — ничаво взад не воротишь! Гляньте, она еле жива, в постелю надоть положить, да и малец, вона напрудил, завярнуть ба в чаво сухоя. Икаить, замёрз, поди, закуляхтать ба в тёпленькая. Зыбка у нас иде? Принесть надоть да причапить, — и обращаясь к Мане: — Сама, поди, из зыбки тока-тока вылезла, а уж таперя зыбай свою дитё. О-хо-хо, грехи наши тяжкия! В рай не пушають.

Все промолчали на это, а чего скажешь-то, верно.

Наконец, «спустив пар», женщины немного утомонились, стали рассуждать здраво, по-деловому, захопотали вокруг роженицы и младенца. Вскоре он спал, посапывал уже в колыбельке, а рядом, на постели, раскинувшись-разметалась уставшая, обессиленная Маня. Сон не шёл, и когда семья улеглась на покой, погрузилась в воспоминания.

Как-то, в самом начале лета, схватив туесок, побежала Маня через мосток к ближнему лесу за земляникой. Подоткнув подол, чтоб не вымок, перебираясь через ложбинки да буераки, подгоняемая обжигающей влагой утренних росных трав, она стремилась к знакомой полянке. Там на солнечном припёке, будто яркие капельки, манили, дразнили и зазывали спелые землянички. А много-то как! Споро одну за другой, встав на колени, принялась собирать ягоды Маня.

— Подругам нарочно не указываю заветное местечко! Ещё чаво, а как повадятся кажно лето сюды бегать? А мене тады иде собирать? Нет уж, умоются-утрутся! — хитро рассуждала Маня.

Туесок наполнился быстро, влёт:

— Завтра аль послезавтра опять прибягу, пушай наспеют пока, — решила она.

А домой-то спешить не хотелось. Заметив неподалёку крупные цветы ромашки, принялась рвать их да яркие гвоздички малиновые собирать. Веночек уселась плести, а как приспособила его на голову, то отправилась к пруду невядалеке, за бугорком, поглядеться в воду. Хороша ли?

Там-то и повстречала Василия Бедеяева, аж сердце захолонуло. Высокий, статный, хорош собой, нравился Мане, поглядывала она исподтишка на парня, да мала была! Не по Сеньке шапка! А года два как Василия женили. Увидав его так близко, обмерла, встав как вкопанная.

Василий, облокотив о берёзку косу, умывался, опустившись на одно колено у воды. Увидев девушку, обрадовался, принялся «лить елей» ей в ушки. Мол, всегда её примечал да выделял из всех. Присели в тенёчке, смеялись, балагурили. Он нежно гладил Маню по плечу, норовя заглянуть в глаза, приподнимая за подбородок стыдливо наклоненную девичью головку.

А поглядев в зеленватые, наивные, лучащиеся нежностью глазки, — наклонился и поцеловал прямо в губки, пахнувшие земляникой. Потом ещё и ещё. Всё поплыло у Мани перед взором и под его настойчивой рукой, упала девушка навзничь, потеряв себя и честь свою. Так это и случилось.

Под предлогом сбора ягод, ходила Маня на встречи с Василием ещё несколько раз, забыв осторожность и стыд. Вско-

ре начались затяжные дожди, вызвавшие потоки слёз из глаз Мани. Сидя в укромном уголке, она рыдала, горя, что их встречи оборвались, так больше и не случившись. Выпытала потихоньку у подружек Маня, что уехал Василий в извоз, надолго. Сама же, почувствовала недомогание, тошноту да помороки и поняла — понесла!

— Ох! Несчастливая моя головушка, не избегнуть таперя беды! — с ужасом думала Маня. — Тятенку жаль. Как ба удар не хватил!

Да, беда и богатого мужика обездолит!

Шли месяцы, и пришлось пересмотреть Мане свою одежду, поменять платье с воланом на свободный сарафан, а поверх него — шушпан. А к зиме-то — дублёная шуба. Так незаметен был подрастающий живот. Встретила Маня как-то на Рождество Христово у церкви Василия. Шёл он нарядный, порты с вытравленными вилюшками по синему фону, дублёный полушубок, на голове гречневик коричневый. Красавец прямо! Маня аж приостановилась, замерла! А Василий, скользнул по ней взглядом безразличным и прошёл мимо. Сначала опешила, потом, поразмыслив, нашла оправдание любимому девушка. Шёл он в храм с женою, под «кренделёк», а вокруг родня, его мать с отцом, да жёнкины братья, да кумовья. Ох, как же тяжко на душе было у Мани! Так тяжко и не передать!

Сон наконец одолел, сморил бедную, и смежив веки припухших от слёз глаз, уснула несчастная Маня.

В трепетном ожидании приезда хозяина прошло несколько дней. Детям и наёмным работникам строго-настрого было запрещено рассказывать о случившемся.

Маня за ворота до поры до времени не выходила. Вроде всё шито-крыто. Однако шило в мешке не утаишь. Видно, прознали на селе о том, что родила Маня в девках и от кого родила. И полетел шепоток по селу!

Скажешь с уха на ухо, узнают с угла на угол.

Как-то поутру, через несколько дней после родов Мани, мать отправляет Гриньку:

— Поди-кась, заруби кочета таво, клювачева. Сладу с им нету. Надьсь, вона, башку пробил белому-та, назола! Ой, поторопись, чаво мнёсси, лапши натру. Ноня али завтра к утру тятенька, поди, приедить.

— Я на сборы больна скор, подвязалси да пошёл, — засовывая ноги в валенки, от порога шутканул Гринька.

— Табе-та об чём печаль, а я в сумленьях вся, чаво будить, одному Богу видать! Взгреить уж, об этим не сумлеваюся, о-хо-хо! Опляухами, поди, не обойдёсси! А то чаво жа,

мамка в этом деле завсегда виновная, как ба ни повярнулося, — жаловалась она сыну, со страху талдыча одно и тоже. — Ой, встряска поди ёмкая будить мене!

Но встряска случилась гораздо раньше приезда Трифона Ферапонтовича.

Гринька вскорости влетел в избу с выпученными глазами и заверещал:

— Маманя, бабаня! Гурьбою Васькиной жёнки братья бягутъ сюды! С дрекольем, а у старшова-та — сляга! Нас прибить, поди, бягутъ!

В избе поднялась суматоха, случилась кутерьма!

— Метнись-ка Гринька, заложи ворота, зачини калитку от етих бусурманов, — выкрикнула мать. — А ты, Маня, хватай дитё да за печь и сяди тама, гляди никшни! Прижукни!

Свекровь кинулась из избы затворять наглухо ставни от греха да столкнулась посередь горницы с мамкой своей, старрой бабушкой, та шлёпала к столу, похлевать тюри. Закружились, захороводили, не разойдутся никак!

— Сидели ба, маманя, до поры у сабе в закутку, куды прётся! Аль ня чуитя, бяда у нас?

Старушка переполошилась, вылупила подслеповатые глазки свои, всплеснула ручонками:

— Кака така бяда? Анбар горить? Али ворог вайной идеть? Турак аль хранцуз преть?

Свекровь не стерпела, крикнула прямо в ухо матери:

— Ворог туташнай!

— Туташнай? Свят, свят! Откеля? Пряма отселя? Вота жа, супастат! — старушка подхватила миску с тюрей со стола и скоренько засемила, трусцой поспешила в закуток.

Маня сидела за печью на лавке, ни жива, ни мертва, прижимала дитё к груди:

— Да не надумаются они, нелюди штоля? Не насмелются, не-а!

Однако вскоре в избе все услышали гулкие удары в ворота, треск досок, брань и выкрики:

— Бяспутная! Гулёна! Влезла в чужой гарод! Прибить таку потаскушку мало! — И визгливый бабий голос: — Поостерегися народ брать из етава дому девку, с подвохом оне! В подоле, гляди-кась, принясутъ, не отмоисси тады!

И другие более ёмкие да обидные слова полетели через высокий забор Кособрюховых, достигнув ушей всех живущих в доме.

— Эта оне Тришу очернить норовять, пока яво в дому нету, — тихо вздохнула свекровь, разглаживая рукою запон на коленях. — На расправу скороря, коль хозяин в отъезди!

— Набуздыкались таперя самогону и куражаца, анчутки, — в сердцах выдала Манина мать. — Вот приедит Трифон-та Ферапонтыч, он им задасть! Ишь ты, глумица оне будуть, тварюги!

Старенькая бабушка в закутке тоненько завывала.

Маня крепче прижала дитё к груди:

— Прости, прости тятенька роднай, беспутнаю мене! — слёзы горячие, слёзы раскаяния текли ручейками по бледным от пережитого и страданий душевных щёчкам Мани.

Вскоре, вроде стихло за воротами, будто ушли, отступились. Подождав несколько, Гринька осторожно приоткрыл калитку, выглянул. Никого! Сделав ещё шаг наружу, не отпуская всё же калитку, почувствовал на руках что-то липкое, вонючее. Батюшки светы — дёготь!

— Мамадя! Нам ворота дёгтем испоганили! Опозорили, — закричал, врываясь в избу, парнишка.

— Ой! Чаво жа ета? Нам не перенеть! — заголосила маманя, а свекровь решительно скомандовала:

— Ахи да охи не дадуть подмоги! А ну-кась, Гринька, тащи скрябок, ножик там аль чаво другая бяритя и пошли ворота скрясти да живея, покуда суседи не очухались! — И добавила, погрозив куда-то вдаль: — Вот приедит Триша, юшкою умоитися, вороги!

Дёготь оказался на редкость вонючий да липкий — прогонка осиновая. Недаром говорится: где дёготь побывает не скоро дух выйдет.

Несколько часов кряду мать, свекровь-бабушка и Гринька, подменяя друг друга и все вместе, с усилием скребли, счищали дёготь с ворот. Соскобленное относили за двор и закапывали. Народу в проулке было не видать, но чувствовалось, что из-за занавесок и подворотен, из-за углов домов и кустов глядят и многие потирают руки от злорадства: мол, так вам и надо — богатеи! Ох, недолюбливали, правду сказать, Кособрюховых в селе за достаток и желание жить по богатому. И то сказать, а кому же это понравится?

Наконец управились. Ворота, издавая всё ж зловонный запах, выглядели, тем не менее, нарядно, как новые, свежеструганные.

Между тем Трифон Ферапонтович уже подъезжал к дому, каких-то пяток вёрст осталось. Поездкой был доволен. Вёз товар, востребованный в селе, заказы все выполнил, подарки семье, впрочем, как всегда. Приобрёл даже самовар ведерный, латунный, прикупил стеклянные стаканы чай хлебать да часы на стену, ходики, с маятником и гирьками. Их выставляли по солнышку, приблизительно, стало быть. Не

важно, главное — шик. Но ценнее всего то, что стговор состоялся, запили его от души, по рукам вдарили.

— Вот а уж обрадуются бабы мои, — не без удовольствия размышлял Трифон Ферапонтович. — Выгодная партия сложилась, будить Маня моя купчиха, купеческая жана! Эта вам ни так сабе, чаво ни попадя! Понятию надоть иметь! А тама, гляди, и я подтянуся. Трифон Ферапонтович Кособрюхов — звучить ёмка!

Спустившись с пригорка, санный обоз из трёх подвод, похрустывая истончённым ледком, крошащимся под полозьями, вкатился в село. Лошади потянули веселее, замотали головами, помогая себе, затрясли гривами, чуя своё подворье, тёплое стойло и заслуженный покой.

— Тпру-у-у! — с удивлением Трифон Ферапонтович вззрился на свои ворота, сперва даже не признал. Белели они выскобленными тесинами, а снег, перед забором вытоптан, сплошное месиво грязное, оконные ставни наглухо закрыты.

Лошади, учуяв неприятный запах, принялись стричь ушами, раздувать ноздри, всхрапывать. Хозяину стало не по себе:

— Аль мой двор съезжим творится, что всяк в него ломится? Чаво жа эта, в толк не приму? Неуж-та бабаня померла, мене не дождалася? — будто пробежала в уме испуганная мысль. Любил он старую, её пестун был Трифон Ферапонтович. — Уезжал-та дён десяток как, можа чуток поболее, так бодренька была, мельтешила всё по избе.

Резко да громко подолбил кнутовищем в калитку. Услыхал, как в избе осторожно скрипнула дверь, послышалось дыхание, будто кто-то разглядывал приезжих в щель.

— Отчиняй давай, чаво куньдѣпаисси, — недовольно прокричал хозяин.

Враз послышалась возня, ворота распахнули, и обоз цугом втянулся во двор. С тяжёлым сердцем вошёл в сени, с трепетом отворил дверь в избу Трифон Ферапонтович. Он обвёл ищущим взглядом горницу.

— Слава Богу! Все тут! — пронеслось в голове.

Вдруг глаза выхватили в полутёмном углу, у разобранной постели, с потолка свисающую колыбельку.

— Это чаво жа? — удивлённо обратился к примолкнувшим домочадцам.

Свекровь решила взять удар на себя, выступив вперёд:

— Да эта, Триша, Манечка наша принясла детѣнка. Пять дѣн уж как, в бане, самочинно.

— Не гневись, Трифон Ферапонтыч, всё ж кровиночка наша! Бес попутал девку! — осмелилась и супруга вставить

словечко. — Што хошь со мной делай, не углядела! Так уж всё скрытно провярнула!

— Кто? — односложно спросил Трифон Ферапонтович жену.

— Так Васьяк Бедяев! Будь он неладен! Пропади он пропадом, гадёныш!

Насупился Трифон Ферапонтович:

— Гляди-ка! Всяка козявка лезить в букашки! Дярь-мо! — отчеканил с презрением. — Посля разбяруся уж, — пообещал с угрозой.

— А ворота? — выдохнул вновь вопрос хозяин.

— Так вот, — развела руками жена, — ноня громили, — она всхлинула, — дётням мазали, матюгами крыли, дреколем долбили. Позорили!

Со всей силы ударил кулаком по столу хозяин, будто всё для себя уяснил.

На удивление домочадцев не стал драться или кричать Трифон Ферапонтович. Пройдя к столу, сел, положив голову на руки, заплакал. Сильный, здоровый мужик рыдал, сотрясаясь всем телом, и никто не смел приблизиться в этот момент к нему, жались по углам. Оплакивал свои рухнувшие мечты и надежды, непредвиденное унижение.

Правду говорят: знал бы, где упадёшь, соломку бы подстелил. Эхе-хе!

Маня у колыбельки сына, заламывая руки, давилась слезами, не смея издать и звука.

Выплакавшись, утерев лицо большим носовым платком, Трифон Ферапонтович произнёс с необычайной тоской:

— Эх вы-ы-ы! Счастья сваво не поняли! Ба-бы-ы-ы! Рвали-си, рвали-си, лез, упиралси. Всё продумал, а вы подножку мене подставили! Так и останимси голю перякатнай. Не быть нам с достатком, потому как амбар крепок, да углы джожа худы!

Он махнул в сердцах рукою и вышел из избы, хлопнув дверью. Тишина в горнице наступила такая, что, кажется, муха пролетит — громом покажется. Переживало семейство. Вернувшись вскоре, подошёл к колыбельке Кособрюхов, посмотрел хмуро, ничего не сказал. Походив по горнице из угла в угол, наконец выдал домочадцам решение своё:

— Отмыкайтя скрыни — сундуки да укладки, собирайтя Маню. В город повязу. Малец останется здесь, выпестуем сами. — Грозно оглядев всех, предупредил: — И ничаво не сказывайте мене поперёк! Решено! Баста! — И добавил: — Затемно тронимси, меньше перясудов будить. По-зо-ри-ще!

Не посмела Маня перечить тятеньке, душа рвалась за сына, но не посмела. Её ли дело в «пузырь лезть», когда такого натворила.

Ещё до света, загрузив короб с одеждой, бельём горбатый дорожный сундучок с нарядами, распрощавшись с близкими, умываясь горючими слезами, уехала Маня в город, в новую, неизвестную доселе жизнь. Вот так-то.

Мария Ермолаевна с дочерью, утирали слёзы, дослушав рассказ деда Савватея. Однако, напоив его лекарствами и чаем с малиной, всё ж принялись допытываться, чем дело кончилось, как судьба Мани сложилась далее. Помнит ли?

— Как сложилась? Да обычно. Привёз её отец к купчихе Глафире Кузьминичне Парамошкиной, та вошла в положение и оставила Маню у себя в услужении. Перед купцом, будущим сватом, пришлось извиняться, расшаркиваться, подарками ублажать его и сынка, нести околесицу: мол, девушка больная, с червоточинкой. Что он, Трифон Ферапонтович, мол, не станет такому уважаемому человеку бракованную девку подсуропливать, хоть она и дочь. В общем, рассыпаясь мелким бесом, заискивая, утрясли неурядицу. Стала Маня горничной, убирала покои жильцов. Приобшталась к городской жизни. Ходила на променады с купчихой, зонтик за ней носила да в церковь сопровождала, да по надобностям торговым. Поднаторела мал-малю в рыночных делах, хитринку приобрела, сметливость, смекалка появилась. А примерно через годок замуж выдала её Глафира Кузьминична за отставного унтер-офицера, человека немолодого, но достойного, имеющего собственный особнячок и приличную пенсию по заслугам. Маню к делу своему приобщила, компаньонкой взяла, благо начальный капиталец у мужа её был, да и тятенька, Трифон Ферапонтович, подсобил, чем уж мог. Чувствовалось по всему, Маня в отца пошла хваткой, быстро смекнула что к чему.

Внука Трифон Ферапонтович ей в город не отдал. Пригласил батюшку, окрестили мальчика, нарекли по святым Афанасием. Смышлёный рос парнишка.

А с Васькой Бедяевым разобрался Трифон Ферапонтович по-свойски, наказал, одним словом.

— Поросячий хвост, — сказал о нём с презрением, когда соблазнитель упал на колени перед Трифоном Ферапонтовичем и принялся мямлить и сопли-слёзы размазывать по роже: дескать, Маня сама приставала. И это мужик?

От кого порой девки млеют — уму непостижимо! Приглядеться бы надо, чего тот сердцеед стоит. А они в омут с головою! Торопыги!

Тот позор, который пришлось пережить, даром не прошёл. Подрастали близняшки, но кривотолки о непорядочности

женского племени семьи Кособрюховых и лёгкости в отношении мешали им составить партию, вступить в замужество. Что же вы хотите, враз не отмоешься, коль замарались, память долгая на плохое. Так уж в селе заведено было. Да-а-а!

Как говорится: пусти уши в люди, всякого наслушаешься.

г. Тамбов

Используемые слова и выражения:

Первостатейный — очень хороший, первосортный (устаревший, просторечный);

Прасол — перекупщик, закупщик по деревням пеньки, холста и др. товара;

Казинет — старинная плотная полушерстяная ткань;

Поршни — обувь из одного куска кожи, собранная на шнурок и схваченная ремешком вокруг щиколотки;

Посконь — из конопли (мужс. особи) домотканый холст, *посконина* — женская конопля-матёрка, из неё волокна больше;

Пестрядь — полотно домотканое из нитей разного цвета;

Рассупоненный — не подпоясанный, растёгнутый, раскрытый. *Супонь* — ремень, стягивающий лошадиный хомут на упряжи;

Гашник — плетёный пояс. Есть слово в обиходе — загашник. Т.е. класть деньги про запас в «загашник», за пояс;

Онучи с поворозами (опорками) — тип портянок с тонкими кожаными или плетёными шнурками, ими обматывали икры ног, опорки — русское название, поворозки — общеславянское;

Бусы-колодайки, колодушки — точёные деревянные бусы (тамб.);

Шеломок — головной убор невесты (тамб.);

Рогатая кика или кичка — головной свадебный женский убор (тамб.);

Шушпан, шушун — женская верхняя одежда свободного кроя из грубого льна;

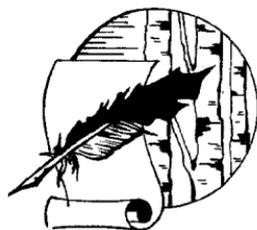
Гречневик — высокая мужская шапка с короткими полями, белая или коричневая. По форме напоминала гречневый пирог;

Помороки — потеря сознания, помрачение ума;

Дреколье — оружие из дубинок, часто утыканых гвоздями (палки, колья и др.);

Слега — жердь, то же, что и оглобля, только длиннее;

Никшни — молчок! (тамб., ряз.);
Прижукни — притихни! (тамб., ряз.);
Набуздыкались — обпились, много выпили;
Юшка — бульон, здесь — кровь;
Отчиняй — открывай, отворяй (тамб., калужс., малорос.,
курск.);
Талдычить — надоедливо повторять одно и то же;
Самочинно — самовольно;
Куньдѣпаешься — долго возишься (тамб.);
Мельтешила — суетилась, мелькала перед глазами (тамб.);
Извоз — крестьянский отхожий промысел, перевозка гру-
зов лошадьми;
Зыбка — люлька, колыбель. Подвешивалась к матице по-
толка, на спираль или гибкую слегу (очеп). Колыхалась
вверх-вниз, а люлька (качка) — на крюк и качалась из сто-
роны в сторону;
Ничком — лицом вниз, на живот;
Обжорные ряды — на местных рынках отводились места с
готовой пищей, где всегда дёшево можно было поесть при-
шлomu люду.

Валерий ХАТЮШИН

ТРИ СВЕЧИ

УБИТЫЕ ПОЭТЫ

...и с просьбой о любви.
Марина Цветаева

Где правда? Что делать? Как быть?.. —
Не сыщем на свете ответов.
Но будем всем сердцем любить
России убитых поэтов.

В печали их сладостных строк
небесные звуки звучали.
И Пушкин, и Лермонтов знали,
что будет коротким их срок.

Под плиты безвестных могил
в нерусском злосчастном засилье
ушли Гумилёв и Васильев
в расцвете сияющих сил.

Пусть кто-то свое голосит
и множит в ответ истерию,
мы знаем: Есенин убит
в бездонной войне за Россию.

Воспевшие отчий наш кров
с такой нерастраченной силой,
Цветаева, Кедрин, Рубцов...
О Боже, прости и помилуй!

Сердечным согреем огнем
их душ не погибших порывы —
пусть дышат и светятся в нём,
покуда на свете мы живы.

10 октября 2020

ТРИ СВЕЧИ

Три свечи у меня на стене,
три огня неразрывно-священных.
В них сияют загадочно мне
три горящих души незабвенных.

Три поэта родимой земли,
несравненных, порой сумасбродных, —
и спасали меня, и вели,
как три ярких звезды путеводных.

С ними шел я по грустной стране,
знал бездомье, нужду и скитанье...

...Три свечи у меня на стене,
три волшебных огня в мирозданье...

12 октября 2020

МАСОЧНЫЙ РЕЖИМ

Разъединили, оттолкнули
и друг от друга отвели,
рукопожатья разомкнули,
объятая страхом пресекли.

Дистанционно растащили —
и нас, покорных, и весь мир.
И, перепуганным, внушили
замкнуться в сумерках квартир.

К чему неверным нам свобода?
Ее даров мы избежим.
Ведь в нашу жизнь вошел, как мода,
всесильный масочный режим...

Спешим скорей за дверью скрыться,
разделены, отчуждены...
И всё плотнее прячем лица,
ничьей не ведая вины...

12 ноября 2020

* * *

Под серым небом декабря
нас год прошедший окликает...
А время в вечность протекает,
виски и души серебра.

Год, в смертной алчности своей
с войною разве что сравнимый,
для нас, живых, невосполнимый
на лица и глаза друзей...

Найдя приют у нас в груди,
они бессмертье обретают.
А снег декабрьский замедляет
всё, что осталось позади...

И не случайно, не зазря
то, что грядущий год готовит
и что никто не остановит
под серым небом декабря...

14 декабря 2020

* * *

Что пройдет, то будет мило.
А.С. Пушкин

Двадцатый год, безумный год
прошёл по душам безотрадно.
Все ждут, когда же он уйдет,
как сон тягучий, — безвозвратно.

Но не хочу я гнать его,
мне жаль недавних дней суровых,
не обошедших никого,
и, может быть, — добрее новых...

Дай бог, чтоб тот который ждет,
нам не сорвал стальные нервы,
чтоб этот двадцать первый год
для нас не стал бы сорок первым...

30 декабря 2020

* * *

Мы с надеждой и верой всю жизнь
алчем вышней любви хоть немного...
Как за счастье своё ни держись,
все мы блудные дети у Бога.

Сколь ни брезжится путь впереди —
весь в соблазнах влекущих расцветок,
где по брэнной земле ни броди,
а вернешься к Отцу напоследок.

Золотые, весёлые дни
пролетят, как зима на оленях...
Сколько гордость свою ни храни,
а к Нему приползёшь на коленях...

2 января 2021

БОГОЯВЛЕНЬЕ

Вьюга ночная — дыханье Господне —
вет и кружит, как сон наяву.
После бесснежной зимы прошлогодней
эта зима замедает Москву.

Воздух беззвёздный, туманно-морозный
улиц безлюдных сковал немоту.
Ветер порывный, слепящий и слёзный
привкус морской оставляет во рту.

Снега в лучах золотых вороженье,
света роенье сквозь вьюжную хмарь...
Ночь неизбывного Богоявления.
Мой незабвенно-крещенский январь...*

19 января 20

* Мое крещение состоялось 5 января 1985 года.

* * *

Вьюга, вьюга, февральская вьюга,
двадцать первого года вьюга́...
Ночь и ветер. Ни брата, ни друга.
За окном — только снег и пурга.

Только ветер. Ни брата, ни друга.
Только снега летящая муть.
Заунывная серая вьюга.
Ни уйти никуда, ни уснуть.

Ни увидеть в окно человека...
Все пути завалили снега...
Двадцать первого года и века
ледяная вьюга́ и пурга...

12—13 февраля 2021

НЕ ПОТОМУ ЛЬ?..

Метель в последний день зимы,
как чьи-то слёзы в день прощанья...
С тобой забыть сумели мы
слова любви и обещанья.

Ты прежних чувств не бережи.
Уж ничего они не значат.
Не потому ль теперь, гляди,
зима весь день о чем-то плачет?..

28 февраля 2021

РАСПЯТЫЙ БОГ

Мы век за веком ждём Его схождения
в наш грешный сад,
и у Него мы просим снисхождения...
А Он распят.

Прибит. Распят. Из-под гвоздей донныне
струится кровь.
Что нам известно об Отце и Сыне? —
Бог есть любовь.

Бог есть любовь. Она над всеми дышит.
Над жизнью всей.
Холодных нас и видит Он, и слышит
из-под гвоздей.

Не допусти, Отец, Его схождение
в наш грешный сад...
И просим мы прощенья и спасенья.
А Он распят.

2 марта 2021

КРАСОТА КРЕСТА

Ветхий мир, приземлён, бескрыл,
в изуверстве греховных дел
обречен на гибель был,
всех безумств перейдя предел.

Люди жили в духовной мгле,
и была их душа пуста.
Но в безбожном кровавом зле
мир спасла красота Христа.

По исходу двух тысяч лет
мир от веры в Христа отпал:
долетев до других планет, —
вновь духовно бескрылым стал.

Веры предков иссякла соль.
Рык экранный как свист хлыста...
И опять через кровь и боль
мир спасёт красота Креста!

9 марта 2021, день обретения главы Иоанна Предтечи

ВОЙНА И ПОБЕДА (Триптих)

I
Глупые басни расслабили нас.
Хватит шенячьего бреда!
Мир и покой принесут на Донбасс
только война и победа.

Бесы экранные нас, как детей,
лживыми трут словесами.
Хитрая трусость бессменных вождей
кровью разит и слезами.

Верить и ждать со стволом у виска —
смертная сердцу отравка.
Немощный мир — это злая тоска.
Битва — надежда и слава!

В Русскую вечную нашу весну
выйдем по грозному следу!
С жизнью обнимемся — через войну,
с радостью — через победу.

9 апреля 2021

II
Чтоб над Русью рассеялась мгла —
и отцы погибали, и деды.
Без огня не бывает тепла.
Без войны не бывает победы.

Русский взгляд неспокоен и мглист.
И другим он не станет отныне.
Вновь на кровной земле — Украине —
зверем смотрит свидомый нацист.

Смерть гуляет по отчей земле.
Бьют нам в сердце донбасские беды.
Нет войны — значит, нет и победы,
и Россия, как прежде, *во мгле*.

10 мая 2021

III
Мы в квартирных крепостях разобщены,
в мирных буднях, в мягких креслах — не мужаем.
Причитая: «Лишь бы не было войны...»,
мы себя перед войной разоружаем.

Нам задуматься об этом не с руки,
хоть прикольно разложить медали деда...
И по-детски, и по-женски мужики
ждут, когда сама собой придет победа.

Да и власти ни к чему с врагом война.
А зачем, когда без боя грудь в наградах?..
Ей теперь победа русских не нужна,
ей достаточно светиться на парадах.

13 мая 2021

* * *

Видимо, сердце откажет первым...
Новая зелень, скворцы, апрель...
Грозы полночные бьют по нервам.
Сердце попало уже на мель.

Сонно истают весна и лето,
осень свою подведет черту.
Семьдесят третий в осколках света
молча мою заберёт мечту..

Будут шуметь поезда и ливни,
солнце согреет синичью трель,
светом овеются рек разливы,
первая зелень, скворцы, апрель...

И незаметно, как вьюги замять,
жизнь отболит, завершив свой круг.
...Может, кому-то придет на память
этого сердца последний звук...

25 апреля 2021

* * *

Как
 пережил я на свете
то,
 что нельзя пережить,
смог бесконечные эти
камни в душе —
 искрошить?

Нет и не будет ответа.
Каждому
 доля своя —
тьмы испытанье
 и света,
радость
 и яд бытия...

Я не скулил и не правил
мне перепавшую роль,
выжив,
 себе лишь оставил
сердца
 унылую боль.

И, ни к кому
 не привязан,
сам для себя —
 приговор,
Ангелу только
 обязан
тем,
 что я жив до сих пор...

6 мая 2021

* * *

Осторожный май-обманщик
ярко вспыхнул и потух.
Отгоревший одуванчик
нежно сбрасывает пух.

Отцветает медуница.
Зорька ранняя — красна.
Это, словно Феникс-птица,
промелькнула вновь весна.

Чуть гудит в потоке света
жизни тонкая спираль...
Куст жасминный дышит в лето...
И весны, как прежде, жаль...

30 мая 2021

ДОБИТЬ ВРАГА

В победоносном сорок пятом
враг был разбит, но не добит.
И вот опять в году проклятом
нацистский флаг из ключев сшит.

Тот беловежский год оплатит
разъединенная страна.
Враг не добит, и это значит,
что не окончена война.

Европы жалкие барыги
мечтают нас вогнать во мрак...
В Варшаве, в Киеве и в Риге
из всех щелей повылез враг.

Бойцов за Русь не стало меньше.
И будет их бесстрашна рать.
И всё ж — немало унтерменшей,
тех, кто не хочет воевать...

Они, слепые домоседы,
свой подлый нрав хотят сокрыть.
И не достоин тот победы,
кто миротворцем жаждет слыть...

И на века мы будем правы
(и пусть не дрогнет их рука!),
когда потомки русской славы
добьют врага! Добьют врага!

26 июня 2021

* * *

Залетают бабочки в окно.
Что им надо в доме у меня?
Многое постигнуть нам дано,
лишь не это — в ярком свете дня.

Может быть, в ответ на общий стресс
это — лета нежная игра.
Или, может, ангелы с небес
через них сказать хотят: пора...

Всё уже сбылось в пути моём.
И случится то, что суждено.
И с какой-то вестью день за днём
залетают бабочки в окно...

1 июля 2021

ИЮЛЬ. 2021

Опал жасмин — душистая краса,
и. пожелтев, трава пересыхает.
Гремит пустая душная гроза.
И нет дождя. И будет ли — бог знает.

И нет нигде спасенья от жары,
и надоел, как мухи, пух летучий.
И ждём уже той благодной поры,
когда сольются облака и тучи...

В квартирах тенью штор скрываем свет,
со знойным днём мечтая разлучиться.
Всё ждем того, чего сегодня нет
и что назавтра, может быть, случится...

11 июля 2021

* * *

Еще зелёная листва
трепещет в парке темнокрылом,
и, поседевшие едва,
духмянят липы в дне остылом.

Еще в вечерней синеве
небесный свод отрадно-светел,
и по разросшейся траве
еще гуляет тёплый ветер.

Еще больших деревьев шум
ледеет сердце этим летом...
...Еще живу, еще дышу,
еще люблюсь белым светом...

23 июля 2021

* * *

Лето дачное пестро —
то в безводье, то в осадках.
Но, мой друг, проезд в метро
только в маске и перчатках.

Вишни — целое ведро,
огурцы пошли на грядках...
Не забудь, проезд в метро
только в маске и перчатках.

От жары сосёт нутро.
Комарьё в лесопосадках...
Ничего, проезд в метро
только в маске и перчатках.

Всё у нас, как мир, старо:
так живем в сплошных накладках...
Спать ложись. Проезд в метро
только в маске и перчатках.

25 июля 2021

НАВАЖДЕНЬЕ

Незнакомка вчера позвонила:
мол, стихи мои где-то прочла...
И о встрече она попросила.
Я ответил: «Заели дела...»

А сегодня с утра усмехнулся
и сказал с лёгким вздохом себе:
«Ну а вдруг ты с Судьбой разминулся
и опять не поверил Судьбе...»

Видишь, быстро истаяло лето,
слышишь, птицы уже не поют...
Может, кто-то мне скажет на это:
наважденье сердечных причуд...

Я взгрустну от вчерашней промашки.
К близкой старости я не готов.
...На поляне белеют ромашки
в окруженье опавших цветов...

15 августа 2021 г.

* * *

Дождь шуршит в полусне предрассветном,
в полумгле предосенних ночей...
Дни, как листья, срываются ветром.
Август — месяц сезонных дождей.

Всё казалось: так много, так много
ясных дней у меня впереди!..
Глядь — туманит сентябрь у порога,
шевели сожаленье в груди.

Ах, сентябрь, то ли сердца усталость,
то ль остывшая чувственность глаз
навевают щемящую жалость
ко всему, что мне мило сейчас:

к дождевому шуршанью рассвета,
к шелестению зелёных ветвей,
к нежной хрупкости музыки лета
в этот месяц сезонных дождей...

22 августа 2021

ОСЕНЬ 1941-го. ПРОЗРЕНИЕ

В минувший век в стране своей
мы шли к сияющим высотам
и страстно верили щедротам
коммунистических идей.

Да, верили и млад и стар
в их безнадежную фальшивость
и отдавали жизнь, как дар,
за мировую справедливость.

Юдоль почти в земном раю
казалась нам счастливой новью.
Ну а победа малой кровью
нам грезилась в чужом краю...

И пели мы: не отдадим
врагам земли родной ни пяди...
...Но Ленинград — уже в блокаде,
Кавказ и Киев сдали им...

В иной мы верили исход.
Враг под Москвой стоял в итоге.
...И в сорок первый страшный год
Россия вспомнила о Боге...

10 сентября 2021

ДОЧЕРИ

Ты горишь огнём беспечным,
жарким, ветреным огнём...
Настроением сердечным
мы никак не совпадём.

Надо мной кружатся галки,
над тобой — зарянки трель.
У тебя в глазах — фиалки,
а в моих глазах — метель.

Грусть на сердце, но хоть тресни,
ты кружишь в сиянье дня...
У тебя не жизнь, а песня.
Путь безмерный — у меня.

Словно в сером небе просинь,
ты — светла, весь мир любя.
У меня на сердце осень.
Бабье лето — у тебя.

18 сентября 2021

ГЕНОЦИД СЛАВЯН

Цивилизационное первородство славян стало тем камнем преткновения, о который спотыкались все проповедники расового и культурного превосходства западного мира над миром славянским. В июне 2021 г. президент России Владимир Путин опубликовал статью об отношениях с Украиной, где использовал термин «Проект анти-Россия», подразумевающая под этим операцией Запада по превращению Украины и других бывших союзных республик СССР во враждебные России государства.

Президент, к сожалению, не отметил, что этому западному проекту уже около тысячи лет, если вести отчет со времен Великой схизмы, разрыва католического Ватикана с Православной Церковью в 1054 году. Это сказано не в укор Путину: мы все понимаем, что положение обязывает, а власть и престиж накладывают известную ответственность при выборе выражений. В любом случае Путин попал в самую точку: «Проект анти-Россия» в рамках более широкого проекта «Анти-Славянство — Анти-Православие» лежит в основе конфликта цивилиза-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ционной мир-системы (ЦМС): «коллективный Запад» и ЦМС «Русский (Славянский) мир».

С полным основанием можно говорить о том, что в ходе своей тысячелетней истории славяне подвергались не раз тому, что в современной политологии именуется холокостом от английского слова «holocaust», заимствованного из латинской Библии в значении «сжигаемый целиком».

В русском языке это понятие известно в написании «олокауст» и «олокаустум» («Геннадиевская Библия», 1499), а в «Письмовнике» Курганова (XVIII век) употреблена форма голокость с толкованием «жертва, всеожжение». Впервые это слово (в форме holocaustum) использовал английский хронист второй половины XII века Ричард из Девайзеса при описании еврейского погрома, начавшегося в Лондоне после коронации Ричарда Львиное Сердце в Вестминстере 3 сентября 1189 года. Видимо, именно поэтому этот термин с 1942 года и был выбран для обозначения преступной политики геноцида евреев, проводившегося третьим рейхом во время Второй мировой войны, жертвами которого, по общепринятым в мировом сообществе данным стали шесть миллионов евреев Западной и Восточной Европы. Для обозначения геноцида славян это слово практически не применяется, хотя в открытой английской печати термин «holocaust» в близких к нынешнему значениям употребляется с 1910-х годов (первоначально по отношению к геноциду армян в Османской империи).

Термин «холокост славян» в международный политический словарь так и не вошел до сих пор, хотя жертвами его стали, если вести отчет с холокоста русского народа, начатого с вторжения Чингисхана на Русь, сотни миллионов славян, прежде всего русских. Около половины населения России могло умереть во время того вторжения. Счет жертв геноцида славян пошел на миллионы в ходе Первой мировой войны, когда они понесли огромные жертвы на всех ее фронтах, где Германия и ее союзники травили газом русских солдат и наших славянских союзников, а затем в ходе революций, красного террора в России и Второй мировой войны.

По мнению Рудольфа Руммеля, возможное число жертв геноцида славян в ходе Второй мировой войны составляет около 10,5 млн. человек (среди них поляки, украинцы, белорусы, русские, а также советские военнопленные). Эти подсчеты немецкого ученого явно занижены. Согласно «Энциклопедии геноцида», общее число жертв геноцида славян составило от 19,7 до 23,9 млн. человек — среди них жители СССР, поляки, словенцы, сербы и др.

Но о холокосте славян, которых и за всю их историю и во время Первой и Второй мировых войн уничтожали именно как этнос во много раз больше, чем евреев в те же годы, мировая печать вообще по малкивает, а сам по себе этот термин монополизировали идеологи сионизма и подчиненные им СМИ, усилиями которых слово «холокост» отождествляется только с геноцидом евреев. Эта манипуляция историческими фактами получила в 1990-е годы у неангажированных историков, в том числе у евреев, название «холокостомания» (англ. holocaustomania). В политике этот термин впервые употребил в 1988 г. еврейский историк Альфред Лилиенталь, определив этим словом непрерывную кампанию по раздуванию холокоста в СМИ, кинематографе, литературе. Он показал, что холокостомания присутствует в политике, религии, искусстве и индустрии развлечений. Даже десятки лет спустя поток фильмов и книг о холокосте ничуть не ослабевает. По мнению Лилиентала, судьба евреев во время Второй мировой войны возбуждённо изображается как центральное событие истории. Холокостомания проявляется в бесконечных халтурных фильмах, упрощенческих телепередачах, мстительной охоте на «нацистских военных преступников», односторонних «воспитательных курсах» и фарисейских появлениях политиков и прочих знаменитостей на «мемориальных службах» в честь холокоста.

Главный раввин Великобритании Иммануил Якобовиц удачно описал кампанию вокруг холокоста как «целую промышленность, которая приносит неплохие прибыли писателям, историкам, кинорежиссерам, ваятелям монументов, создателям музеев и политикам». Он добавил, что некоторые раввины и теологи являются «партнерами в этом большом бизнесе». Другим жертвам, неевреям, не уделяют столько внимания.

Непрекращающийся шум в СМИ вокруг холокоста используется для оправдания огромной американской помощи Израюлю и политики Израиля, которую ничем иным нельзя было бы оправдать, даже если она противоречит американским интересам. Хорошо налаженная и финансируемая кампания в СМИ вокруг холокоста жизненно важна для интересов Израиля, который обязан своим существованием огромным ежегодным субсидиям от американских налогоплательщиков. Историк, профессор Уильям Рубинштейн откровенно признал: «Если удастся доказать, что холокост это «сионистский миф», мы лишимся самого сильного оружия израильской пропаганды». Напоминание о страданиях,

пережитых евреями при нацизме, часто заменяет рациональные аргументы и призвано убедить сомневающихся в законности политики нынешнего израильского правительства. Для многих евреев холокост стал и выгодным бизнесом и своего рода новой религией, отмечает в своей книге «Самая долгая война» известный еврейский писатель и газетный издатель Джакомо Тимерман. Он сообщает, что многие израильтяне, используя слово «шоа» (холокост по-еврейски), шутят: «Нет бизнеса лучше шоа-бизнеса» (игра слов с термином «шоу-бизнес»).

История о холокосте используется теми, кто раскручивает холокостоманию, для разжигания ненависти и враждебности к немецкому народу в целом, к народам Восточной Европы и к руководству Римской католической церкви.

Свою лепту в холокостоманию внесли и правительства ряда стран Запада. Так, власти ряда стран (включая Францию и Израиль) объявили отрицание холокоста преступлением. Ревизионистов во Франции и Германии подвергают огромным штрафам и отправляют в тюрьму за их взгляды. Учителей в США и других странах сразу же увольняют, если они осмеливаются усомниться и тем более поставить под сомнение цифру в шесть миллионов евреев, жертв холокоста.

СМИ и соцсети, которые на Западе почти полностью контролирует сионистский капитал, изображают судьбу евреев во время Второй мировой войны как неопровержимо центральное событие истории. Когда лидер Национального фронта Франции Жан-Мари Ле Пен сказал: «...газовые камеры — это «всего лишь эпизод Второй мировой войны», в которой погибли десятки миллионов народов Европы», он подвергся такой травле в печати и на телевидении, что вынужден был покинуть свой пост и уступить его своей дочери! Не будем подсчитывать, сколько на самом деле уничтожили евреев гитлеровцы — шесть миллионов, как заявил министр иностранных дел СССР В.М. Молотов, выступая в ООН с речью о поддержке создания государства Израиль в Британской Палестине в 1947 г., или только 1,5 (!) миллиона, как утверждают современные ревизионисты итогов холокоста. На мой взгляд, споры и подсчеты такого рода аморальны, ибо способствуют реабилитации нацизма. Но не менее аморальны и попытки зарабатывать на трагедии холокоста, как и попытки апологетов холокостомании игнорировать или преуменьшать куда большие жертвы русского народа и других славян, потерявших в огне и концлагерях Второй мировой десятки миллионов своих соплеменников.

Свою лепту в славянофобию, охватившую Европу в конце XIX — начале XX века, внесли классики марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс. Именно они внедрили политический элемент в обывательские бредни о славянских и особенно русских «варварах», отнеся их к категории «реакционных народов». Немало было сломано копьев в поисках ответа на вопрос «Почему после Великой французской революции 1789 года и «Весны народов», отмеченной серией революций в Западной Европе и даже в Латинской Америке после революций 1848 года, Парижской коммуны 1870-го, стрелка компаса «мировой революции» повернулась с Запада на Восток?». Ответ на это и содержится в некоторых трудах основателей Первого Интернационала, хотя и не вошедших в их каноническое собрание сочинений, подготовленное Госполитиздатом в СССР.

Огромное влияние на Маркса в вопросе о славянстве оказал Мозес Гесс, которого считают «предтечей политического сионизма». С конца 1841 г. он был одним из редакторов газеты «Райнише цайтунг» и принял на работу Маркса. Именно у Гесса Маркс позаимствовал ряд положений, которые впоследствии легли кирпичиками в его теорию «Научного коммунизма». Гесс ненавидел Россию и славянские народы. Это ему принадлежит идея о «реакционных нациях», которую Маркс и Энгельс развили в своих русофобских писаниях позднее. Но, самое главное, Гесс был одновременно и открытым сионистом, идеологом «социалистического сионизма» и коммунистом — предвестником революции, которую предстояло совершить в России его единоверцам и соплеменникам уже в другом веке. В эти сатанинские глубины впоследствии безвылазно погрузились большевики. Ленин, который, по свидетельству Молотова, видел главную опасность для большевизма в «великорусском шовинизме», т.е. в патриотических силах русского народа, и его ближайшее окружение отличались патологической русофобией. Причины этой ленинской «революционной страсти» нельзя объяснить только его происхождением от еврея Моше Бланка. Ленин был последовательным марксистом в «русском вопросе»: ведь Маркс и был известным русофобом и открыто выступал за уничтожение «реакционного» славянства, прежде всего русских. Точно так же ненавидел Россию и славян и так же считал их «варварами» немец Ф. Энгельс, сподвижник Маркса.

Отец К. Маркса, Генрих Маркс, родился под именем Хершел Леви Мордехай в семье Маркса Леви Мордехая и Евы Лвов. Его отец был трирским раввином, кем позже стал и его

старший брат Самуэль (1775—1828). Мать была тоже из раввинской семьи. Ненависть к русским и вообще к славянам была в этой семье нормой. А от ортодоксальных еврейских раввинов семья Маркса, получившего при рождении имя Мозес Мордехай Леви, набралась мифов о России как о злобной антисемитской державе, где еврейские погромы случаются чуть ли не по сто раз в год. Понятно, что в представлении этих людей наша страна не имела никакого права на существование. Поэтому еще юный Маркс получил капитальную русофобскую закалку, которую пронес через всю свою жизнь. Русофобство Маркса и Энгельса отражало широко распространенные в Европе того времени различные «теории» ряда германских псевдоученых, согласно которым русские, да и все славяне вообще были дикими племенами татаро-монгольской крови, которым абсолютно был чужд дух европейского прогресса: мол, «русские дикари» только и жаждут того, чтобы уничтожить европейскую цивилизацию и культуру.

В своей статье «Демократический панславизм» Энгельс признал, что ненавидит даже тех славян, которые имели несчастье поселиться на территории нынешней Германии еще в далекой древности. Ненависть Энгельса к славянам слепила ему глаза. И не столько классовая, сколько расовая, что было вообще характерно для немецкой интеллигенции той поры. По его мнению, «славяне (за исключением католиков-поляков) постоянно служили главным орудием контрреволюции, они всюду, куда простиралось славянское влияние, были угнетателями всех революционных наций... Борьба, беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть со славянством (курсив мой. — В.Б.), предающим революцию, борьба на уничтожение и беспощадный терроризм... в интересах революции!» (Это письмо не было включено в собр. соч. Маркса и Энгельса. Оно было написано Ф. Энгельсом 14—16 февраля 1849 г. и напечатано в *Neue Rheinische Zeitung*, №№ 222, 223 от 15 и 16 февраля 1849 г.).

В советской пропаганде избегали прямого цитирования этих людоедских пассажей из наследия классиков марксизма-ленинизма. Маркс же писал о славянах: «...у них нет гражданских начал, нет понятия демократии, свободы, потому это толпа, управляемая монархом, представляет собой грубую животную силу, как мышцы у ящера. А вот когда произойдет революция (естественно, социалистическая), то она заменит эти слабовольные, тупые правительства в Западной Европе на волевые революционные правительства. Вот они-то и при-

кончат это российское чудовище, оплот панславизма. И тогда солнце Запада (уже коммунистического) перейдет через Золотой Рог и взойдет над миром, Над миром, в котором не будет реакционной России и не менее реакционного славянства» (цит.: Собр. соч. Т. 8. С. 10).

Особо отмечу вот эту характеристику славян, данную Марксом: «Народы, которые... лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации, нежизнеспособны и никогда не смогут обрести какую-либо самостоятельность» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 6. С. 294). И отметил я ее потому, что через 100 лет после него с аналогичной характеристикой славян выступил в своей речи в Познани 4 октября 1943 года «стихийный марксист» Генрих Гиммлер, нацист, рейхсфюрер СС и организатор геноцида славян: «Известно, что такое славяне. Славянин никогда не был способен сконструировать что-либо. Славяне — смешанный народ на основе низшей расы с каплями нашей крови, не способный к поддержке порядка и к самоуправлению. Этот низкокачественный человеческий материал сегодня так же не способен поддерживать порядок, как не был способен 700 или 800 лет назад, когда эти люди призывали варягов, когда они приглашали Рюриков».

Одним из наиболее отвратительных примеров русофобства Маркса стал его отказ выступить вместе с Александром Герценом в Лондоне на одном митинге, посвященном международному рабочему движению, потому что тот был выходцем из России и в силу своей «дикости и отсталости» не имел даже права думать о самом передовом социалистическом учении. Об этом потом сам Герцен написал так: «Маркс сказал, что меня лично не знает, что он не имеет никакого частного обвинения, но находит достаточным, что я русский и что, наконец, если оргкомитет не исключит меня, то он, Маркс, будет вынужден выйти сам. Вся эта ненависть со стороны Маркса была чисто платоническая...» В своих сочинениях «великий интернационалист» именовал Герцена «презренным москвитом», человеком с «гадкой русско-калмыцкой кровью» и т.д. С русскими «недочеловеками» он не намеревался вступать в какую-либо дискуссию.

Одним из активных деятелей Первого Интернационала и пропагандистом «революционного террора» был вождь анархистов масон М.А. Бакунин. Он состоял в масонских ложах «Великого Востока Италии», а в 1864—1865 гг. создал свое тайное общество «Интернациональное братство». В 1867—1868 гг. он

выступал с пропагандой своих идей на конгрессах масонской «Лиги мира и свободы» в Женеве в роли вице-президента этого конгресса. Хотя Бакунин и выступал против марксистской концепции диктатуры пролетариата, он не раз предлагал Марксу использовать масонские организации для нужд революционной борьбы, и классик марксизма эти предложения не отвергал. Когда в 1868 г. Бакунин создал в Швейцарии парамасонскую полуанархическую организацию «Международный альянс социалистической демократии», она была принята в I Интернационал на правах одной из женевских секций (Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. С-Пб., 1906. С. 271). Анархисты приняли самое активное участие в Октябрьском перевороте 1917 г. и Гражданской войне.

Бакунин порвал с Марксом не только потому, что постоянно соперничал с ним за лидерство в I Интернационале, но и потому, что эта первая международная коммунистическая организация подверглась при попустительстве Маркса тотальной иудаизации. Именно этот фактор и стал решающим в изгнании Бакунина и его сторонников из I Коминтерна. «Сам еврей, — писал о Марксе отец анархизма, — он имеет вокруг себя как в Лондоне, так и во Франции, но главным образом в Германии, толпу еврейчиков, более или менее умных, интригующих, суесящихся, спекулирующих, как евреи повсюду. Банковские или коммерческие агенты, писакки, политики, корреспонденты газет всех мнений и цветов, одной ногой в банке, другой — в социалистическом движении, и задом усевшиеся на повседневной литературе Германии. Они захватили все газеты, и вы можете себе вообразить, сколь тошнотворной должна быть эта литература» (Бакунин М.А. Интернационал, Маркс и евреи. М.: Аз, Вече, 2008. С. 154—155). Окончательный разрыв с Марксом произошел после того, как Бакунин узнал о финансировании I Интернационала двоюродным братом Маркса банкиром Лионелем Ротшильдом.

Согласно базовому положению талмудического иудаизма, Бог пообещал евреям власть над миром и захват всех богатств других народов, которым в Талмуде была предопределена участь рабов «избранного народа». Первой неудачной попыткой достичь исполнения этого Завета Бога с евреями обернулась гибелью Хазарского каганата, где вся власть и все богатства были в их руках почти 400 лет. С тех пор попытки обрести новую землю обетованную не прекращались, что вызывало естественное сопротивление всюду, куда евреи вторгались со своим, как говорят сионисты, «передвижным го-

сударством», которое я называю цивилизацией-химерой, самой опасной лжецивилизацией в истории человечества.

Основоположник политического сионизма Теодор Герцль стал автором известной формулы: «Чтобы овладеть миром — надо овладеть Россией». Также думали и Маркс с Энгельсом, организовав свой «Дранг нах Остен» — «Натиск на Восток», приспособив этот лозунг германской экспансии Карла Великого (742—814 гг.) к нуждам мировой революции, и принятый впоследствии сионистами для захвата России, а затем и Гитлером.

Стратегия и тактика тотального терроризма как метода дестабилизации европейских монархий были выработаны именно в I Интернационале, в чем активно участвовали Маркс, Энгельс, Бакунин и другие его лидеры. После победы контрреволюции в Париже в июне 1848 г. и в Вене в октябре 1848 г. Маркс писал о том, что выход из создавшегося трагического положения заключается единственно в развитии революционного движения народа: «Безрезультатная резня после июньских и октябрьских дней, бесконечные жертвоприношения после февраля и марта — уже один этот каннибализм контрреволюции убедит народы в том, что существует лишь одно средство сократить, упростить и концентрировать кроважную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство — революционный терроризм» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч. Т. 5. С. 494).

К. Маркс имел в виду не только «революционность народа, готового к применению насилия в борьбе против реакции», но и прежде всего терроризм как средство свержения существующего строя и захвата власти. То, что эту власть в I Интернационале планировали использовать для исполнения указания Маркса об уничтожении «реакционного славянства» и геноцида русского народа, открыто не говорили, и только дорвавшись до власти, перестали это скрывать.

Труды классиков марксизма послужили идейным обоснованием геноцида русского народа и других славян, осуществлявшегося большевиками с момента захвата власти после разгона Учредительного собрания в 1918 году. Было бы, однако, непростительной ошибкой сводить всю историю советской власти в России к красному террору во всех его проявлениях. История международного коммунистического движения, как и коммунистическое прошлое России, далеко не однозначны. Злодеяния большевиков, развязавших холокост русских, украинцев и белорусов, соседствуют в этой исто-

рии с великими достижениями советской власти после смерти В.И. Ленина и ликвидации его сионистско-масонской гвардии. Только после этого удалось прекратить геноцид и этноцид русских.

Несомненной заслугой Сталина и его соратников останутся культурная революция, индустриализация и создание мощных вооруженных сил, с помощью которых удалось разгромить нашествие стран Оси во главе с гитлеровской Германией и не допустить дальнейшей реализации гитлеровских планов геноцида славян, согласно которым планировалось, помимо уже уничтоженных в ходе войны десятков миллионов славян, сжечь в гигантских концлагерях за Уралом еще 50 миллионов. Не исключено, что эти планы были бы осуществлены нашими бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Только создание в СССР мощного ракетно-ядерного щита помогло спасти славян России и Европы от полного уничтожения. Он же, наш усовершенствованный ракетно-ядерный щит, не позволит Западу развязать третью мировую войну.

ДВА РАССКАЗА

КРЕЩАЕТСЯ РАБ БОЖИЙ

После Северо-Западного фронта с его дремучими хвойными лесами, безбрежными болотами Украина казалась сапёру Павлу Силаеву землёй обетованной. Утром последнего дня сентября, проснувшись и пойдя в перелесок, он увидел дичку, которая светилась в ранних лучах спелыми, похожими на маленькие новогодние шары яблоками. И он рвал их, неспешно обкусывал, чувствуя вяжущую сладость. Ему казалось, что они выросли в райских кущах. Рядом простиралось большое поле с кукурузой, которую варили, сколько можно было вместить в котелки и вёдра. Раскаты артиллерийского огня были слышны так отчётливо, что знал солдат, куда они направляются и что ждёт впереди. «Ой, Днепро, Днепро, ты течёшь вдали, и волна твоя, как слеза». Эту песню они пели, пока шли сюда многие километры. И Павел нёс в сердце эти слова.

На правом, крутом и неприступном берегу Днепра немцы создали оборонительный рубеж, получивший у них название Восточный вал, и объявили всему миру, что здесь теперь проходит восточная граница

ПРОЗА

рейха. Младший политрук Афанасьев рассказывал бойцам, будто Гитлер лично приезжал в Запорожье для проверки готовности Восточного вала. Должно быть, главный фашист считал Днепр природной неприступной крепостью. А значит, нет ничего важнее теперь, чем взять этот рубеж, освободить Украину и двигаться дальше.

...Младший политрук Афанасьев давно невзлюбил Силаева. Было бы за что — тихий, молчаливый парень, который всегда отводит в сторону небесного цвета глаза. А началось всё с того, как Афанасьев заметил в его руке чётки:

— Что ты всё шепчешь, чего ты там перебираешь, солдат? А ну немедленно прячь своё мракобесие! — он помнил эти слова и грубый тычок в спину. Политрук уже не первый раз придирался. — Заканчивай со всем этим, бойцы видят, поп-попёнок, плешивая башка!

Павел на самом деле быстро облысел, буквально с первых дней на фронте, хотя было ему немногим больше двадцати лет. Однако не указание на этот внешний изъян обижало его.

Павел вовсе не был священником, хотя его дед когда-то служил настоятелем храма в отдаленном селе на Тамбовщине, в тридцать седьмом он был арестован, и с тех пор о нём не было вестей. Именно он обратил внука к вере с ранних лет. Образ деда — спокойного, с широкой бородой, умного и справедливого, навсегда остался в сердце путеводной звездой. Силаев вспоминал его голос, когда шёл в атаку и был уверен, что отчётливо слышит его тихую молитву над собой в минуты, когда спал, укрывшись плащ-палаткой. Павел видел много крови, отчаяния, но это зло только укрепило в нём веру. И он почти никогда не расставался с дедовскими чётками на сто бусин, читая по ним то Иисусову, то Богородичную молитвы — как учил священник. От этого становилось теплее в груди, даже когда приходилось идти навстречу шквалистому ветру и колючему снегопаду.

Вот и теперь он шёл, под ногами хлопала вода, небо отражалось в придорожных лужах. Он знал, почему так зол младший политрук — к Павлу тянулись некоторые солдаты, и хотя Силаев отвечал им, что не имеет к церковным чинам никакого отношения и слаб в богословии, они шепотом просили его помолиться за родных.

Младший политрук с сарказмом называл Павла за глаза полевым батюшкой, а в глаза только поп-попёнком, чтобы не задавался. Не раз политрук порывался догнать Павла и выхватить у него чётки, но тот, словно чувствовал, быстро прятал их за пазуху. И когда их взгляды сходились, обычно добрые глаза Силаева наполнялись огнём: он без слов, но твёр-

до показывал, что если придётся, то будет драться. Афанасьев отступал, зная, что тихий молитвенник — настоящий боец, прошел многое, имеет награды. Да и товарищи-защитники у него найдись могут.

Афанасьев был немногим старше рядового Силаева. Краткосрочные курсы младших политруков он прошёл в боях. Пополнение из тыла за счёт выпускников военно-политических училищ приходило редко, и потому решили быстро готовить своих красноармейцев-коммунистов. Он постигал политическую науку в лесу, в землянках, где не было ни классов, ни лекций. По расписанию с курсантами беседовали командиры, комиссары, специалисты родов войск. Учили на боевом опыте. К главному делу — политической работе в роте приобщался он в беседах с опытным комиссаром Ковригиным, и его живое слово было главным пособием. Вопросов религии касались редко, но Афанасьев и так знал, что с пережитком, который возвращается ввиду масштаба войны, общей трагедии и слабости человека, нужно бороться. Тем более что фашисты в своей пропаганде часто использовали эту приманку, доказывая, что они — освободители земли русской и православной веры, и будто на оккупированных территориях открывают и восстанавливают церкви, помогают простым людям во всём. Афанасьев знал, что поступает правильно по отношению к Павлу Силаеву. Ведь он не раз пытался поговорить с ним по-товарищески, переубедить, помочь отказаться от мракобесия, но тот словно не слышал.

Тысячи солдат с разными судьбами и тайнами на душе двигались к великой реке, и никто не хотел думать, чем обернётся следующий день.

Порой, прочтя пятисотницу — пять кругов молитв на чётках, вслушиваясь в слова «прости меня, грешного», Павел понимал и жалел Афанасьева. Так сильно, что хотелось разыскать его да и обнять просто, ничего не говоря. Найти с ним мир любой ценой. И знал, как слаб душой, чтобы поступить так. Всё чаще казалось, что до неба через эту копоть и дым не доносятся его молитвы, и сомнения окутывали душу мороком. И понимал он, что маловерен и нищ сердцем в отличие от политрука, у которого тоже была вера, своя, безусловная и крепкая, которой стоило поучиться. Афанасьев предан идее, ни в чем от неё не отступает и хочет настроить, вдохновить других. Он не всегда был груб. Не раз Силаев замечал, что Афанасьев на самом деле — добрый человек, который, как может, подбадривает солдат, учит их презирать и не бояться врага. И потому жалел его, зная, что вера политрука как мост-мираж через пропасть, никуда по нему не прой-

дѣшь, а только сгинешь. Нет спасения без Христа, и только через православие — единственный путь на небо. Он верил только в это. И всё же он завидовал энтузиазму Афанасьева. Многие, по сравнению с ним, выглядели подавленными и усталыми, а в глазах будто пропала тяга к жизни. И он, политрук, бодрил их словами, читал вырезки из газет, рассказывал о подвигах на фронтах.

Так они прошли вместе не один километр, чтобы достигнуть реки. Предстояла последняя короткая ночь перед началом форсирования, которое должно было стать неожиданностью для немцев. Они наверняка думали, что советская армия будет действовать в таких условиях, как любая другая: подойдёт, закрепится, постепенно подтянет артиллерию, инженеров. На это и был расчёт — первые лодки отправятся к берегу врага ещё засветло. Тогда же и начнётся сооружение понтонного моста для отправки главной боевой силы.

У костров, которые спрятали за небольшим ельником, чтобы были неприметны с другого берега, сошлись солдаты, хлебали жидкую кашу. Политрук подошёл к Силаеву:

— Будешь? — он предложил спирта из кружки. Тот покачал головой, отводя глаза. — Прости, кагору нет, не то время.

Афанасьев заулыбался. Он был немного хмельной:

— Ладно, не злись, товарищ, зря отказываешься. Ты хоть знаешь, что нам всем завтра предстоит?

Он присел рядом, плечом к плечу. Увидел в руках Павла чётки, но ничего не сказал:

— Так вот, рядовой Силаев. Ширина Днепра в нашей полосе наступления — два километра или, может, чуть больше, — он обернулся и стал вглядываться вдаль, хотя во тьме было не различить и кустов. — Даже в мирное время в такую погоду перебраться на другой берег — хитрая наука. Правый берег у немцев крутой, они там надёжно окопались и будут нас лупить из всех орудий. С него отлично просматриваются подступы к Днепру. Левобережье — то наше всё низменное, песчаное, заболоченное. К тому же фашисты постарались тут уничтожить всё, что может как-то облегчить нам переправу. Понимаешь?

Павел кивнул.

— И ты что же, совсем не боишься? — спросил политрук. — Или ты только страх перед богом имеешь, да?

— А ты боишься?

— Я — нет. Я — коммунист.

— А мне страшно, — ответил Павел. — Я не коммунист, я человек, и мне страшно.

— Ты что хочешь этим сказать, зараза, что коммунисты не люди, что ли?

Силаев не ответил.

— А как же вера твоя, сапёр, разве не учит бесстрашию?

— Да, мне страшно, — рядовой поднял глаза. — Предки наши бились, и вели их святые Дмитрий Донской, Александр Невский, со знаменами православными в бой шли. И, конечно, боялись тоже, потому что люди они простые были. Но шли и победили.

— Вот даёшь! Красиво говоришь, прям как попы в империалистическую. Небось, также пели в уши солдатам! Но это в прошлом было, теперь новые знамена, за которые умереть не жаль, — ответил политрук. — И мы выиграем эту войну, потому что наши идеи, на которых построено всё советское государство — правильные. Вал войны сместился, позади — Сталинград, Курск, а впереди — Берлин!

— Дай хлебнуть! — попросил Павел.

— За победу коммунизма выпьешь? — прищурился Афанасьев. Павел одернул руку.

— Ладно, будет. Выпей за свою трицу-богородицу, если хочешь. Сейчас уже поздно тебя просвещать. Но я желаю тебе выжить, выстоять, парень, и чтобы с тобой мы потом ещё не раз обо всем этом поговорили. И прости меня, если я тебя чем обидел.

Павел выпил до дна, протянул руку, и не смог сдержать слезы после рукопожатия. То, что так хотел сделать он сам, как христианин, с честью выполнил коммунист. Всё так быстро произошло, он даже понять не успел.

Афанасьев поднялся:

— Бога нет, но мы победим! — и ушёл спать походкой сильного и спокойного человека.

Павел Силаев опустил голову, бормотал, перебирая деревянные бусинки. Спирт ударил сначала в голову, потом в ноги, сделал их ватными. Вместо спокойствия почему-то пришёл гнев, непонятный и тупой. Ему захотелось найти Афанасьева и ударить с размаху по губам. Почему именно теперь — не мог объяснить. Его трясло.

Он боялся завтрашнего дня и просил небо, чтобы ночь стала вечной и утро никогда не наступило. В ответ ночь взорвалась отдалёнными взрывами. Может быть, бойцы где-то сделали вылазку к берегу и были замечены.

«Даже в мирное время в такую погоду перебраться на другой берег — хитрая наука» — казалось, со словами политрука медленно умолкает гул. Потревоженные ночные птицы взметнулись к небу.

Павел ушёл, покачиваясь, его слабая тень промелькнула в свете костра.

Утром его подташнивало. Он будто видел себя со стороны, как с бойцами бежал, на ходу прочитав надпись на большой табличке — «Даешь Киев!» Рядом лежали длинные бревна, недавно спиленные и потому тяжёлые, жёлтая мякоть на срубке напоминала сливочное масло. Солдаты спешно катали их, скрепляли проволокой, сверху клали какое-то ржавое железо. Над Днепром поднялся туман, и Павел не знал, к добру это или к худу. Противоположный берег, где пока затаился враг, был неразличим.

Приказали грузиться в большую лодку. Силаев подумал, что повезло — на ней плыть легче и быстрее, чем на плоту или тем более на связке из бочек. Он оказался в лодке, потому что она комплектовалась из двенадцати бойцов, где обязательно должно быть два связиста и два сапёра. На досках посередине надёжно укрепили 82-миллиметровый миномёт. У каждого бойца было оружие, лопата, по несколько гранат и противогаз.

— Главное — не замочить боеприпасы, слышите! — раздался знакомый голос.

Афанасьев тоже был в составе их перегруженного судна. И он скомандовал:

— Вперёд!

Они отошли метров на двадцать. Пока было тихо, враг их не видел.

— Я так, понимаю, товарищи, сейчас не теплее градусов семи, а вода и того холоднее будет, — говорил Афанасьев. На Павла он не обращал внимания, то ли не заметил, а скорее всего заранее знал, что им выпало плыть вместе, потому вчера и задавал вопросы про страх и хотел помириться. — Так что давай поднажмём, и уж чего, а от купания на сегодня откажемся совсем. Верно, товарищи?

— Ещё бы, — ответил кто-то из бойцов, стараясь улыбнуться. Солдатам нравился Афанасьев, его слова и особый боевой заряд. Даже Павла его речь немного взбодрила. Он нашупал за пазухой чётки и осмотрелся — с каждой стороны, впереди и сзади плыли бойцы. Одни гребли вёслами, другие — прикладами винтовок, досками и даже руками, лишь бы ускорить. Сильное течение относило их в сторону, но все знали, что нужно держаться курса.

Враг не сразу, но заметил начало форсирования и ответил из всех орудий. Афанасьев что-то кричал, но удары артиллерии заглушали его. Одна из мин достигла высоты и со свистом пошла вниз, ударив соседнюю лодку точно посередине. Люди взметнулись, и Павел увидел летящие в разные стороны тела. Другая мина упала, не долетев, перед небольшим

плотом по правую руку от их лодки, и мощная волна перевернула слабое судно.

— Гады, сволочи! — кричали наперебой бойцы в лодке Павла.

— Поднажми! — бодрил Афанасьев.

Великий Днепр, разбуженный и разозлённый, будто и не понимал в гневе, кто беспокоит его, и словно встал на сторону врага. Он налегал мускулистыми руками-волнами, и с каждым новым наплывом лодка качалась то в одну, то в другую сторону и могла перевернуться. Солдаты продолжали грести, кто чем мог.

Павел с трудом поднял глаза к укрытому смогом, как черной подушкой, небу. Прямо на них с рёвом летел «Юнкерс», он чётко различал его крылья, корпус и большие лапы-шасси. Он пикировал, сбрасывая бомбы.

Силаев обернулся. Их лодка оторвалась. Казалось, что по Днепру начали сплавать лес, и он весь пестрил черными плывущими валунами. Но это были не бревна, а люди и обломки судов.

— Половину пути почти одолели, — сказал Афанасьев. — И туман, как назло, рассеялся! Ничего, возьмём мы тебя, Днепр! Держись, братцы! Только бы до берега, только бы добраться!

— Давай! — раздавались голоса.

В эту минуту и Павел верил словам политрука, чувствовал не только страх, но и гнев. Он представлял, как высадится, почувствует под ногами землю и вместе с остальными побежит на крутой взгорок. И думал Силаев, что все они стали единым целым, родными братьями, будто от первого до сегодняшнего дня прошли путь вместе, никогда не расставаясь. Афанасьев, осипший и злой, тоже был брат. Их глаза сошлись, и сапёр понял, что политрук тоже знает это. Двенадцать братьев, двенадцать апостолов, идущих по воде, не смотря на ветер и волны.

— Курс левее! — кричал кто-то. — С курса ушли!

Голос заглушил взрыв справа. Все пригнулись. Один из бойцов в лодке так и замер, убитый.

— Ничего, отомстим! — Афанасьева было почти не слышно, голос он сорвал окончательно.

На миг Силаев потерял связь с реальностью и равновесие, словно крылья подняли его к дымному небу. Он увидел широкий простор Днепра, сотни лодок, строящийся вдали, словно тянущий руки от острова к острову, понтонный мост, колонну танков и артиллерии — главную ударную силу Степного фронта, ждущую переправы. В небе шёл воздушный бой,

и советский истребитель разбил в клочья хвост «Юнкерса». Новый удар, дым и гарь забили нос, и Павел, задыхаясь, освободился от странного наваждения, снова был не в небе, а согнулся в лодке. Он посмотрел на воду, которая вспенилась, помутнела и заалела от крови. Впереди Днепр имел особенно крутой и высокий берег, напоминая большую, густо покрытую ложиной подкову. Оттуда, редко исчезая, мелькали десятки огоньков — били пулеметы.

Мины летели и летели, поднимая фонтаны. Очередной удар оглушил Павла, он подлетел и, перевернувшись, ударился головой в воду, уйдя на глубину. Там было гулко, словно он попал в огромную, полную до краев железную бочку, по которой били со всех сторон огромными кувалдами. Не сразу, но Павел вынырнул.

Ещё на берегу он больше всего боялся оказаться за бортом, но в первые минуты холодный Днепр взбодрил его, и хотя Силаев ничего не слышал, голова стала необычайно ясной. Он погреб, и рука схватилась за что-то твёрдое — должно быть, это был большой кусок от кормы лодки. Павел крикнул, но не услышал себя. Затем ещё и ещё. Крепко держась руками, он плавно шевелил непослушными ногами в воде, чтобы хоть как-то плыть, хотя и не знал, куда.

Он почувствовал плавный тычок в бок, словно на него случайно набрела огромная, испуганная бомбёжкой рыба. Но это была не рыба: что-то обхватило его крепко и резко потянуло ко дну. Силаев попытался отбиться, сучил ногой, чтобы ударить, но только потерял сапог. Вода наполнила рот и нос, пальцы побелели, держась за доску, готовые сорваться. И он стал тянуться, словно выполнял самый сложный подъём на турнике. И когда поднял голову из воды, понял — на нем повис человек. Нашупав его руку, Павел помог ему ухватиться за обломок кормы. Обезображенная голова появилась из воды с рассечённым лицом, из которого сразу же потекли струйки крови. Вместо правого уха зияли красные ошмётки.

Рядовой с трудом узнал младшего политрука Афанасьева.

— П-п-п-помоги, — еле-еле сипел он, не понимая, где находится и с кем. — Я, чёрт дери, совсем ведь плавать не умею.

Павел собрался с силами, обнял Афанасьева. Берег был метрах в пятидесяти, но как дотянуть до него, да так, чтоб вдвоём с раненым, который не умеет плавать? Что делать там без оружия? Но течение относило их в сторону. Силаев не мог понять, почему, может быть, из-за формы обломка кормы их постепенно влекло к середине Днепра.

Политрук то терял сознание, то приходил в себя. Павел по-прежнему ничего не слышал. И когда Афанасьев блед-

нел, глаза закатывались, солдат всё громче и громче кричал, не слыша:

— Это я, рядовой Силаев, слышишь? Держись, мы доберёмся! Всё будет хорошо! Соберись же! Ну же!

Но тот ослабевал. Павел тоже погрузался в какой-то чёрный сон, и бездна на середине реки под ними словно шептала тихо, манила оставить сопротивление стихии, медленно отправиться вниз, прилечь и отдохнуть на мягком песчаном дне.

Рядовой с трудом сумел немного засучить набухшие рукава — вокруг правой кисти в три ряда были намотаны, как у монаха, дедовские чётки. Теперь не оставалось ничего, только молиться, но не получалось. И он посмотрел на Афанасьева, который упёрся грудью и кое-как положил голову на доску, не в силах держать её. Кровь темнела на гладкой мокрой древесине. Слух не возвращался, и рядовой едва мог понять слова политрука, приглядываясь к шевелению синих губ:

— Знаешь, похоже теперь, твоя правда, — казалось, Афанасьев говорил это. — Я помню, в детстве в церковь ходил, тайно бабка водила, и теперь как будто перед глазами свечки горят, сливаются. В золоте всё, так близко, что хоть руку протяни, и далеко... Господи, спаси и сохрани! Ты... прости меня за всё. Страшно ведь умирать. Мне страшно!

— Ты крещёный? — выкрикнул Павел.

Тот помотал головой и уткнулся носом в доску. Из ноздрей сочилась кровь:

— Бабка хотела крестить, отец-коммунист не дал.

— Хочешь?

Афанасьев не понял или не услышал.

— Хочешь креститься?

В помутневших глазах политрука, кажется, промелькнул огонёк.

Дед-священник рассказывал Павлу, что в первые годы христиане крестили сами себя. И во время лихолетья, когда нет священников, или в минуту, похожую на эту, любой православный может совершить таинство.

— Ты готов?

Афанасьев слабо кивнул. Бледный, он плакал то ли от страшной боли, то ли от иного совсем, от того, что было в его душе.

— Тебя как зовут? — спросил Павел.

— Что?

— Имя, — он знал его только как младшего политрука Афанасьева. Силаев понял, что, пройдя столько вместе, ру-

гаясь и споря, он даже и не знал такого простого, нужного, главного сейчас.

Понимая, что Афанасьев теряет последние силы и ответить уже не сможет, Павел на миг поднял глаза к небу, будто искал ответа там. Но увидел только тьму и ярко-оранжевые трассеры. Рукою, на которой были чётки с маленьким деревянным крестиком, он погладил волосы Афанасьеву, положил руку на дрожащую щёку. Снова взявшись за волосы, он сжал их.

— Крещается раб Божий, русский воин... Иван! — он дал это имя, потому что оно первым пришло на ум. — Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь!

И он трижды погрузил голову Афанасьева. Волны быстро размывали круги на воде. Павел боялся, что тот захлебнётся, но, вынырнув, он ожил, придя в себя, и улыбался. Даже страшное кровотечение на миг остановилось.

— Ну вот и всё, прощай, друг, прощай, поп-попёнок, — сказал он еле слышно.

— Что всё? Держись! — крикнул Павел, пытаясь прижать его к груди. — Нас снесёт к нашему берегу или к понтонам, там спасение!

Сначала в пучине скрылись плечи, а потом и голова Афанасьева беспомощно ушла в воду, бледная рука на миг повисла, крепко схватив Павла за запястье. Но не так, как держала раньше, чтобы выжить, а словно на прощание. Через миг она ослабла. Павел видел белое, похожее на камень лицо, которое таяло в глубине, оставляя за собой струйку пузырей.

Павел плакал, размазывая по лицу грязь. Перед глазами плясали странные красные кружочки, будто он снова стоял, как перед боем, у яблони-дички, рвал плоды и смотрел, как осеннее солнце играет в ослабшей листве. Затем промелькнуло детство, десятки зажжённых свечей, будто опять видел спину деда, стоящего перед алтарём. И потом видел Афанасьева, бредущего с ним по размытой дороге, и словно чувствовал его тычок в бок, но другой, весёлый, дружеский, хороший.

В последний раз он оглянулся и, подняв руку к небу, потерял сознание, снова видя перед глазами дикую яблоню.

Павел едва почувствовав удар о что-то. Несколько рук подхватили его, положив на твёрдое, пахнущее свежей смолой дерево. И он, широко раскинув руки и ноги, лежал с открытыми глазами. Над ним на миг склонилось лицо солдата, а потом было только серое и бескрайнее небо.

Обессиленный Павел Силаев снова плыл в сторону врага, которого предстояло выбить с неприступного правого берега Днепра.

ОБЕЩАЙТЕ, ЧТО ВЕРНЁТЕСЬ

1

Ун-гер-хан-хан. Ун-гер-хах-хан.

Душно. Как же невыносимо душно!

Он с трудом перевернулся, что-то скрипнуло под ним, вроде бы знакомо, но и непривычно. На миг открыв глаза, Трофим так и не понял, где находится. Веки сомкнулись, и его куда-то понесло. Он видит, как бежит по высокой траве, впереди — отец и двое старших братьев. Вльняных рубахах идут чуть поодаль друг от друга. Как принято — рядком. Размахивают литовками спокойно, привычно так. Медленно плывут, будто над лужком, ног не видно в предрассветном тумане. За ними брезжит изумрудно излучина реки, на другом берегу сиротеет церковный сруб без купола. Трофим — ещё мальчишка совсем, бежит к ним, кричит, но его не слышат.

Ун-гер-хан-хан. Ун-гер-хах-хан.

Вроде бы косы ходят, а почему же так шумно, гулко и тяжело бьются, словно не по траве, а по камням...

Он спотыкается, долго скользит на коленях по росе, опускается в неё по горло, хватает губами, ловит влагу, но не чувствует ни свежести, ни прохлады. Отчего же так сухо, так гадко, и роса и не роса вовсе, а его же холодный пот.

Ун-гер-хан-хан. Ун-гер-хах-хан.

Он пытается сглотнуть — слюны нет. В горле словно застряли, перемешавшись с песком, осколки стекла. Трофим снова бежит, но теперь он в каком-то другом месте, далеко от дома, похоже, на подступах к Берлину. Он уже не мальчишка, на нём выцветшая гимнастёрка, в руках автомат. Он падает, склоняется к воде, но не видит отражения, а лишь бескрайнюю пропасть и нечеловеческие бездушно смотрящие из глубины глаза. Он жадно, захлёбываясь, пытается пить, но опять не ловит губами влагу, а хватается спёртый болотный дух, захлебывается, в отчаянии семенит руками. Поднимает ошалелое лицо, с трудом разлепляя спёкшиеся веки, и видит: у реки два течения — в одну сторону плывут убитые свои, а в другую — немецкие солдаты. И все с бледными лицами, пустыми. Он приглядывается: да, именно пустыми. Лица без ртов, бровей, глаз, белые. Совершенно белые, разве что только не светятся.

Ун-гер-хан-хан. Ун-гер-хах-хан.

Опять этот звук — теперь над головой, над рекой, в небе. Что же это? Артобстрел теперь? Но не должно же ведь больше, не должно! Кончилась война. Или нет? Трофим слышал отчётливо гул и стуки, понимал, что спит. Не раз и не два с

ним случалось такое на фронте — когда наблюдаешь затаившийся кошмар и хочешь себя вытолкнуть, открыть глаза, но не можешь.

Теперь он провалился опять куда-то, его шатает, перед глазами мелькают сосны. Да, он опять ранен в руку, как тогда, под Витебском, жажду чувствует, а вот боль — теперь почему-то нет, хотя сжимает окровавленный локоть и бежит, бежит. Да, всё те же сосны. Он поднимает глаза, их верхушки раскачивает ветер.

Ун-гер-хан-хан. Ун-гер-хах-хан.

Сосны будто переговариваются, а он бежит, натывается и бьётся, но не чувствует боли. После каждого удара деревья растворяются перед глазами, взрываются жёлтыми искрами. Рядом никого нет, но враг-то здесь, он чувствует, и потому бежит всё быстрее. Видит мутно цель: прибитый к стволу помятый рукомойник. Похож издали на гильзу от сорокопядки. Трофим падает на колени, отчаянно дёргает клапан-стерженьё рукомойника, понимая, что тот острый, как гвоздь. Вся ладонь в чёрных кровавых отметинах, а он всё продолжает стучать остервенело. Будь проклят этот пустой рукомойник. Ну же, ну же! Где вода?

Ун-гер-хан-хан. Ун-гер-хах-хан.

Стучат колёса. Это они, они бьются так. Нет, теперь не новая страница липкого, затаившего кошмара. Он действительно разомкнул глаза и попробовал приподняться на локтях. Старая рана отозвалась. На миг замерев, Трофим опять закрыл глаза. Показалось, что огромные красные ладони накрывают голову, давят на уши, смыкают и глаза, и нос, и рот.

Всё, спать больше нельзя.

— Ты чего? — услышал он голос. Вроде бы знакомый. Трофим свесил ноги, посмотрел ошалело. Пахло махоркой и крепким потом, от духоты ломило в затылке.

Он в теплушке, на верхних нарах. Так...

И едет домой. Из Германии. Война — позади.

Всё встало на места. На миг Трофим задумался: как долго ему будет сниться что-то подобное? Он и не вспомнил даже обрывка от первого сновидения, где отец с братьями косили, их так быстро размазали и очернили остальные. Но и те первые видения были далёкие, грустные, невозвратные. Если и могли размахивать его сродники литовками, то разве что теперь на небе, божьим коровкам бережно подкашивая райское разнотравье.

Трофим повидал многое на фронте и оттого стал хмур, немногословен. Не узнать в нём того деревенского парня, ка-

ким был до войны. В теплушке солдаты постоянно наяривали на гармошках, особенно когда подъезжали к станциям, и там их, победителей, встречали с цветами. Трофим до войны был первым гармонистом, но ни на фронте, ни теперь ни разу не попросил дать в руки хромку. Его ведь раньше называли «слухачом», потому что мог враз подобрать любую мелодию, а теперь, теперь... Оборвалась в душе музыка. И он понимал, что теперь может разве что крепко прилипнуть рваной душой к стакану.

Всё к этому вело. Вот и вчера он серо, грубо так залил душу и сидел долго хмурый, не обращая внимания на веселие и частые подначивания в свой адрес, пока не уснул.

— Да чего ты? — снова услышал Трофим голос рядом.

— Мне бы это, водички хлебнуть.

— Это можно, сейчас, — сосед шумно отвинтил крышку, из фляжки забулькало, в руку ему вложили кружку. Трофим глотал жадно, кадык ходил вверх-вниз, по горлу потекли холодные струи, освежили грудь. Наконец-то вода — настоящая, будто живая, а значит, он и правда больше не спит.

Он утёр щетинистое лицо, вернул кружку.

— Долго ещё до станции какой, подышать бы, размять ноги.

— А чёрт его знает, едем и едем. Я вот уснуть не могу что-то, — ответил сосед.

Как же его зовут? — вспоминал Трофим... Иван, кажется. Точно Иван — не ошибёшься.

— Уже наша земля-то?

— Ага, белорусская, наверное, — собеседник зевнул. — Ты здешний, что ли? Нет? Ну и ладно. Попробую покемарить.

И, вытянувшись, попутчик протянул, смакуя каждую фразу:

*На войне, в пути, в теплушке,
В темноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке, —
Там, где случай приведёт, —
Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь кой-как к друг дружке,
Отдохнуть... минут шестьсот.*

— Да, — протянул Трофим. Говорил то ли себе, то ли соседу. — Раньше за счастье, да что там, и поверить был бы не готов, что дадут спать целых шестьсот минут. Откуда их взять

столько, половину бы — и то... Да и какой там половину! А сейчас... Да что-то не лезет...

Оставалось думать, думать, слушая монотонный шум колёс.

Ун-гер-хан-хан. Ун-гер-хах-хан.

2

В теплушке их было человек сорок. Спали на грубых нарах, расположенных в два яруса. Не раз и не два Трофим слышал от ребят о том, что, мол, вернёмся скоро по домам, уж там отоспимся на родных печках да постелях, уткнёмся носами в подушки, тёплые, с запахом таким неопишваемым, родным. Другие мечтали, как на сеновале залягут, где свой дух травный да хруст.

Их всех объединяло то, что не чувствовал Трофим. Они хотели домой.

Он — нет, и потому со стороны казался тусклым пятном на их фоне. Не мог разделить радости, добавить горячее слово в общий котёл восторга и предвкушения. И при этом смотрел на попутчиков с теплом, без злобы и зависти, и верил. Верил их словам, что они теперь дома горы свернут, работу наладят, всю землю распашут, и прочее, прочее. Конечно, конечно, а иначе нельзя настраиваться.

А что будет делать он? Что будет с ним? Настанет день, когда сойдёт он — ночью ли, туманным утром, под вечер или в полдень — неважно, но сойдёт на знакомом полустанке, попрошайтается навсегда с шумными ребятами, чтобы никогда больше с ними не встретиться. И останется один на один с гнетущими мыслями, памятью и таким же нелегким предчувствием свидания, от которого не отказаться, не увильнуть.

Свидания с домом. Свидания с родным домом. Свидания с родным пустым домом...

Кем он вернётся, кем пройдёт по знакомым улочкам? Чужаком, пустыми глазами осматривающим округу, где развезяна его молодость? Встречные, должно быть, и не признают его сразу, а представится чужим именем — так и вовсе тогда, наверное... Да и неважно, нестрашно.

Другое страшно, и эту картину он представлял не раз. Взгорок, словно подъём на погосте, обросший крапивой, которая плотно обступила родные стены. Встречает его разросшимся войском, клонится на ветру разлапистой пахучей зеленью, норовит уколоть. В душу молчаливо уколоть, будто виноват он в том, что двери и окна забиты наглухо, а в трубе завывает ветер.

Нет, всё ж сойдёт он с полустанка под вечер, непременно сложится именно так. Чтобы дом родной встречал как раз в сумраке. И прорываться ему тогда через крапиву и сбивать доски в потёмках. И когда дверь перед ним со скрипом отворится, потянет сыростью, пустотой.

Нет, он не сможет войти. Не сумеет переступить порог, словно заговорённую линию, как в страшной сказке. Трофим попятится, упадёт в крапиву, будет реветь и рвать, рвать и реветь по-звериному...

Отец и братья погибли в начале войны. Мать постоянно слала письма, перед глазами стояли размытые буквы, красивый почерк — она была грамотной, хотя и окончила всего два класса церковно-приходской школы. Писала неровно, то ли от волнения, то ли от того, что выплакала глаза.

В письмах — одна и та же мысль, что вымолит она его, Трофима, у Бога, раз не получилось других. Читая, он мысленно клялся, что вернётся, обнимет мать, прижмётся к груди. Будет с ней рядом до последних её смертных минут, этому посвятит жизнь в благодарность за то, что действительно вымолила.

Её не стало... Возможно, она умерла в тот день, когда его ранило в руку под Витебском, где в памяти навсегда остались те высокие сосны.

«Богородица услышит, ведь Она тоже мать, она поймёт!» — Трофим не сохранил писем. Не жалел об этом, потому что они были с ним навсегда, каждым словом. Как бы хотелось их забыть, вычеркнуть, и чтобы мама ждала его дома. У окна. Или выходила бы за околицу, в поле, ждала, ждала, глядя на пылящую дорогу, и однажды бы увидела издали его фигуру.

Да, Трофим не сможет войти в родной дом — его встретят иконы тёмно-жёлтыми окладами в углу, давно потухшая, переставшая согреть огоньком лампадка, домотканый серый половичок внизу, где мать часами стояла на коленях, молясь за него... И эти стены, стены. А ещё портреты отца и братьев. Как ему быть там, стоять там, не то что остаться и жить за хозяина...

Порой хотелось, чтобы на какой-нибудь станции объявили, что война продолжается, и нужно поворачивать обратно боем на Германию или ещё куда. Страшная была бы весть, но не для него.

Он лежал и думал, думал...

Конечно, он нагнал на себя много хмури и представлял зря, что будет идти по родной просёлочной дороге как чужак. Узнают его, будут рады, и уж что-что, а работа для него найдётся. Так день за днём затянутся раны на душе, жену доб-

рую найдёт, после войны невесты — товар в переизбытке. Наладится всё, забудется то, что мучает, должно быть, и сны эти, наконец, уступят место другим, тем, что попроще и легче.

Да, работа ему сразу найдётся, и дух перевести толком не дадут. Сразу же председатель к нему на порог. Кто интересно сейчас за председателя? Но всё равно с уважением так, с поклоном к нему обратится: мол, приступай, Трофим, ждём и просим, совсем рук нет...

Но опять всё та же мысль — как после долгого дня возвращаться домой, где всё равно даже сверчки запечные — и те поют тоскливо о прошлом, о родных... Почему-то вспомнился крюк на потолке, за него раньше люльку подвешивали, всех сыновей и Трофима последним в ней в своё время качали. Ведь если не перестанет глодать тоска, то перекинёт ведь он верёвку и, сплюнув, вздёрнется. Рано или поздно. И будет висеть, болтаться, а за окном — темень непроглядная да дождь шумит, бьёт по лопухам. Портреты, иконы на него смотрят, а он болтаётся себе один.

Состав замедлял ход. Трофим снова поднялся и свесил ноги. В теплушке уже никто не спал. Курили, переговаривались, только слов не разобрать. Скорей бы покинуть эту опостылевшую духоту. Наконец со скрипом отодвинули двери.

Трофим, схватив вещмешок, где было всё его скромное имущество, выпрыгнул к свежести и прохладе утра.

3

На вокзале каждого города их эшелон встречали, иногда даже с оркестром. Здесь, в Барановичах, в ранний час собралось несколько десятков человек — в основном женщины и девушки. Они улыбались, протягивали цветы, но их глаза были уставшими. Трофима одёрнула за мизинец девочка лет восьми — она смотрела снизу вверх карими глазами:

— Возьмите, это вам! Спасибо за Победу! — тихо сказала она, протянув букетик одуванчиков. Трофим опустился перед ней на колени, сжал ладонями протянутую руку, поцеловал. Он понял, что девочка собрала эти жёлтенькие головки на тонких ножках здесь же — пустив корни и пробив всё на своём пути, одуванчики поднимались прямо на руинах. Тянули через камни к солнцу яркие головки, прорываясь похожими на ёлочки ладонями-листьями. И Трофим, поцеловав девочку в щёку, принял от неё букетик. Подумал: если и есть на всём белом свете символ стойкости и стремления к жизни, так это одуванчик.

*И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только б слушали девчонки
Как ремни мои скрепят!*

Это Ваня балагурил уже со встречающими. Хороший он всё-таки парень, молодец, да и «Василия Тёркина», видно, за годы войны впитал наизусть.

— У нас времени вагон! — поправляя ремень, обратился он к Трофиму, когда отошёл от девчат. Ему, как и другим, надарили цветов, он положил их к общей душистой куче. С задором посмотрел на одуванчики, которые Трофим всё так же сжимал в большом кулаке. — Оказывается, до самого вечера здесь простоим, перецеплять будут. Что ж делать-то тут?

Трофим убрал одуванчики за пазуху, сдвинул пилотку к бровям и, ничего не говоря, пошёл.

— Ты куда это, а? — окликнул Ваня. — Может, и мне с тобой?..

Трофим не обернулся. Он быстро покинул вокзал, зашагал безлюдной серой улицей.

До войны в Барановичах были новые дома, школы, магазины, театр, электростанция, столовые. Но где — теперь человек новый в городе никогда бы не понял. Планировка едва угадывалась по линиям руин. Серые остовы зданий, пепел пожарищ, сиротские обугленные деревья, едва пустившие робкую зелень... Трофим поправил на плече вещмешок. Шёл уверенно, зная куда. Нет, он не бывал в Барановичах до войны, не видел город целым. Он освобождал его и теперь опять оказался здесь. А значит, должен выполнить обещание.

Он свернул в переулок, засеменял мимо разросшихся кустарников с горки по узкой тропинке. Трофим помнил этот спуск, особенно ту минуту, когда был здесь больше года назад. Он с двумя товарищами, бойцом и офицером, останавливался на постой. Их приветила девушка лет семнадцати, она осталась одна с племянниками. Одному было лет восемь, а меньшему — всего два. Выглядела да и была она для них скорее матерью.

Её звали Тонечка. Малорослая, но крепкая, он вспоминал не раз её широкие плечи, босые ноги. Война сделала её взрослой: глаза строгие, серьёзные, тёмно-карие. Когда они встали на постой, сначала она показалась неприветливой, даже грубой. Только вечером, когда сели ужинать, они с товарищами от души, мыча и отдуваясь, нахлебались наваристого бульона с белым мясом. Не знали и не задумывались, что

Тонечка зарезала единственную курицу и что младших увела в сарай, чтоб те не плакали и не просились за стол.

В тот день, когда они покидали дом, товарищи уже вышли, Тоня подошла к нему близко-близко и посмотрела в глаза. Девушка до этого не заговаривала с Трофимом, и потому он удивился её словам:

— Обещайте, что вернётесь!

Он, потупив взор, кивнул тогда. Не знал, позволит ли война сдержать слово, но если выживет, то тогда... Трофим без слов понял Тоню, ощутил её всю, как она есть. Может быть, даже полюбил: самому себе в этом он не признавался, вернее, не называл проснувшееся чувство любовью. Что за почва была для этого чувства, откуда вдруг? Тоня была младше его лет на пять. Она вошла в его сердце и запомнилась сильной и молчаливой. Наверное, до войны она была иной. Как и его, война изменила девушку, не сломала, но потушила внутри радость. Будто водой костёр залить... Надолго, а может быть, и навсегда.

Трофим не мог знать, что в ту ночь, когда он уснул, девушка долго смотрела в свете луны на его осунувшиеся щёки, высокий лоб, слушала неровное дыхание. Сидела так, не шевелясь. Сколько всего она передумала и о чём?..

И вот снова знакомый скрип калитки, низкий кособокий домик, тёмные окна, старенький порожек. Он стоял, думая, постучать или... Но дверь медленно открылась.

Босоногий, похожий на шуплого воробышка мальчонок утёр нос рукавом и пропищал:

— Татька! Татьяка пнишоооо! — он действительно напоминал птенчика: прыгая со ступеньки на ступеньку вниз, засеменил на тонких ножках, но мимо Трофима:

— Тоосенькааа, я с полога пописать хотел, а тут тьяятяка! Тьяятятка пнишооооо!

Трофим побежал за ним, поймал на руки. Мальчик засмеялся, прижался к щеке, указывая пальчиком вперёд:

— Туда пайшли! Тосенька там, с бааатом!

За домом начинался небольшой огород. Сутулый шуплый парнишка в картузе неумело ворочал лопатой, захватывая небольшие комья, а Тоня, широко расставив ноги в междурядьях, бросала зеленоватые, обваленные в печной золе половинки картофеля. Услышав младшего, хотела разогнуться, но, держась за спину, невольно качнулась.

Распрямившись, посмотрела на Трофима, а он, держа мальчику, глядел на неё. Побледнела. Показалось, будто у неё дрогнули губы. Старший повис на лопате, с открытым ртом

глядя на гостя. Тоня вытерла руки о передник и пошла к Трофиму. Поравнявшись, глядя в глаза, протянула ладонь:

— Рада видеть вас, товарищ Волков...

Казалось, что сказать она хотела другое.

Трофим раскашлялся. Не знал, что и ответить. Не пороть же ерунду о том, что, мол, пришёл, как обещал.... Проведать, так сказать, и всё такое.

Но говорить не пришлось:

— Что ж я стою, глупая, вы же с дороги, устали, голодны, проходите быстрее в дом!

И тут Трофим смекнул:

— Да какой там! Петруха, ты что повис-то, а? Ведь тебя Петрухой звать? Помню, не серчай! Ну-ка, давай лопату, здоровата она для тебя будет, а мне — самый раз. Уж я разомнусь, а ты не зевай, знай — бросай картоху-то!

— Не стоит, что вы! — попыталась вставить Тоня, но Трофим уж давно опустил на землю младшего и откинул к груди семенного картофеля вещмешок.

Решение помочь с посадкой пришлось кстати. Есть время осмотреться, отдышаться, что ли. Он не мог ответить самому себе, для чего пришёл? Только ли выполнить обещание, отчитаться, так сказать. Или нет? Чем быстрее работал, тем чаще билось сердце. Билось так, как когда-то давно, словно забыло и вспомнило, что так можно. Резко, живо, по-доброму.

— Плетень-то, я смотрю, совсем покосился, — сказал Трофим, когда они остались вдвоём. Тоня унесла младшего в дом. Тот всё твердил: «Тятя, тятя пнишоооол!»

— Плетень-то да, худой, — отозвался не сразу Петруха. Он старался не смотреть на гостя, басил голосом — хотел казаться взрослым. — Я всё хочу его поправить, руки не доходят.

Работа шла споро, Трофим чувствовал, как отзываются мышцы на простую крестьянскую работу:

— Такой плетень, Петро, не править надо, а валить к чёрту, жечь и ставить по-новому, — он отдышался, смахнув смешанный с пылью пот. — Алучше не плетень, а хороший красивый заборчик справить, чтобы навсегда. Как думаешь?

— Да отгораживаться не от кого уж давно стало, — буркнул тот.

— От отца вестей не было? — Трофим спросил и подумал: стоило ли?

Ведро невольно выпало из руки парнишки, ручка звякнула:

— Была... Что ж сказать... Похоронка была. Втроём мы остались, выходит. Вот. Ничего у нас больше нет.

Разговор не шёл в отличие от работы. Управлялись быстро. Трофим присел у бочки, и Петруха смотрел, как тот скручивает сигарку:

— Отец тоже курил.

— Ты, главное, не начинай. Я бы знал, что такая штука приставчая, нипочём бы не начал... Одно только хорошо — тягу поесть отбивает. Часто помогало на фронте.

Когда закончили, пошли в дом. Трофим подхватил вещмешок и шёл чуть поодаль, смотрел на сутулые плечи мальчика. До чего же исхудал пострелёнок, подумал он. Ему ж лет девять или десять, а кажется на семь. И вдруг ощутил странную, непонятную пока близость, будто Петька этот — не чужой. Вот обернётся сейчас, и обратится:

— Тятя, а знаешь!..

«Что за ерунда в голову лезет? С устатку, что ли?» — думал Трофим, подходя к порогу. Петя вдруг отпрянул, спрятавшись за его спиной. Их встречали несколько женщин и старик. Последний был особенно колоритен — подтянутый, в фуражке с козырьком и оловянной кокардой, в выцветшей гимнастёрке времён империалистической войны.

— Здравствуйте! Вам что, товарищи? — спросил Трофим так, будто был хозяином.

Дед отдал честь:

— Да вот мы, как обратили внимание, так сказать, что солдат, мол, идёт, да так и собрались, — начал он. — Видим, что к Тоньке. А у неё ить, у бедолажки-то, шаром покати. Бедняжка она у нас совсем. Вот мы и собрали молочка, налистничиков принесли. Уважь стариков, прими, солдатик!

Женщины протянули ему кувшин и тёплый свёрток:

— Прими, солдатик, от души!

Он поблагодарил, но тут женщины заголосили, он разбил лишь обрывки слов. Не служил ли он с таким-то и не слышал ли о таком-то? Трофим виновато откланивался, благодарил снова и снова, а сам пятился к двери. С трудом распрощался:

— Ух, целая делегация встретила! — сказал он Тоне. Та вошла у печи. Когда подошла, Трофиму на миг показалось, что у неё заплаканные глаза. А может, от огня, кто их женское племя разберёт?

Сидели за столом. Тоня, положив голову на ладони, молчала.

«О чём-то ведь молчит! — думал он, пережёвывая картофельный налистник с пучком лука. Мальчишки тоже были тут, но ничего не трогали.

— Налетай давай, хлопчуны, что чубы повесили? — сказал он.

Тоня дала им что-то со стола, но строго велела бежать к печи.

— Меньшой меня за отца принял, верно? — спросил Трофим. Она кивнула, не глядя. Дверь скрипнула, с улицы похозяйски зашёл кот, недовольно посмотрел на гостя. Вальяжно направился под стол, Трофим почувствовал лёгкое касание пушистого хвоста.

— Разжирел на мышах! — засмеялся Трофим.

Тоня улыбнулась слегка, покраснела. Сказала не сразу:

— Спасибо, что сдержали обещание, я так рада, что вы живы, что вы — здесь, у нас, — она помолчала. — Вы ведь с поезда, домой едете, да?

Он кивнул с набитым ртом, стараясь прожевать быстрее. Неловко как-то — не ждал, что она будет спрашивать.

— А далеко вам до дома?

— Угу, — протянул он, а потом почему-то покачал головой, так что было не понять.

— Рада, рада за вас. Ведь вас ждут родные? У вас всё хорошо?

— Да, конечно, ждут. Все ждут. Родные... Невеста тоже ж поди заждалась.

Он и сам не понял, как и откуда вылетела эта фраза. А вот вылетела и звякнула, как железка. Когда произносил, думал, что шутка должна получиться. Лёгкая такая, для разговора.

Однако закончил жевать, сжал кулаки. Не смешно получилось. Лицо потемнело, по щёкам заходили желваки. Кто ж внутри и за какую такую нитку дёрнул? И понял — сидит там, на дне души, трус, который не может открыто говорить людям правду о том, что остался один. Лучше вот так вот — шуточками вилять. Спиртом в одиночку заливать или ещё как...

Трофим слотнул и вновь ощутил сухость, что донимала в хмельной полудрёме на подъезде к Барановичам. Он откусил от горбушки, и каждая крошка была, как песок, перемешанный с осколками:

— Тятя, тятя! — подбежал меньшой, попросился на колени. Стал шупать, звенеть медалями, радуясь их блеску.

Лицо Тони казалось каменным, неживым. Она не смотрела, ничего не говорила. Потом принялась убирать со стола. Петька, кажется, услышал его слова и потому лёг у печки, отвернулся, хотел казаться спящим. Младший тоже сполз, засеменял ножками по узкому половичку, затих рядом с братом.

Тоня отошла к старому трюмо, долго поправляла платок. В тишине слышались отдалённые звуки вокзала. Они напомнили, что пора возвращаться.

Он взял вещмешок.

«Нелепо, неуклюже всё, нелепо, неуклюже всё» — крутилась мысль у Трофима.

Тоня протянула руку:

— Спасибо большое, что навестили нас, товарищ Волков! Спасибо вам за Победу! — она подбирала слова. — И за то, что на огороде помогли управиться — тоже... Да о чём я! — Девушка подняла глаза. — Я просто хотела сказать, что по-настоящему счастлива, узнав, что вы живы, товарищ Волков! И когда только вы увидите родных, обнимите их! Особенно прошу, обнимите вашу маму за то, что она родила на свет такого замечательного человека, воина! Руки её обязательно расцелуйте! И обязательно скажите, пусть мама знает, что далеко-далеко от ваших родных мест есть такие вот Барановичи, и живёт там Тоня с мальчиками, которые вечно будут ей благодарны за сына! Вечный поклон ей! — голос её задрожал.

— Тоня, Тонечка, не надо, нет, не надо, что вы, — бормотал он. Какие чистые, светлые слова! Но прожигают насквозь так, что бери себя за шкуру и бей, души-калечь отчаянно, как заслужил! Рви и мечи — виноват, трус, самый настоящий трус, лжец и...

Как же он себя ненавидел! Родные, мол, ждут его, мать, невеста... Это ей он наплёл, это ребятишкам, что в углу при-тихли. Им?!

— Спасибо, Тоня, мне пора, — он перекинул через плечо вещмешок. Опомнился, снял. — Какой же я всё-таки, совсем растерял память, у меня же гостинцы! Вот, берите, тут много! Шоколад — сладкий-пресладкий! Из Берлина везу. Трофейный.

Ребята подошли к сестре, встали за спиной, смотрели на стопку плиток молча, безучастно.

«Наверное, и не знают, что это такое, шоколад-то», — подумал Трофим, комкая в руках вещмешок.

— Ну вот, прощайте, ребятки, пора мне, — он спустился с порога и пошёл.

Не оглянувшись.

«Нелепо, неуклюже всё, нелепо, неуклюже всё», — чиркали друг о друга его истоптанные кирзачи.

Тоня взяла младшего на руки, смотрела вслед. Петька тоже провожал молча:

— Что, тятяка уходит, да? А посему? — спросил маленький и заплакал.

«Нелепо, неуклюже всё, нелепо, неуклюже всё».

Всю дорогу до вокзала он смотрел под ноги. Почти никого и не встретил на пути — из шестидесяти тысяч людей, что жили в Барановичах до войны, до победного дня дожили от силы четыре тысячи... Грустное местно, разруха. Только теперь понял до конца: тяжело, как же тут тяжело! Даже воздух тяжёл, ложится на плечи и придавливает к пепельной земле. Или это просто к дождю так умаривает?..

Оставалось только дожидаться, когда же он покинет эти чужие места. Наверняка товарищи разжились спиртом или у кого осталось. Поскорей бы залить душу, а то горит. Нехорошо. Сам себе не мил. Даст бог, скоро отпустит эта боль.

«Нелепо, неуклюже всё, нелепо, неуклюже всё».

И зачем только растеребил душу себе да и ребятам тоже! И особенно Тонечке. Может быть, не всегда стоит выполнять обещания? Лучше уж никак, чем так.

«Какая же я всё-таки скотина», — подумал Трофим, сидя на груди камней, закуривая и глядя на вытянутую цепочку вагонов. Людей много. Вновь веселие, которое он не мог и не хотел разделить. Голоса, шум. Теплушки, почти над каждой какой-нибудь плакат, белым по красному: «Мы — из Берлина!», «Мы волю народа исполнили свято, теперь уезжаем до дому, до хаты!» Вот и гармошки запиликали, гвалт всё громче:

— До дому, до хаты, — прошептал он и раздавил окурок. Опустил глаза — из-за пазухи торчал помятый букетик одуванчиков. Трофим сжал его в кулаке, словно взял за горло.

Поднял глаза — свинцовые тучи плыли на восток, в сторону его далёкого дома. Пустого дома.

— Трофим, ты никак наклюкался, идти не можешь, что ли? Чего это развалился, размяк-раскис, не боец прям, а нарцисс! — попутчик его Иван был навеселе. — Поднимайся, давай помогу тебе запрыгнуть, а там уж отоспишься, братец, оклемаешься. Ну чего ты сопли повесил? С цветочками ещё так сидишь, цыпа...

Он поднял глаза, но посмотрел мимо, вопрошающе. А, может, всё вообще приснилось? Ничего не было. Вообще — это затыжной сон, который просто никак не хочет кончаться. Но вот-вот откроет он глаза дома, и окажется, что мать блинчиков напекла. Отец с братьями с покоса пришли. Молоко на столе. И главное, не было этой проклятой войны.

Трофим не выдержал, зарыдал. С первых дней войны такого не приключалось.

— Ну-ну-ну, чего это ты, товарищ? — его окружили, трогали за плечи. — Вставай-вставай! Он из какого? Кто знает?

— Да я его знаю! Всё хорошо, — голос Ивана слышался, будто в отдалении.

Из последних сил Трофим дал понять, что догонит.
— Я тебя понимаю, у самого ком в горле постоянно, показаться слабым только не хочу. И ты держись, держись! — прошептал его попутчик. — Всё прошли, всё позади, теперь только вперёд, к хорошему! Ты не стесняйся себя!

Иван ловко запрыгнул в теплушку, помахал призывно рукой. Трофим чуть улыбнулся сквозь слёзы, закивал:

— Ты не дури, давай-давай, ведь уже отходим! — он едва слышал в шуме трогаящегося эшелона.

Состав медленно уходил в ту сторону, куда уплывали тучи.

Он снял пилотку, утёр лицо. Начался тихий весенний дождь, капли стучали по плечам, мочили слипшиеся с проседью волосы. Тёплый, хороший такой дождичек. Но его знобило, плечи тряслись. Одуванчики выпали из ослабшей руки.

Вечерело.

Вокруг — ни души, только он, Трофим, его мысли, и дождь.
«Нелепо, неуклюже всё, как же всё...»

— Даяядь! Тять! — Петруша, сутулясь, стоял робко, большой нелепый картуз промок, с козырька капало на щёки. Он тербил довоенный отцовский плащ. — На, возьми!

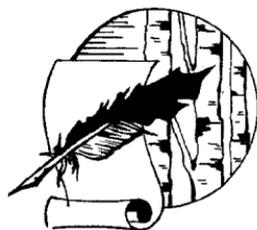
Трофим обернулся — в нескольких шагах, неловко прячась, стояла Тоня с ребёнком на руках, облокотилась на столб, и молчала.

— Мы это, проводить тебя пришли... Но лучше... лучше пойдём домой! Сестра вон, смотри, плачет. Она же... Ведь ты же обещал вернуться! Ты чего это?

— Ничего, — Трофим встал и прижал мальчика, укрыл плащом. Посмотрел на Тоню. Они молчали.

Отзвуки грома уходили на восток. Разрушенный город умывался дождём.

г. Тамбов

Вера ЧАСОВСКИХ

Вера Николаевна Часовских родилась в 1980 году в селе Синие Липяги Воронежской области. Окончила художественно-графическое отделение Бутурлиновского педучилища и до сей поры живёт и работает в этом районном городке. В начале нового века на областном семинаре молодых литераторов Вера удивила собравшихся светлыми, искренними строками стихотворений православной направленности, в которых очень гармонично взаимодействовали автор и мир, созданный поэтом.

Вера Часовских автор двух стихотворных сборников: «Небо у самой травы» (2008 г.) и «Капля горячего воска» (2011 г.). Член Союза писателей России.

О ВОДЕ ЖИВОЙ

* * *

За селом, у клёна, пьёт журавль водицу,
Что на дне колодца всё ещё видна...
Журавель-журавлик, ласковая птица,
На крыле которой плачет старина.

Да, комфортно стало даже в сельском доме,
Как же без комфорта — двадцать первый век.
Только жить не легче, и при первом гrome
Крестится, как прежде, каждый человек.

Вот отключат воду без предупрежденья,
Ни борща не сваришь, ни помоешь рук.
И тогда-то вспомнив, скажешь с сожаленьем:
— Сколько было дивных журавлей вокруг!

Подойду к колодцу — пережитку века,
Зазвонит ведёрко где-то в глубине,
Вспомнится святая древности — Ревекка,
Что когда-то в детстве полюбилась мне.

Как она поила странников, верблюдов,
Лишь потом с кувшином полным шла домой...
И, напившись вдоволь, с ощущеньем чуда
Я всё буду думать о воде живой...

* * *

Раньше, до семнадцатого года,
Жил епископ в нашем городке.
Он ходил пешком, и для народа
Был как птица синяя в руке.

У его подрясника карманы
Вечно выпирали от конфет,
Угощались ими мальчуганы
И девчонки самых разных лет.

А у вдов заботами Владыки
Враз чинились печи и полы.
Проникали солнечные блики
Даже до глубин житейской мглы.

Всем в его душе хватало места,
Равно для купца и простеца,
И по всей округе духовенство
Радовалось, видя в нем отца.

Устремляясь ввысь, как храмов главы,
Будущую русскую беду
Чуял архипастырь величавый...
А уже в семнадцатом году

Увезли его и расстреляли
Там, где только снег да краснотал.
Богоборцы знать того не знали,
Что об этом в детстве он мечтал.

Что не смел, не смел мечтать об этом
В юности и в зрелые года,
Что наполнен был небесным светом
В день последний свой, как никогда.

* * *

Воронеж — Оптина — Воронеж...
Стою, а даль белым-бела,

Стою с поклажей на перроне,
Но разве та я, что была?
И тот ли, тот ли это город?
Какой же свежий воздух в нём!
Как будто с Оптинского бора,
Что на заре горит огнём.
Те, кто кричали — нынче немые,
Кто вниз тянул — взирает ввысь,
Неразрешимые проблемы,
Как тучи в небе, разошлись.
Легко ступать по бездорожью,
Когда с тобой — крылатый страж,
Когда увидишь волю Божью
И ей всего себя предашь.
Слыхала я среди чёрных мантий:
«Ты торопись-то не спеша,
А то и в этой благодати
Не успокоится душа».
Сказал монах в иконной лавке
На монастырском языке:
«Красиво — в вязанной-то шляпке,
Но всё же лучше бы в палатке».
Я вспоминаю по порядку —
Порою всё до мелочей,
И до сих пор на сердце сладко
От целования мощей.
И до сих пор я, как в ладони
У старцев, святость их влечёт...
Воронеж — Оптина — Воронеж
Когда-то будет ли еще?

* * *

Пели соловьи, и пенье их
Через сон звучало тише, тише...
Я спала при храме Всех святых
В маленькой гостинице, на крыше.

Было так на сердце хорошо,
Как лет пять, наверно, не бывало.
Ливнем, что стремительно прошёл,
Почему-то пахло одеяло.

На ветру качаясь у окна,
Ель казалась тенью минотавра...

Но всю ночь мне виделась одна
Троицкая Сергиева Лавра.

И о ней же пели соловьи,
И шептались белые петунии.
Сколько благодати и любви
Мне она дарила накануне!

А рассветный путь мой недалёк:
Сосны, мост, крутые переулки...
Бьёт поклоны каждый стебелёк,
Слыша звон торжественный и гулкий.

Бесконечно радовался взгляд,
По сырой тропе спускаясь ниже,
Что всё это — Сергиев Посад,
И что Лавру я ещё увижу.

ГОРЕ

Не судьба со мною шутит шутку,
Это та же Божия рука,
Что взрастила злак и незабудку,
В море — рыбу, в небе — облака.

Та рука, которая недавно
Так легко спасала от невзгод...
Для меня пока большая тайна:
Почему теперь — наоборот?

Мысли днями носятся кругами,
Да и дни подобны миражу,
Но от горя ватными ногами
Я к иконам всё же подхожу.

* * *

Среди больших снегов, среди пурги,
Когда она летит, подняв свой меч,
Сказала мать: «Здоровье береги»,
Но забывала я его беречь.

И шарф сползал всё так же с головы,
И шубу не спешила застегнуть,

И как тут не признать: увы, увы,
Сама сложнее делала свой путь.

Под куполом церквей, где благодать
Сияет и горит огнями свеч,
«Ты душу береги», — сказала мать,
Напоминала: как её беречь.

И не могла я слов её забыть,
Когда волками выли страсти все.
И с этим было мне чудесно жить
На светлой и на тёмной полосе.

* * *

Ни по грибы, ни по ягоды вовсе
Я собираюсь — по травы...
До остановки конечной довозят,
Дальше — хоть влево, хоть вправо.

Рано проснулись душистые склоны,
Дремлет лесок неглубокий...
Ждёт меня клевер, раскинув бутоны,
Скромный чабрец синеокий.

Росы, как капли с паленовской кисти,
Только сегодня их мало.
— Тысячелистник, да я твои листья
Все и давно сосчитала!

Вон и душица — лиловое чудо,
К ней устремляются ноги.
— Ах, подорожник, я знаю, ты всюду,
Не у одной у дороги!

Это щебечет племянница рядом,
Пляшут в глазах её блики,
Вместо косыночки впору к нарядам
Пышный веночек земляники.

К зелени, сложенной тесно в корзину,
Льнут загорелые лица...
Многоблезненным, в лютую зиму
Будет нам чем подлечиться.

* * *

Юные-юные в травах берёзки,
Частые росы ясны и неброски,
Чувствую света каскад,
Как на Дивеевской дивной канавке!
Вдруг замечаю: по краешкам лавки
Девушка с парнем сидят.

Слишком некстати картина такая,
Села напротив, глаза опуская,
Вспомнить бы их имена...
Этой весной, где-то в самом начале,
В нашей церквушке они обвенчались —
Истинно муж и жена.

Ссора — не ссора... Все тонкости эти!
Явно, причина не в бывшей, не в третьем —
В слове, в движенье руки.
«Радость моя!», — прошепчи ей на ушко,
И проходящая мимо старушка
Скажет про вас: «Голубки».

МЕДОВЫЙ СПАС

Лет пятнадцать уже, каждый год,
Когда августом дышит природа,
Приезжаешь ты к нам на Приход
С трёхлитровыми банками мёда.

С прославлением Творца за дары,
Что усердием собраны летом,
С настроением щедрой поры
И поклоном своим, и приветом.

Восковую свечу теребя,
У янтарного иконостаса
Ты стоишь, и глядят на тебя
Очи — очи Медового Спаса.

Ах, как много они говорят,
Говорят без единого слова,
И становится солнечным взгляд,
Сладость Божию чувствуя снова.

От кропила святой ореол,
Как всегда — на улыбки народа,
На широкий сияющий стол
С трёхлитровыми банками мёда.

Лишь одну увезёшь ты назад...
И знакомым простым прихожанам
Будет видеться тихий твой сад,
Упоённый пчелиным жужжаньем.

А тебе из глухих твоих мест
Будет видеться слава Господня —
Чайной розой увенчанный Крест,
Изнесённый за паперть сегодня.

ПОПЫТКА ОПТИМИЗМА

А осень роскошная в этом году!..
Умеренный ветер — на лица,
И звонче, и радостней в детском саду
Поют перелетные птицы.

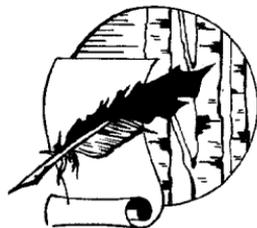
Поют и не слышат мобильников шквал,
Пронзающий лбы и затылки,
Не знают, что с листьями дворник собрал
Окурки, шприцы и бутылки.

Столбы городские — «продай» и «купи»:
Авто, холодильники, дачи...
И куплены в спорте большом игроки,
И даже футбольные матчи.

В политике, судя по жизни, застой,
Да только б не скач оголтелый!
На улице Ленина храм золотой,
На Фридриха Энгельса — белый.

Ещё есть коровы на нашем лугу,
Ещё — плеск воды на асфальте.
И слышно: «Бабуля, я вам помогу.
Давайте ведерко, давайте!»

г. Бутурлиновка Воронежской обл.

Вита ПШЕНИЧНАЯ

Член Союза писателей России с 2004 года. Стихи публиковались в журналах «Слово», «Родная Ладога», «Север», «Наш современник», «Волга. 21 век», «Идель», «День и Ночь», «Дарьял» (Осетия), «Знацы» (Болгария). Автор нескольких поэтических сборников и книги прозы. Победитель и лауреат ряда российских и зарубежных литературных конкурсов. Живёт в Пскове.

ВРЕМЯ ЖИТЬ

* * *

Природы замедлен ритм,
И жизни замедлен бег;
Вот-вот превратятся в снег
Туманы-поводыри.
Под поступь чужих ног,
Под треск неокрепших луж,
Начнёт невидимка-стужь
Свой длительный монолог.
С утра б, когда город тих
Послушать себя, помолчать...
Да вынычнуть, как внучат,
Все дни, как вот этот стих.
Чтоб каждый из них — в цвет.
Чтоб каждый из них — в масть.
Чтоб целого мира — часть
Сплелась из моих лет.
Сплелась и выросла в век —
Узором своим пленя...
Чтоб кто-то, замедлив бег,
Узнал вдруг в себе — меня.

НА СЛИЯНИИ РЕК

В Великой отражаются века,
В Пскову перетекающие плавно,
Давнишнее в них было так недавно,
И поступь Бога, как перо, легка.

Глаза поднимешь — купол-богатырь
Скрывает крест свой за небесной прядью,
Опустишь взгляд — за беспокойной гладью
Душа иной увидит свет и мир.

Оглянешься вокруг — ни взять, ни дать:
Какая даль, и сколько откровений!..
И сотканная из земных мгновений —
Теплом по телу — Божья благодать...

* * *

Надо мной неуклюжая туча виснет,
Заслоня дневной свет.
Я люблю твоё время в моей жизни —
Эту чёртову дюжину лет.
И от счастья такого
То в жар, то в холод
Пробивает на раз-два.
Посмотри, как зарёй горизонт вспорот,
Как в ночи льнёт к земле трава.
Как темнеет небо — вот-вот брызнет,
Освятив весны первоцвет..
Я люблю твоё время в моей жизни —
Эту чёртову дюжину лет!..
Но мы встанем врозь у черты зыбкой,
Сколько ж можно идти след в след?
Что б там ни стряслось, вспоминай с улыбкой
Нашу чёртову дюжину лет.

* * *

Осень — время прощаний и стылой воды по утрам;
Из туманного утра спешит на автобус прохожий,
Куполами целует века восстановленный храм,
Да всё чаще и дольше прохлады елозит по коже.

Осень — бремя потерь, о которых ни сном и ни духом.
Нараспах акварели природа чудит и творит.
Всё, что скажешь в сердцах,
Обрастает немыслимым слухом,
Что укроешь в душе — то однажды отблагодарит.

Я люблю тебя, яркое время невидимых слёз,
И приметы твои я читаю по шороху листьев...
Свет погашен. И звёзды гурьбою спешат на помост —
Как посланцы простых, не всегда понимаемых истин.

МАЛЕНЬКАЯ МОЯ РОДИНА

Пропахла одежда и руки душистой мятой,
На языке чуть с кислинкой привкус чёрной смородины...
Падают солнца лучи сквозь облаков пышную вату,
Озаряя святой лик моей маленькой Родины.

От дороги метров триста звенит озёрная речонка,
Через неё мосток; но настил непрочен, зыбок.
Там Детство бродит — смешная, конопатая девчонка,
Встречающая каждого самой светлой из всех улыбок.

Там в лесу по правую сторону бьёт источник целебный,
Дойти до него непросто сквозь комариную рать.
Там, омывшись, душа за здоровье служит молебны,
Даже если недавно всё внутри готовилось умирать.

Там вдали храм на горе дитём на ладони неба,
А вокруг тропинок — не счесть — все ли будут они
пройдены?

На столе — травяной чай да ломоть чёрного хлеба
Для меня приготовила маленькая моя Родина...

ПРИЧАСТИЕ

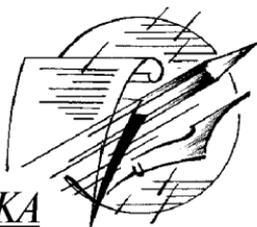
От востока и до самого края запада
Жизни цвета то ослепительны, то не броски.
Я и сейчас не представляю,
как это —
Думать и писать по-маяковски.

ТРЕСКОТНЯ И СЛОВОБЛУДИЕ

Российские СМИ летом этого года хором и радостно сообщили новость: президент РФ Владимир Путин подписал указ об утверждении документа «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации». И указ, и сама «Стратегия» вступили в силу 2 июля.

«Стратегия» приложена к указу — это обширный документ на 43 страницах, включает 106 пунктов (статей). Как отмечают журналисты, над ним работали очень долго в Совете безопасности РФ. Документ уже был готов в мае и ждал утверждения президентом. Он призван заменить предыдущую версию «Стратегии», которая была утверждена президентским указом 31 декабря 2015 года и действовала с 1 января 2016 года.

Видимо, эта новость призвана была вселить в граждан страны чувство уверенности, что они находятся под надежной защитой от разных внешних и внутренних угроз. Люди за последний год утратили душевный покой в связи с разными «пандемиями», «локдаунами», стремительным падением реальных доходов, а главное, с полным отсутствием

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

понимания, куда мы движемся, и нарастающим сомнением в том, что у нас есть хотя бы какое-то подобие национально-го государства.

Увы, никакого чуда не произойдет. Мое знакомство с документом показывает, что из недр бюрократического аппарата родилась еще одна бессмысленная бумага. Впрочем, почему бессмысленная?

Во-первых, чиновники разных аппаратов могли поставить очередную «галочку» в выполнении графика подготовки и утверждения очередного «документа». Конвейер по подготовке таких макулатурных бумаг работает день и ночь все 365 дней в году.

Во-вторых, может быть, найдутся граждане, которые поверят в то, что в России действительно есть «национальная безопасность». Конечно, хотелось бы иметь и «национальную идею», но на первое время хватит и «национальной безопасности».

Документы, подобные «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», достаточно известный жанр. Такие документы разрабатывались и разрабатываются США и другими странами НАТО. Такие документы были в Советском Союзе. Для подобного рода документов важен принцип иерархичности.

Определяется главная угроза национальной безопасности государства, максимум две-три угрозы. Все другие угрозы имеют более низкие уровни. Соответственно, формулируется главная задача по отражению главной угрозы (главных угроз). У военных это называется «определение главного направления ответного удара».

По отношению к главной задаче выстраиваются второй и последующие уровни задач. Из принципа иерархичности (приоритетности) вытекает принцип мобилизации всех ресурсов (людских, материально-технических, финансовых) на направлении главного удара. Ничего этого и близко нет в «Стратегии», принятой 2 июля. Всё равномерно «размазано» на 43 страницах. Перед нами «продукт» «интеллектуальной деятельности» каких-то кремлевских бюрократов в жанре «обо всем и ни о чем». Видимо, авторы этого документа далеки от понимания жанра, равно как и от понимания того, каковы реальные угрозы национальной безопасности России.

Примерно половина текста документа — словесная трескотня, словоблудие, самолюбование несуществующими «достижениями». Чего стоит, например, первый абзац документа:

«1. Последовательно проводимый Российской Федерацией курс на укрепление обороноспособности, внутреннего

единства и политической стабильности, на модернизацию экономики и развитие промышленного потенциала обеспечил укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления».

После такой оценки «достижений» государства в области национальной безопасности возникает вопрос: а зачем нам вообще «Стратегия»?

Авторы «Стратегии» напоминают плохого врача, который пришел к умирающему пациенту. Вместо того чтобы обследовать его, поставить диагноз и назначить программу лечения, такой горе-врач объясняет пациенту, что у него (пациента) всё в порядке. А дальше такой эскулап закатывает пациенту лекцию на 43 страницах о том, что такое здоровый образ жизни. Рассказывает о правильном питании, о необходимости утренней зарядки, о прогулках на свежем воздухе, о правилах личной гигиены и т.д., и т.п.

Просветительская «лекция» нашего «врача» очень обширна и систематична, в ней не забыто ничего. Вот основные разделы «лекции»: «Россия в современном мире: тенденции и возможности», «Национальные интересы Российской Федерации», «Оборона страны», «Государственная и общественная безопасность», «Информационная безопасность», «Экономическая безопасность», «Научно-технологическое развитие», «Экологическая безопасность и рациональное природопользование», «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти», «Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество».

Еще куда бы ни шло, если бы это была программа какого-нибудь вузовского ликбеза по дисциплине «Национальная безопасность». Но это документ, вышедший из недр Совбеза и предназначенный для российских ведомств — Министерства обороны, МИД, СВР, ФСБ и др.

Вот, например, в советское время были документы, которые надо было исполнять как закон, такие как пятилетние и годовые планы развития народного хозяйства. Они содержали очень конкретные показатели и графики. Неисполнения планов карались на всех уровнях управления экономической страны (министерства, главки, производственные объединения, предприятия). А были в СССР еще такие документы, как приветствия партии и правительства советскому народу по случаю 1 мая и 7 ноября. Там были пожелания, адре-

сованные всем — и начальникам, и рядовым гражданам по поводу того, как строить «светлое будущее».

Приветствия к 1 мая и 7 ноября не были обязательными к исполнению. Так вот «Стратегия» по своему духу мне очень напоминает упомянутые приветствия советскому народу. То есть «Стратегия» никого ни к чему не обязывает.

От общих рассуждений по документу перейду к рассмотрению одного из разделов, который называется «Экономическая безопасность». Мне он ближе с профессиональной точки зрения. Начинается он со следующего абзаца: «Мировая экономика переживает период глубокой рецессии. Усиливаются рыночная волатильность, неустойчивость международной финансовой системы, увеличивается разрыв между реальной и виртуальной экономикой. При сохранении высокой экономической взаимозависимости стран и регионов мира замедляются процессы формирования новых международных производственных цепочек и цепочек поставок, снижаются потоки инвестиций. Возрастает роль национальных государств и региональных соглашений в торгово-экономической сфере».

Этот фрагмент да и большая часть раздела мне напоминает речь главного инженера Треухова о международном положении при пуске трамвая из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Как мы знаем, о самом трамвае инженер так ничего и не сказал.

Забалтывается тема реальных угроз российской экономике и в других пунктах раздела. Вот, например, пункт 60: «В условиях продолжающейся структурной перестройки мировой экономики, связанной с изменением технологического фундамента ее развития, все большее значение приобретают человеческий потенциал и экология. Трансформация традиционных рынков товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, появление новых секторов экономики сопровождаются перераспределением ролей и потенциала отдельных стран и регионов мира, формированием новых центров экономического влияния». То есть — продолжение всё той же речи о международном положении, а о «трамвае» (экономической безопасности России) мы опять ничего не узнали.

Удивительным образом авторам документа удалось обойтись без таких понятий, как «экономическая война», «внешние экономические угрозы», «экономическая дестабилизация», «экономические диверсии», «экономическая разведка» и т.п. Во всём документе из 43 страниц лишь однажды встречается слово «санкции» (имеются в виду экономические санкции США и их союзников против России).

О такой мере противодействия внешним угрозам России, как экономическая мобилизация, в документе вообще не упоминается. Зато в пункте 67 дается подробнейший список задач по обеспечению экономической безопасности. Список включает аж 35 задач. Список напоминает реестр всех секторов, отраслей и главных производств, которые пока еще имеются в России.

Всё смешано в одну кучу: тут и семеноводство, и аквакультуры (рыбоводство), и радиоэлектронная промышленность, и «зелёная энергетика», и т.п. И по каждой из 35 позиций одни и те же слова: «увеличить», «повысить», «ускорить развитие», «уделить особое внимание», «совершенствовать», «укрепить», «сократить» (использование доллара США) и т.д.

В принципе подобные «приветствия к 1 мая» за один рабочий день может подготовить любой натренированный на таких документах клерк. Но у нас ведь на дворе цифровизация. И у меня закралась такая мысль: а может быть, не только раздел «Экономическая безопасность», но и весь документ «Стратегия» создан... роботом?

Еще одна версия: а может быть, его подготовили иностранные консультанты? Уж очень не по-русски написаны некоторые фрагменты документа. Используется терминология международных финансовых организаций.

Так, документ пестрит такими словечками, как «низкоуглеродная энергетика», «низкоуглеродные технологии», «мегасейенс» (надо понимать, что речь идет о какой-то меганауке), «зеленая экономика» и т.п. Порой возникает ощущение, что для России самой главной угрозой является... потепление климата на планете. И документ «Стратегия» должен показать «нашим партнерам», что мы разделяем их оценки и приоритеты. Такое ощущение, что речь идет не о мерах обеспечения национальной безопасности России, а об участии России в обеспечении «мировой безопасности» (так, как ее понимают «наши партнеры»).

Авторы документа — люди многоопытные. Их голыми руками не возьмешь. Вы, например, можете их критиковать за то, что в документе не раскрыта такая угроза национальной экономической безопасности России, как иностранный капитал, который захватил контроль над рядом отраслей и производств в нашей стране. Ответ будет следующим: вы не правы, мы об этом написали. Действительно, в пункте 67, где приводится 35 задач, в 33-й задаче значится «усиление контроля за иностранными инвестициями в стратегически значимые сектора российской экономики». Используется метод под названием «Закопать, чтобы никто не

нашел». Такая задача должна стоять на первых местах, но не на 33-м месте.

Или, например, вы станете говорить о том, что стратегия национальной безопасности не может быть без стратегического планирования. И тут ваш упрек авторами документа будет отпарирован. В конце пункта 64 документа вам ткнут пальцем и покажут фразу: «...повышение эффективности стратегического управления экономическим развитием Российской Федерации...» Но эта фраза должна быть если не в начале всего документа, то, по крайней мере, в начале раздела «Экономическая безопасность». Итак, «закопали, чтобы никто не нашел».

Некоторые фразы просто вызывают недоумение. Так, пункт 66 заканчивается следующей фразой: «...создание условий для экономического роста Российской Федерации, темпы которого будут выше мировых».

Это уже напоминает сеанс черной магии: авторы документа призывают какие-то мистические силы, благодаря которым темпы экономического роста России должны быть выше мировых. Пока было все наоборот. За три десятилетия доля России в мировом ВВП неуклонно падала. Так, в 1992 г. доля России в мировом ВВП (рассчитанная по паритету покупательной способности рубля) была равна 4,85%; в прошлом году она уже упала до 3,0%.

А вот еще одна из забавных фраз раздела «Экономическая безопасность»: «...снижение <...> уровня коррупции в предпринимательской среде» (30-я задача). Я считал, что коррупция всегда предполагает наличие двух сторон: представителя бизнеса, дающего взятку, и чиновника, взятку получающего. Оказывается, в представлении авторов документа может быть коррупция без участия чиновников.

А вот еще хорошо запрятанная в документе фраза: «...сокращение вывода финансовых активов за границу». Это в самом конце обширной формулировки 17-й задачи!

И тут не могу не вспомнить, что за несколько дней до подписания указа о «Стратегии» президент Российской Федерации Владимир Путин подписал закон о поправках к федеральному закону о валютном регулировании и валютном контроле. Одним росчерком пера, сделанным 27 июня, была проведена легализация ограбления России. А через несколько дней в силу вступила «Стратегия национальной безопасности». Документ о национальной безопасности есть, а сама национальная безопасность уничтожается одновременно с принятием документа.

БЕГСТВО АМЕРИКИ

Пока американцы драпали из Афганистана, теряя тапки и бронетехнику, в разоренной ими стране разворачивалась подлинная трагедия. Сюжет ее, к сожалению, был хорошо знаком. В период оккупации многие афганцы начали сотрудничать с американскими военными. И все они страшились мести со стороны талибов.

Лишь единицам — вроде назначенного американцами президента страны — удалось умотать на запасной аэродром за границей. Остальные коллаборационисты умоляли американских дипломатов дать им визу, отчаивались, кидались в другие посольства. Однако страны — члены НАТО, годами державшие свой контингент в Афганистане, не дали союзникам ни малейшего шанса на выживание. Они были заняты собой: паковали вещи, жгли документы в посольствах, загружались в самолеты.

Новый акт трагедии разыгрался в аэропорту Кабула. Обезумевшие от ужаса афганцы ломались на взлетно-посадочную полосу, американские военные отстреливались, прикрывая бегство «белых сахибов». Несколько человек были убиты.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Ничего нового в этой истории нет. Точно так же американцы бежали из Сайгона. Работавшие на них южные вьетнамцы тогда толпами штурмовали американское посольство, вплювь бросались за уходящими американскими транспортами: так страшно им было оставаться на родине и давать ответ за свои преступления, совершенные по приказу оккупантов.

С пугающей регулярностью от рук партизан гибнут сегодня военные переводчики и переводчицы, работающие на американцев в Ираке. Зачастую человек начинает получать угрозы, просит помочь с американской визой, однако ему, натурально, отказывают. Вскоре коллаборациониста находят расстрелянным — иногда вместе с родными и близкими. Уже сейчас счет убитым в Ираке идет на тысячи. Страшно представить, что будет с этими бедолагами зимой, после анонсированного вывода американских войск из Ирака.

Даже американские военные, не самые сентиментальные люди на свете, просили свое правительство проявить хоть чуть-чуть человечности и помочь сотрудникам, работающим на них в оккупированных странах. Но нет, политика Штатов остается неизменной — постоянное и демонстративное предательство доверившихся.

Судьба американских коллаборационистов, как видим, печальна. Почему же ряды их никак не редеют? Зачем люди в самых разных странах мира идут на эту грязную и опасную работу? Причем не только в нищем Афганистане, но и в когда-то благополучной советской Прибалтике?

Тут дело в том, что будущие полицаи выращиваются американским режимом по всему миру, так сказать, в три этапа. Сначала это просто приверженцы прогрессивной глобальной повестки. Активисты, борцы за всё хорошее против всего плохого. Часть из них в какой-то момент осознает, что главным врагом прогресса является — внезапно — их собственная страна и населяющий ее, сугубо неправильный народ.

На этом этапе светлоликий активист пытается выписаться из своего народа. Он продолжает нести актуальную повестку, сортировать мусор и пить свой веганский латте, однако он всё больше заकुкливается в узкой тусовке. И одновременно чувствует свою принадлежность к касте светлоликих сверхлюдей, которые живут сегодня в сотнях мегаполисов, от Найроби до Пекина, от Буэнос-Айреса до Москвы.

Но годы идут, активист стареет, вокруг ничего не меняется. Страна всё та же, неправильная, народ всё тот же, неправильный, а он тут такой сверхчеловек, весь в белом.

И вот у активиста рождаются мстительные мечты о том, как в его страну зайдут наконец-то правильные демократы

из главной Демократии, от души отдемократизируют всё, что движется, а его, активиста, назначат гауляйтером над неправильным народом. Ну или хотя бы полицаем на подхвате. Начнет он получать хорошую зарплату в долларах и укрощать подведомственное население.

У полицаем с постсоветского пространства мечты эти проигрываются в двух сериях. В первой — прогрессоры при помощи американских военных расправляются со своим неправильным населением. Во второй — идут на Москву.

В таких фантазиях многие наши современники живут десятилетиями. Мстительность, завистливость, мечта о хозяине — это первичные признаки лузера. Однако лузерство — это состояние мозга, а не кошелек. Среди латентных полицаем множество мажоров и рантье, зачастую это небедные и успешные граждане.

Так внутри страны — пока еще независимой и неотдемократизированной — выращивается целая страта людей, которые при случае счастливы будут сдать свою родину оккупантам даже не для получения неких ништяков, а просто чтобы покуражиться над своими соотечественниками.

Все эти процессы в химически чистом виде протекали на наших глазах на Украине, в Грузии, в странах Прибалтики. Да что далеко ходить? В свое время общественность так возмутил казус «Коли из Уренгоя» именно потому, что здесь очень наглядно был виден процесс превращения хорошего русского мальчика в будущего полицая. Из Кибальчиша в Плохиса, быстро и недорого — за поездку в Германию всего лишь.

Время от времени американцы в очередной раз кидают своих союзников: не приходят на помощь в военных конфликтах, к примеру. Возьмите грузин в 2008-м или курдов в 2019-м. Что ж, союзники гибнут. Но на смену им идут новые — прямо как лемминги на суицид.

Снедаемые страстью выписаться из своего народа, эти граждане не понимают — вернее, не хотят, боятся понять одну простую вещь. Они могут сколько угодно считать себя космополитами, нон-стоп кричать самые правильные кричалки и называть свою родину исключительно «эта страна». Шерифа эти выкрики индейцев совершенно не волнуют.

Для американцев они остаются категорически чуждыми дикарями — иногда опасными, с «калашниковым», иногда забавными — с вышиванками и кастрюлями на головах. Никакой веганский латте и оксфордский прононс не заставят западных контрагентов признать полицаем равными партнерами. Если понадобится, их будут уничтожать с та-

ким же равнодушием, как и прочее население, и сладут с особым цинизмом.

«Но погодите, ведь мы как бы в Европе. Это же не Ирак какой-то, к нам особое отношение», думают несостоявшиеся полицаи. Но, увы, американцев не волнуют такие мелочи. Припомните судьбу Югославии. Американские бомбы, падавшие на европейскую столицу — Белград, убивали равно и сторонников Милошевича, и фанатов «западных ценностей». В бомбоубежищах одинаково тряслись от страха и старые коммунисты, и молодые глобалисты. Прогрессивная повестка никогда не спасала своих адептов от гнева белых господ.

Глядя на то, что творится в Афганистане, как-то затрепетали, заволновались элиты на Украине и в Прибалтике. Позвольте, получается, что американцы могут уйти? Ну как бы да. Украина без газопровода стала чемоданом без ручки. У прибалтийских тигров, кроме долгов, нет ничего. Зачем они, собственно, американцам? Как военные плацдармы против России? Но, похоже, партнеры осознали, что это дело безнадежное и безумное. И да, они в любой момент могут уйти, оставив за собой руины, депрессию и голимую нищету.

Полицаи, так мечтавшие проехать по Красной площади на американских танках, обломались и перепугались. Верхушка, понятно, заготовила для себя уютненькие запасные аэродромы. А вот низшим чинам оккупационной администрации предстоит, видимо, вернуться в реальность.

Россия как цивилизационный центр постсоветского пространства позаботится о том, чтобы этот процесс прошел мягко и относительно безболезненно. А утешением за разбитые мечты станет то, что без американцев жизнь на лимитрофных территориях пойдет куда лучше. Хуже всё равно уже будет некуда.

ДВА РАССКАЗА

ЗНАМЯ

Уважаемый всеми фронтовик-сталинградец, а ныне завхоз конно-спортивной школы в областном центре Григорий Иванович Хохлов, редко делился своими воспоминаниями о войне. Видно, сами эти воспоминания были невероятно тяжелы и кроме боли, давящей за грудиной, мало что вызывали. Но иногда они накатывали и подолгу не отпускали, как сегодня, к примеру. «В Сталинграде был, конечно, ад крошечный, — думалось ему, — а всё ж было кое-где и пострашнее». В Сталинграде он знал, что рядом друзья, слева, справа, пусть поредевшие, зато невероятной стойкости соседние роты. Есть командиры, научившиеся за полтора года войны воевать, отдавать толковые, выполнимые приказы. Была, ежеминутная вероятность смерти, но и сама гибель была не бессмысленной. Оправданной, если хотите. Имела цену свою — за тот вон этаж полуразрушенного дома, за более выгодную позицию в развороченных бомбами и снарядами заводских цехах, за выручку десятка бойцов, отрезанных немцами от

ПРОЗА

своих, за эту тонюсенькую полоску приволжской земли, за которой жизни для защитников Сталинграда уже не существовало.

До всего этого у него был май и июнь сорок второго. Было Барвенково. Называли и называют это место и события, с ним связанные, по разному: «Барвенковский выступ» или «Барвенковский плацдарм», «Барвенковский котел» или «Барвенковская катастрофа». Как ни назови, всё правильно, всё в точку. Именно с Барвенковского плацдарма они начали наступление. Именно отсюда, вгрызаясь в немецкую оборону, без должной артиллерийской и воздушной поддержки, поливая кровью пехоты меловые горы и непросохшие к середине мая степные балки, они шли вперед. Целью наступления был Харьков и он уже был виден без биноклей, когда поступил приказ остановиться и вернуться к исходным рубежам. Не только такие, как помкомвзвода сержант Хохлов, но и большинство офицеров не знали, что к тому времени немцы сходящими ударами с севера и юга отрезали Барвенковский выступ у основания и всё ту же стягивали котел окружения.

Григорию Ивановичу до самой смерти не забыть, как на площади всего в 15 квадратных километров скопилось несколько сотен тысяч бойцов и командиров, огромное количество техники, вооружения, конского поголовья. Разве забудешь, как потерявшая всякое управление масса войск, беспорядочно металась на этом пятачке под непрекращающимся обстрелом из всех видов оружия с, казалось, навсегда зависшей над головами вражеской авиацией, безуспешно пытаясь вырваться из этого кипящего котла. Несколько дней длилось это беспощадное истребление.

При одном воспоминании от всего пережитого, всего увиденного, мертвело внутри, сердце бухало неровными болезненными ударами, не хватало воздуха, чтоб дышать. Всю полноту безграничного мужества и самопожертвования видел он на том пятачке, всю полноту человеческой слабости, трусости и предательства он тоже видел. Он видел генералов которые, отчаявшись навести порядок, двигались с примкнутым штыком впереди бойцов в последнюю атаку. Победивших старших офицеров, приказывающих своим подразделениям сложить оружие и сдаться на милость врагу, он тоже видел. Ему не забыть того седого полковника, который, не обращая внимания на вышестоящее начальство, взял ответственность на себя. Он стоял во весь рост, не кланяясь пулям и осколкам, и твердо отдавал приказы, которые, несмотря на неразбериху, безукоснительно исполнялись. Вокруг него со-

бралось ядро солдат и офицеров, в большинстве из других частей, которое за считанные часы обросло тысячами поверивших в него, подчинившихся его железной воле. Таких военачальников было немало, и именно им удалось с боями вырваться из этого ада и спасти хотя бы часть людей.

Ему не забыть своего командира полка, с безумными глазами и грязной пеной в углах кривившегося в беззвучном крике рта пытавшегося остановить панически отступавших бойцов. Меняя обоймы в своем ТТ, он стрелял и стрелял в них, редко промахиваясь. Это были солдаты, всего неделю назад перед наступлением прибывшие на пополнение его батальонов. Еще тогда Хохлов поразился, что это были совершенно не обученные, не прошедшие даже недельный курс молодого бойца вчерашние школьники, колхозники, студенты.

— Дядя Григорий, спаси, не бросай, — размазывая по грязным щекам слёзы, скулил один из этого пополнения, боец его взвода Свирилин Ваня. Свирепо взглянув на него, Григорий неожиданно для себя смягчился. «Даже обращаться к старшему по званию не обучили, назвал, как какого-нибудь бригадира в родном колхозе».

— Ладно, племянничек, рядом держись и винтовку не бросай. Прорвемся, как пить дать, прорвемся. Оглядимся вот только.

Он не был новичком на войне, почти год уже воевал, потому и понял, что дела плохи — хуже некуда. Он озирался по сторонам, ища спасения в этом хаосе огня и смерти, и не находил его. Примерно через час они с Ваней наткнулись на седого полковника. Хохлов доложил, что они двое уцелели от своей роты и о том, что он ждет дальнейших указаний. Полковник вперил в него свой взгляд, взгляд глаза в глаза, взгляд оценивающий и внимательный. Чего он рассматривал в глазах сержанта, осталось загадкой. Главное, он не увидел там безысходности и панического страха.

— Сержант, соберите с десятков бойцов, слить весь бензин, который только найдете с разбитых машин, в эти четыре полуторки, о выполнении доложить.

— Есть, — спокойно ответил Григорий и без излишней, которая чаще бывает показной, торопливости принялся выполнять приказ.

— Сержант, загружай в эти машины бойцов с оружием и не раненых. Будешь двигаться слева от основной колонны, за безопасность слева несешь ответственность. Что с того, что имеются офицеры, мы сейчас все подравнялись в званиях и должностях. Кто этого не понял, с нами не по пути. Ты

лично мною назначен старшим бокового дозора. Выполняйте, сержант, через полчаса выступаем.

...Седой полковник всё-таки вывел их из котла. Построив до десятка тысяч бойцов и командиров клином, где острием служили два уцелевших танка и броневичок погибшего командарма, две батареи сорокапятков, а по бокам отряды автоматчиков на автомобилях. Федотов (фамилию полковника Хохлов запомнит на всю жизнь) предпримет прорыв, казалось бы, на самом крепком участке фашистского фронта. Только безумец был способен на это. Федотов безумцем не был. Немцы ожидали возможных прорывов с нашей стороны, но только не здесь, где у них скопилось большое количество войск, техники и штабов различного уровня.

Придя в себя, немцы начали с двух сторон, в упор, буквально насквозь прошивать рвущиеся к свободе колонны русских из всех видов оружия. Сгорели танки и броневичок, было разбито большинство машин и орудий, полоса прорыва была устелена телами убитых и раненых. Эту шевелящуюся, стонущую, истекающую кровью полосу немцы дважды засыпят минами, перепашут снарядами, и она смолкнет. Они отведут войска и обустроят их в менее подходящем месте, лишь бы не находится рядом с этим, открытым ветрам, дождям и солнцу гигантским кладбищем.

Окружение немцев прорвали, а вот советского фронта не нашли. Его попросту не было. Была сухая, несмотря на июнь, голая степь. Без леса, без кустика, с редкими безлюдными казачьими хуторами. Единственным спасением от нависших над колоннами немецких пикировщиков служили овраги.

Федотов доведет их до Оскола, и при огневой поддержке советских частей с левого берега организует переправу. Самого же, неоднократно раненого, истекшего кровью, схоронят на правом берегу в буреаке остававшиеся с ним до конца Хохлов и Свирелин.

Сейчас они шли вдвоем безводной степью, держась строго на восход солнца, бесконечно усталые, голодные, пытаюсь утолить жажду в редких солончаковых болотцах. Соленая, дурно пахнувшая вода, не утоляла, а делала её ещё более неперпимой.

Они держались оврагов, в которых укрывались от хозяйничавших в степи немецких самолетов и мотоциклистов. Григорий коротко бросил взгляд на Ивана, загребавшего усталыми ногами степную пыль, и в который раз подумал, что не зря взял неделю назад этого скулящего, обмеревшего от страха юнца под свою опеку. За время бесперывных обстрелов и

бомбежек, атак и контратак, доходивших до рукопашных схваток, Иван почернел лицом, взгляд ушел куда-то вглубь, злость, а порой и отчаяние плескалась в его угольно черных глазах. Весь он превратился в сжатую пружину, готовый в любой момент, взметнуться, схватиться с любым противником, пулей, штыком, зубами отстаять свое право на жизнь.

«Хочет выжить, во что бы то ни стало выжить, — думалось Григорию, — А ты? Сам неужто не хочешь?» Душа, обугленная от всего пережитого, ум, отказывающийся воспринять и осознать весь масштаб разыгравшейся трагедии, не находили ответа.

«А в целом держится неплохо. И в прорыве вёл себя прилично, стрелял, пока не кончились патроны в тяжелой для него винтовке, стрелял осмысленно и даже пытался целиться, положив её на борт полуторки. И седого полковника не бросил, хотя сил уже не было тащить его вдвоем на плащпалатке». Вчера, правда, повел себя для Григория неожиданно до конца непонятно. Немецкие мотоциклисты, окружив овраг, прочесали его пулеметными очередями, затем на ломаном русском предложили сдаться всем уцелевшим. Знать, не одни они укрылись здесь: из разных концов оврага поднимались наши бойцы и начинали карабкаться на крутой песчаный откос, вверху которого гоготали немцы. И тут Григорий почувствовал, что лежавший с ним рядом Свирилин тоже начал подыматься.

— Лежать! Лежать, говорю, — и тяжелой лапищей Григорий придавил голову Ивана к земле.

— Чо лежать, чо лежать? Перестреляют всех, кто не вышел, конец тогда, совсем конец.

— Заткнись, не то сам удавлю.

Григорий наблюдал из своего укрытия, как немцы встретили поднявшихся на крутояр красноармейцев, тычками сбили их в кучу и начали что-то громко обсуждать, затем горланно пролаял что-то старший среди них, и они разом умолкли. Двое сели в мотоцикл с коляской и, развернувшись, равнодушно, как при какой-то обыденной работе, дали длинную очередь по красноармейцам. Все семеро, надломившись, пали наземь.

Даже убирать их немцы не стали, так на крутояре и оставили, сели в мотоциклы и укатили в бескрайнюю степь. «Видно, решили, что тащиться с этими пленными до сборного пункта по выжженной степи себе дороже. Да и улов невелик, всего семь солдат».

— Смотри, смотри, сучий потрох, смотри и в следующий раз всегда вспоминай, — твердил он в злобе Ивану, когда они

одной лопатой и каской отрывали на крутояре могилку тем семерым.

На расстрелянные, видимо с воздуха, три штабные машины, они наткнулись на следующий день под вечер. Штабная «эмка» с мертвым генералом-артиллеристом и два грузовика были изрешечены пулями и осколками, сухой ветер разносил по степи листки каких-то штабных документов и сладковато-приторный запах от начавшихся разлагаться трупов. «Дня три назад, должно, попали под немецкую бомбежку. И ни одного живого или раненого. Может, оставшиеся в живых ушли. Сволочи, коли так». Григорий узнал рядом с водителем одного из грузовиков командира своего полка. Того самого, пытавшегося остановить бегущих в панике бойцов и стрелявшего в них. А в кузове среди ненужного теперь военного хлама и мертвых бойцов — зачехленное знамя полка на выструганном, отполированном годами древке.

Иван безропотно принялся долбить для могилы неподатливый каменистый суглинок, Григорий вскоре присоединился к нему. На захоронение потратили весь вечер, короткую июньскую ночь и остаток собственных сил. Не восстановили их и съеденная чудом уцелевшая в кузове банка тушеной каши и протухшая вода из канистры в «эмке».

Утром, едва забрезжило, Григорий стянул с древка полковое знамя и после неудавшейся попытки втолкнуть его в противогазную сумку начал стягивать гимнастерку, чтобы обмотаться им.

Свирелин смотрел широко распахнутыми, словно вылезшими из глубины орбит угольными глазами на манипуляции Хохлова. Голосом полным страха и неожиданной решимости отчаянно зашипел: «Не смей! Не смей брать это!» Хохлов сначала даже не понял, о чем он. А Иван подступился вплотную, вцепился в алую бархатистую ткань мертвой хваткой.

— Не смей, говорю! Оставь! Ты что, погубить нас решил? Смерть верная, коли к немцам попадем! Да отдай же, наконец! Дурак! Идиот! Всё в героев играешь.

Опешивший Григорий даже слово вставить не мог в этот захлебывающийся словами, пронизанный страхом крик. Он продолжал крепко держать край полотнища. Свирелин, откуда сила взялась, едва не выдрал его из рук Хохлова.

— Всё в героев играешь! А они там под Барвенковым все остались, а генералы, комиссары, что нас в это пекло послали, далеко на востоке, новые сражения разрабатывают. И эти, которых мы только что схоронили, тоже впереди всех драпали, войска бросили. Стратеги, мать их... Чего ты мне пол-

ковником Федотовым тычешь, таких, как он, единицы, и они, как и мы, всего лишь мясо пушечное. А я не желаю, не желаю дохнуть из за этого куска материи, не хочу! И тебе не позволю!

— Ах, вон ты запел как? Никак к немцам собрался? Шкуру спасти? — Григорий всё больше накалялся.

— Никуда я не собрался, а исключать и такой поворот дел не приходится.

— Заткнись, паскуда, покуда я тебя лично не прибил тут, — он рывком вырвал знамя и толкнул Ивана в грудь. Тот едва не упал.

— А что, Григорий Иванович?! А и вправду, чего церемониться, у тебя в автомате ещё с десятков патронов имеется — потрать на друга! Потрать! Вот уж будешь героем настоящим. Ну? Чего ж ты? Давай, тем более у меня в винтовке ни одного патрона, да и были бы — духу не хватит у меня. Ну, не герой я, слышишь! Не герой и всё! Уродился, видать, таким! Я жить, понимаешь, просто жить хочу.

— Уйди! Уйди от греха подальше, — Григорий медленно опустил ствол автомата. — Сволочь ты последняя! Уйди и на глаза мне не попадайся больше.

— Ну и уйди! — Иван подхватил шинельную скатку, длинную, не по росту, винтовку и, набычившись, зашагал куда-то в сторону.

Ошеломленный, Григорий присел прямо на землю. Внутри клокотало. И с этим человеком он воюет уже много дней, таких дней, что годам порой равны. С ним укрывались одной шинелью, делились последним сухарем и что ещё важнее — последней горстью патронов. Как мог он не разглядеть, проглядеть эту червоточину в человеке, которого ещё полчаса назад считал своим верным другом. И лишь где-то в самом дальнем уголке сознания едва-едва шелохнулась мысль: «А ить силы человечьи то ж не без пределу! И гранит-камень, бывает, пополам трескается. А тут война такая!» Шелохнулась мысль и примолкла, уступив место негодованию, раздражению и неприязни.

Он шел уже третьи сутки. Нет, уже не шел, медленно брел, загребая порвавшимися сапогами горькую пыль. Порою, впадая в забытье, он падал в эту горячую полынную землю, а очнувшись, тяжело поднимался, чтобы сделать ещё сотню-другую шагов. Входя на очередную возвышенность, он оглядывался кругом, но ни малейшего признака жизни, ни одной живой души не находили его глаза. Душу сковывал страх именно от этого безлюдья. Казалось, что попал он в какую-

то далекую неведомую землю, где нет войны, нет людей, вообще ничего нет. Есть только он, эта полынная степь без конца и края и безжалостное солнце. Даже немецким мотоциклистам или самолетам он, казалось, обрадовался бы сейчас больше, чем этому безлюдью и безмолвию.

Одновременно Григорий затылком чувствовал, что он не один. Однажды поднявшись на очередной увал, даже увидел его, устало бредущего далеко сзади. Если для Хохлова ориентиром служило встающее поутру на востоке солнце, то для Свирелина, видимо, фигурка Григория в паре километров впереди. Попытался выругаться матерно, вновь озлиться в душе, но даже на это не хватало сил, и Григорий в очередной раз заставил себя подняться и двинуться вперед.

В широкий противотанковый ров он угодит уже поздним вечером. Было это так неожиданно, будто земля разверзлась перед ним, и он летит в черную бездну. Свалившись на дно рва, вновь впал в беспамятство. Лежал долго, раскинув руки и прижимаясь щекой к песчаному, прохладному в ночи песку. Порой сознание возвращалось к нему, но он не верил, что оно вернулось, как не верил и невнятным голосам и другим звукам где-то в десятках метров от себя.

Он очнулся от резких автоматных очередей, инстинкт солдата толкнул его, и он судорожно повел руками вокруг, отыскивая оружие. Автомата рядом не было. Солнце поднялось уже высоко и, приподнявшись, он увидел, что ров стал прибежищем не только для него. Слева и справа кучками и в одиночку, лежа и сидя, были запыленные, почерневшие бойцы.

А по гребню рва шел офицер в перетянутой ремнями гимнастерке и три красноармейца-автоматчика.

— Кто такие? Какой части? Где оружие? По паникерам и дезертирам огонь! Звучала короткая очередь и прислонившиеся к стенке рва солдаты в расхристанных гимнастерках сползали безжизненно вниз.

— Кто такой? Почему здесь? Трус! Твоя часть дерется там, — и указал рукой на запад. — Огонь!

— Что ты мямлишь, где винтовка твоя? Фронт стоит в десяти километрах на запад. Стоит, несмотря на то, что ты дезертировал! Огонь!

«Какой фронт? О чём он говорит? Не было там никакого фронта. Не перепрыгнул же я через него», — лихорадочно билась мысль у Григория. А группа по брустверу неуклонно приближалась в его сторону. Поднявшиеся солдаты, среди которых были младшие командиры, оцепенело смотрели на происходящее. Никто не шелохнулся, не предпринял малей-

шей попытки бежать, спастись. Просто стояли и безропотно ждали, когда подойдет их очередь.

— Так, с оружием? Кто старший? — вновь гортанный голос офицера, — живо наверх! Марш строиться, с вами отдельный разговор.

— Так, а ты, толстяк, где оружие, документы выбросил? (Со знаменем под гимнастеркой Григорий, видимо, действительно выглядел толстым.) Хохлов наконец увидел свой автомат, тот лежал на противоположном откосе — видимо, обронил при ночном падении. До него было далеко, да и поздно что-то объяснять. Он судорожно рвал ворот гимнастерки и ремень. Стал стягивать её через голову. Вокруг тела было обмотано знамя. Нет, оно не адело и не выделялось красным пятном. Оно было черным от пота и пыли, от крови, периодически сочившейся, из касательной раны в бок, которую получил ещё при прорыве из котла. Но это было знамя, и не узнать его было невозможно.

— Сержант, быстро наверх! Какой части?

— Помкомвзвода третьего батальона 429 стрелкового... Сержант Хохлов... Знамя это... полка нашего...

— Этот боец с вами?

Тут только Григорий увидел в пяти шагах, пытавшегося подняться на ноги Ивана Свирелина. Если бы увидел в его угольно-черных глазах страх и мольбу о пощаде, Григорий, наверное, не «признал» бы его. В глазах он увидел несвойственную Свирелину горделивую обреченность, готовность принять, как должное, то, что через мгновение станет последней безжалостной точкой в его короткой жизни. Может, поэтому Григорий неожиданно для самого себя произнесет:

— Со мной... Соседней роты боец, — и двинулся наверх, но не к офицеру, а к своему автомату на скате противотанкового рва.

В ГОСПИТАЛЕ

Фрагмент повести «Лёшка Урюпин — мой друг»

Сентябрь 1943 г.

Угадал Урюпин: на правом берегу Днепра, в полосе наступления дивизии их батальон оказался в числе первых. Угадал только в этом. Здесь его догадливость закончилась. Сейчас, лежа на провонявшей мочой и карболкой койке прифронтового госпиталя, он вспоминал ту неширокую днепровскую отмель, в которую они отчаянно вцепились. Они держались, осознавая, что на этот раз полягут все. Они были

смертны и их убивали. Их можно было убить всех, но не было силы, способной спихнуть с этого пятачка. Они потеряли счет многочасовым немецким бомбежкам, артобстрелам, когда каждый метр их пятачка был усеян металлом. От пороховой вони раздирало легкие, зазубренные осколки немецких мин и снарядов рвали одежду, кровянили руки, локти, колени. Простреленная Лешкина кисть, наспех замотанная грязным тряпьем, воспалилась, тупо ныла, в коротких промежутках между немецкими налетами и атаками он прижимал её к груди и баюкал словно ребенка.

Они были первыми, точнее — одними из первых. Дрались героически, чего уж там скромничать. К Герою представлен был лишь один — их командир роты, к сожалению, посмертно. «Долгожитель», по военным меркам, на должности ротного, лейтенант Талызин командовал ими целых три месяца. Трескучие фразы о том, что любил солдат и берёг их, не для его характеристики. Трусом не был, это точно. А ещё поровну разделяя с ними и окопно-походную жизнь и допьяк свой офицерский. Перед тем, как поднять их в последнюю контратаку, внимательно оглядел сгрудившихся возле него бойцов, сказал осипшим голосом: «Ну что, кажется, братцы, вот он, наш «последний и решительный». Держаться вместе, раненых не бросать. Дед, если что — за меня останешься».

К лейтенанту ползли раненые. С простреленными ногами Суроваткин просил с предыханием: «Лейтенант, прикажи, чтобы меня на плащпалатке... к бугорку вон тому... и «дегтярь» чтобы... я смогу...» Боец, из-за потемневших бинтов которого смотрел единственный колючий злой глаз, просил умоляюще, словно хлеба христорадничал: «Дай, будь человеком, дай пару гранат всего, сам видишь, отстрелял я своё...» Урюпин, руку которого безобразно разнесло, неловко пытался примкнуть одной рукой штык. Невыносимая, дергающая боль, отдавалась в голове, туманя временами сознание. Не страх, а приподнятая отчаянность владела сейчас им. Он оглянулся на остальных и понял: невидимую черту переступили все, и у всех — только лютая решимость вот сейчас, именно сейчас подняться и вбить, вколотить в сырую приднепровскую землю тех, кто пришел войной на этот берег.

Дед Серёга после гибели Талызина принял остатки роты, затем командовал теми, кто остался в живых от батальона и был представлен к званию Героя. В вышестоящих штабах вспомнили, что новоиспеченный комбат — в прошлом капитан-лейтенант Северного флота, в прошлом зека, напросившийся из лагеря на фронт, в прошлом боец штрафбата. Не обошли вниманием, наградили медалью «За отвагу» и повы-

силы в должности от рядового бойца до командира стрелкового отделения.

Сердце тоскливо зануло: «Где ты теперь, дед? Шагаешь, поди, месишь осеннюю непролазную грязь, наверное, за Киевом уже? А может, привалившись к сырой стенке окопа, вглядываешься своими серыми теплыми глазами в лица молодых пацанов из пополнения, учишь, как жить на войне и как на ней выживать? О ком сегодня ты говоришь со значением — «мой друг»?

«А друзья твои, дед Серёга, ныне в госпитале, дрыхнут почём зря», — продолжал мысленный разговор со старшим товарищем Лешка. «Семён Суроваткин вон в соседней палате лежит. Постояльцев этой палаты «химиками» зовут, потому что у них на стене таблица Менделеева висит. Что за таблица, сам я до недавнего времени не знал, но разъяснили люди образованные, из сопалатников: был де такой ученый, шибко умный, вещества разные в колбочках смешивал. А нас «писателями» зовут, у нас на всех стенах великие писатели висят в рамочках. Ну, этих-то я знаю. Не всех, правда. На то, что нас «писателями», а чаще «писака́ми» зовут, мы не обижаемся. Как тут обижаться, если на всю палату из восемнадцати душ я один ходячий, остальные все «в утку» ходят. А то ведь что ещё удумали, пронумеровали палаты, как ты понял, бывшие классы в школе, и на нашу палату номер 13 выпал. Я, дед, признаться, уже третий раз этот номер на двери втихара стираю. Ребята просят, как откажешь».

«Ну, так вот, докладую тебе, дед, про Семёна. В том бою, ты помнить должен, надежно он нас прикрыл с «дегтярём», только вторично ранен был и через пару часов отправлен с очередной партией на правый берег. Ранен был в самую что ни на есть незащищенную часть пулеметчика, в задницу, стало быть. Срезало ему осколком часть ягодицы, чистенько так срезало, словно верхнюю корку с арбуза. Но поправляется он быстро, шкандыбают уже по коридору, костылями гремит. Да чо я тебе говорю, сам знаешь, Семён у нас парень кряжистый. Приковылял вчера, в коридор вызвал, глаза эдак в пол опустил и виновато так просит: «Лёшь, а Лёшь, не сочти за труд, взгляни, чо там у мене сзади, порядок, али нет?» Ты, дед, знаешь, в бою он иной раз так разорется, таким забористым матом крыть начнет, немцы во вторых траншеях слышат, а тут такой ласковый и просящий. Стянул, значит, кальсоны и показывает мне это произведение. Я давлюсь смехом, рассматриваю и ему докладываю, что всё в порядке полным, хоть на выставку достижений народного хозяйства. А какая там достиженья? Одна ягодица вполовину меньше, сукко-

жила вся и доктор, видать, попался иль молодой иль спирту хлебнувший, края кожи стянул и такой шов сотворил, что стежки, словно пьяные, вкривь и вкось, друг за дружки заплетаются.

Суроваткин кальсоны натянул и шипит: «Ещё друг называется? К нему с просьбой деликатной, а он скалитесь!» Пообмяк потом, когда у окошка закурили и говорит: «Да хрен с ней, с задницей этой! Она и нужна-то только, чтобы сидеть на ней. Мы ж, Леха, не танкисты, не летчики какие-нибудь. Мы за пулеметом на брюхе лежим, на кой ляд нам задница?»

Февраль 1944 г.

Урюпин и Суроваткин тряслись в попутной полуторке, которая везла их в сторону передовой, и чувствовали себя вполне счастливыми людьми. Ещё бы не радоваться! Были благодарны армейскому начальству, настоявшему отправлять в глубокий тыл только тяжелораненых, а таких, как Лешка и Семен, оставлять в прифронтовых госпиталях в полосе наступления армии. Это была мечта большинства излечивающихся бойцов попасть из госпиталя в родную часть, а не на переформирование и в маршевую роту. Были благодарны старшему лейтенанту, артиллеристу с соседнего полка, взявшему их на эту полуторку. Укрывшись брезентом, притулились между снарядами ящиками и задним бортом, молчали, каждый думая о своем.

Урюпин вспоминал госпиталь и молчаливую, никогда не улыбающуюся медсестру Машу. Лёшкины, на его взгляд, безотказные приемы не произвести впечатления на девушку и завязать с ней более тесное знакомство успеха не имели. И вдруг она сама пригласила его погулять в пришкольном, а теперь пригоспитальном саду.

— Да ты не пыжься так, Алеша. Сама вижу, хороший ты парень, и мысли у тебя не подленькие, — глянула снизу вверх темными усталыми глазами, по рукаву больничного халата погладила. — Знал бы, сколько здесь вас было и сколько ещё будет. И все хорошие, всех пожалеть хочется, рук не достанет обнять всех. Ты вот лучше постарайся уцелеть, выживи для начала. Война кончиться, будет время осмотреться, найти, что на сердце ляжет. Ещё вспоминать будешь, как хорошо гуляли в саду с тобой. А не байки среди солдат будешь травить о том, как переспал с медсестричкой, дурочкой доступной.

Потом они ещё не раз гуляли в саду, Лёшка, сам удивляясь, рассказал о себе кажется всё, даже то, что и вряд ли следовало. Она больше молчала и лишь порой кроткая улыбка трогала рот и теплели глаза. Отдельных сопалатников, пы-

тавшихся с нескрываемым интересом и завистью узнать подробности их отношений, Лешка после первой же встречи осадил таким глупым рыком, что навсегда отбил охоту обсуждать данную тему.

Суроваткин, прознавший от друга о характере их встреч, заметил коротко: «Хорошая девушка, не обижай...»

Вспомнились доктора госпиталя, главный хирург и лечащий. Главный, Осип Семенович, с волнистой, зачесанной назад шевелюрой, крючковатым носом и маслянистыми глазами, бесспорно свидетельствующими о его израилевых корнях, имел вполне русскую фамилию Максимов. Внимательно осмотрев изуродованную нагноениями, мерзко пахнущую руку, он только сказал лечащему: «Не затягивайте, Виктор Петрович, не затягивайте. Здесь всё ясно. Я ещё удивляюсь, как гангрена до сих пор не охватила всю руку. Парень гниет живо, не ампутируем кисть сегодня, завтра потеряем бойца».

— Не-а, не согласный я... Я ж молотобоец, мне две руки нужны, не надо резать, — умоляющий Лешкин взгляд переходил от одного доктора к другому.

— Тебе, молотобоец, перво-наперво выжить надо, а уж потом о работе думать.

— Осип Семенович, я бы всё-таки попробовал восстановительную операцию. Разумеется, само проникновение в этот гнойник опасно, но организм у парня крепкий, да и у нас есть на этот счет некоторый опыт.

— Риск осознаете? До экспериментов ли ныне? Впрочем, голубчик, вам виднее, только не затягивайте, счет уже не на часы идет, на минуты.

Операция была длительной и Лёшка, измученный постоянной болью, которая лишь слабо притуплялась выпитым спиртом, частенько впадал в беспамятство. Приходя в себя, скулил и плакал. Именно скулил, а не выл и не орал от нестерпимой боли, которой, казалось, не будет конца. Не мог он громко заявлять о своих страданиях, потому как дал обещание доктору терпеть всё, ради спасения руки.

А в это время, склоняясь над крепко привязанной к столу Лешкиной рукой, над ней колдовал Виктор Петрович. По крупицам заново собирал кисть, очищая от гноя и скверны сохранившиеся косточки, сшивая сухожилия и изъеденные разложением ткани.

Трясаясь в полуторке, Лешка вспомнил всегда строгое лицо доктора с прямым удлинённым носом и вечную сосредоточенность в гугче темных миндалевидных глазах. А ещё раннюю седину на выглядывающих из-под белой шапочки висках. И слова при выписке: «Вот, собственно, и всё, боец Урю-

пин. Руку сохранили, кисть, правда, до конца разгнуться вряд ли будет, но основные функции налицо. Повоюешь ещё. Вожжи в обозе для рук твоих сейчас самое подходящее применение, а там, придет время, и за наковальню станешь, молотобоец ты наш.

— Не-а, в обоз успеем ещё, товарищ военврач третьего ранга, мы пулеметчики.

Не все встречи в госпитале были, однако, приятными. Колочий холодок и жгучую обиду оставила встреча с особистом. Откуда он свалился на Лёшкину голову на вторую неделю пребывания друзей в госпитале, было невдомек, но его красивое, улыбочивое лицо, полноватую фигуру и офицерскую форму с иголочки, он запомнил надолго. Именно с приятной улыбки и душевного голоса началась их беседа. Лейтенант явно располагал к себе, и Лешка рассказал ему всё: и как чуть не умер от страха в ледяной днепровской купели, и как воевал на плацдарме, и как его, порой терявшего сознание, с безобразно распухшей рукой переправляли на левый берег. Как вновь испытал животный страх, когда немцы долбили из орудий, и их паром чудом держался на плаву.

— А теперь я тебе всё расскажу, герой хренов, — зашипел вдруг особист, и его улыбочивое лицо исказила гримаса лютотой злобы и презрения к собеседнику. — В первый же день на том берегу ты прострелил себе руку в надежде шкуру свою спасти. И не пытайся мне врать, я тебя насквозь вижу. У тебя типичное ранение самострела. А на наш берег тебе улизнуть в тот же день не получилось, попросту не на чем было. И это ничего, что с момента самострела время прошло, и теперь — ни следа пороховой гари, ни ожога не заметно. Я в два счета докажу, что ты трус и сам себе руку прострелил!

Лешку пробил пот, он судорожно хватал немым ртом воздух и никак не мог вставить хоть слово в свое оправдание. Неожиданно его взгляд остановился на новом, без единой складочки мундире особиста, и он начал приходить в себя. Одновременно в душе закипала злость к этому чистенькому лейтенанту. Постепенно он почти успокоился, что не скрылось от внимания собеседника, и тот наконец сделал паузу.

— Трус, говорите? А вы сами сходите на тот берег, на отмель ту, поспрашайте там, что да как. Если только в живых кого из нашего батальона найдете. Не видел я там трусов среди ребят наших, и сам, если бы не ранение в первые часы, в воде ещё, оттуда ни за что не ушел бы. Не знаю, каков на том свете ад, не умирал покуда. Только точно знаю, что не страшнее он, чем тот пятачок днепровский.

— Да как ты смеешь! Ты с кем разговариваешь? Да я только вчера с того берега, сам в контратаки ходил! Да я тебя! — лейтенант судорожно расстегнул свой китель, и Лешка увидел аккуратно спеленатую бинтами грудь.

— Извините, товарищ лейтенант, мундир ваш шибко чистый в сомнение ввел. А вы, значит, только с того берега? Как там, держаться наши?

— Ты мне зубы не заговаривай, — понемногу успокаиваясь, заявил особист. — Говори толком, кто может подтвердить, что рану в бою получил?

— Да Семен Суроваткин с палаты химиков, я в его пулеметном расчете вторым номером. Ещё в последней по коридору палате справа связист лежит, Василием зовут, фамилия — Ткаченко. Нас вместе с ним комбат ещё нырять заставил за пулеметом утопленным. Какое там достали?! Там глубина такая, что дна будто вовсе нет и вода холоднющая, аж жуть. Но наныряться до посиневу. С Василием мы в последнюю контратаку рядом шли. Помню, лихо он штыком работал до того, как в него немец чуть ли не в упор стрёльнул. Грудь навылет, а Васька ещё метров двадцать бежал. А как немцев отбили, мне же его и переть до своих окопов пришлось. Васька боров тяжелый, а у меня одна рука тока рабочая, упарился с ним.

— Ладно, разговорился больно. Кругом у тебя одни герои. Разберусь сам, и если соврал хоть на каплю, смотри!

Особист исчез также внезапно, как и появился. С Василием и Семёном, как позднее узнал Урюпин, разговор он имел, но заглянуть после этого к Лёшке не посчитал нужным. Суроваткин, тогда ещё «лежачий», позвал к себе, успокаивал:

— Что поделать, работа у него такая, подозревать всех. Радуйся, что пронесло, кажись.

— Паскудная эта работа. Я что, сам выбирал места для ранений. А он ещё кичится, что лично на плацдарме в атаки ходил? Неужто не стыдно огулом всех в трусы записывать? Перед теми, кто на том берегу poleg, стыдно должно быть!

Лежавший на животе Семен вывернул неловко руку и притянул Лёшкину голову к себе. Зашептал горячо: «Ты заткнешься когда-нибудь или нет? Прикуси язык, тебе говорят, правдоискатель чёртов!»

Суроваткин положил руку на Лёшкино колено и взглядом указал на обочину дороги справа. Огромное, упиравшееся в едва различимые вдаль увалы поле открывалось взору. Поле с рваными остатками нерастаявшего снега, исполосованное танковыми гусеницами, испятнанное большими и малыми воронками, поле хлебороба, ставшее в этот час полем боя.

Жуткую картину недавнего сражения невозможно было охватить одним взглядом, и он скользил от растерзанной, расстрелянной в упор нашей автоколонны из двух десятков машин к раздавленной батарее сорокопяток, от разбитых в хлам немецких танков и бронетранспортеров к искореженным нашим тридцатьчетверкам. Одна из них застыла совсем рядом с дорогой, словно выпорхнула на взгорок и замерла, вперив ствол пушки в тот край неба, где заходит солнце. «...ский колхозник», белела сквозь копоть надпись на не обгоревшей части брони.

«Видать встречный бой танковый. С самого Курска такого видеть не приходилось», — подумалось Суроваткину.

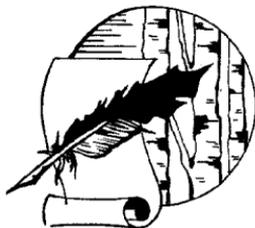
Средь скопления искореженного, кое-где ещё исходящего жирным чадом металла неспешно передвигались бойцы похоронной команды, вытаскивали из сгоревших наших и немецких машин останки, складывали на брезент и волокли к центру, к огромной воронке, которую другие уже ладили под братскую могилу. «Бр-р, ну и работёнка, не приведи бог, — Лёшку пробрал озноб, и тут же — мысль некстати: — Стоп, а как же это, и тех и других в одну могилу? Да нет, сортируют каким-то образом, наверное...» И тут же другая мысль и новая волна озноба по телу: «Ага, как же, отсортируй попробуй на брезенте эти головешки обугленные!..»

— Ну вот, а нам твердили, что победоносное, стремительное наступление повсюду. Да тут, Леха, пока продвинешься, каждый метр кровью зальешь. Ты смотри, чо он паразит вытворяет, не просто огрызается, а дерется, словно за свою избу цепляется.

— Да-а... Может, зря мы торопились, могли бы спокойно ещё пару недель в госпитале поваляться...

— Слабая у тебя, боец, арифметика получается. В школе, наверное, на двойки учился. Две недели? Это же надо такое придумать, — надумавший рассердиться Суроваткин взглянул Урюпину в глаза и увидел в них бесенят, разглядел подначку, успокоился, — Да-а, в госпитале оно, конечно, не дурно. Только вот тут кому быть? Вместо того вон Вани, которому не то пензенские, не то тамбовские колхозники танк подарили. Так-то, брат.

с. Лысые Горы Тамбовской обл.

Олег ГОНОЗОВ

БЕЛЫЕ ПТИЦЫ

* * *

Бог помог мне родиться в России,
возле Волги, великой реки,
где в тумане по утренней сини
шли когда-то гурьбой бурлаки.

Ничего не даётся здесь просто,
но в тяжёлый, безвыходный час
старики, что лежат на погостах,
придавали мне силы не раз.

Знаю, сердце ещё не остыло,
будет верить оно и любить!
Постою у знакомых могил я —
мне в России без них не прожить...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Вот он — снег,
первый снег-неудачник.
Коротка его жизнь —
только ночь.
Но он — первый,
не будет иначе...
Первый снег!
Не гони его прочь.

Всё бело, необычно до боли.
И легко на душе, как весной.
Первый снег
из холодной неволи
зиму выпустит вслед за собой.

Первый снег!
Всё в снегу утопает.
И хотя невелик его век,
посмотрите,
как гордо он тает —
этот первый
отчаянный снег!

ПТИЦЫ ЛЮБВИ

День декабрьский.
Поздний час свиданья.
Окон неразгаданный кроссворд.
Для кого — любовь, для нас — страданье,
боль разлуки, горечь ожидания,
отзвеневшей юности аккорд.

«Раньше мы любили страстно, слепо», —
шепчешь ты с усмешкой в полумгле.
Страхивая с ветки птиц из снега,
хочешь, чтоб они взлетели в небо,
а они, кружась, летят к земле...

Беспощадна жизненная проза:
рвутся провода — и гаснет свет...
Мы стоим, не чувствуя мороза,
и зачем-то ищем в небе звёздном
белых птиц крылато-снежный след.

СЕНТЯБРЬ

Мокрой осени дуновенье
мне из юности шлёт привет.
И опять, и опять — вдохновенье!
Я рифмую ей что-то в ответ
про дожди и сентябрьское небо,
про листву, что летит в никуда,
про края, где ни разу я не был
и не буду уже никогда...

* * *

Давай обнимемся с тобою,
Тихонько так, не на показ.
И пусть с улыбкой, пусть с тоскою
глядят завистники на нас!

Им не понять, что в наши годы
огонь любви горит сильнее,
и в танце звёзд на небосводе
нет ярче нашего огня.

Да, я секрета не открою,
что, может быть, в последний раз...
Давай обнимемся с тобою,
на всякий случай, про запас...

ЕДУ К МАМЕ

День сегодня выдался погожий —
солнце улыбается с утра.
Мне кивает головой прохожий,
как знакомый с нашего двора.

Рады мне приветливые клёны,
и троллейбус быстро подошёл.
Я счастливый, радостный, влюблённый,
скоро с мамой сядем мы за стол!

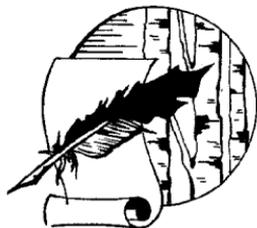
Я спешу, волнуюсь... Это ж надо!
Еду к маме — всё вокруг поёт.
И кондуктор, как танцор эстрадный,
исполняет медленный фокстрот.

* * *

Занесло мою жизнь белым снегом,
словно листья в осеннем саду,
где я маленьким мальчиком бегал
по хрустящему льду на пруду.

Я рискнул бы сегодня, как прежде,
пробежаться по краешку льда —
столько лет не теряю надежды...
Только нет рядом с домом пруда.

г. Ярославль

Евгений ЗАХАРЧЕНКО

ОЗАРЕНЬЯ

ПЕХОТА

Пехота, русская пехота!..
Бредём ухабами войны...
Мозоли, раны, кровь и рвота —
Что за «награды» нам даны!..

Не удивляемся распутью
Родных просёлочных дорог,
И мы дойдём до жуткой сути,
Когда настанет смертный срок.

Но с нами Бог, и с нами Сталин,
И смерть, летящая в глаза,
И скорбь дымящихся развалин,
И шляхом сбитая кирза.

И мы, отбросив тонны смысла,
Шагаем снова в эту хлябь,
Нас ждут бои и Буг, и Висла,
И Шпрее пепельная рябь.

Всё будет: взрывы и потери,
Земля, объятая огнём.
И бой, в который мы, зверея,
Хлебнув «наркомовских», пойдём.

...Пехота, русская пехота!..
Преодолев и кровь, и страх,
Мы сделаем свою работу,
Не думая об орденах.

КРЫМСКАЯ ВЕСНА

Отчизна жива Херсонесской купелью,
И тянутся тропы античного Крыма
Бессмертным напевом, священной каплейю —
К потомкам великого Третьего Рима.

Корнилов, Нахимов, Тотлебен и Кошка,
И тысячи павших безвестных героев...
Стоят бастионы под страшной бомбёжкой,
И дымом окутана Русская Троя.

И снова Россия грохочет набатом:
Герой-Севастополь пожаром охвачен,
Матросы бесстрашные в чёрных бушлатах
Забрызганы вражеской кровью горячей.

Никто не отнимет немеркнущей славы...
...Но Киев окован нацистской коростой,
И пробуют снова на прочность Державу,
Чтоб сдвинуть Россию с морского форпоста.

Но ливнем бушующим, крымской весною
Смывается напрочь убогая нечисть,
И Крым побратался с родною страной,
И Крейсером стал у границы навечно.

И вот уже Мост фантастической птицей
Раскрыл над проливом орлиные крылья!
И Время листает седые страницы,
И смотрит, как сказка становится былью!

ПОСЛЕДНЯЯ ПОБЫВКА

В ситцевом платье, овеянном ветром,
Через пшеничное знойное поле —
Мать пробивается утром рассветным,
Сердце трепещет от радостной боли.

Счастье пришло: необычно, неожиданно,
Лик озарился сияющим взглядом.
Вот он, сыночек, — родимый, желанный,
Вот он, кровинушка, с матерью рядом!

С орденом ярким, со взрослой душой,
Сын — в гимнастёрке, пропахшей боями,
Горькою пылью, военной судьбою,
На руки мать подхватил над хлебами.

Встретились взглядом — и надо прощаться!..
Сельский просёлок, мгновенная встреча...
В памяти всплыло цветенье акаций,
Первое слово мальчишеской речи...

Вот уж водитель торопит в дорогу!..
...Матери машет боец из машины.
Вот уже слышится вечное: «Трогай!»
И отдалённое: «Жди из Берлина!..»

ДУЭЛЬ

Михаилу Лермонтову

Жестокою тропой вела его дорога
В бушующий Кавказ на вызов роковой...
И вот они стоят у горного отрога
На грани вечера, наполненной бедой.

Ирония его — на грани безрассудства;
Насмешка едкая ударила, как хлыст,
И каплею свинца униженное чувство,
Не зная жалости, пронзит и жизнь, и смысл.

И в клочья облака разорваны над ними,
Закат над Машуком тревожен и багров,
И эхо отдалось повторами глухими,
И глянула гора на хлынувшую кровь.

Судьба всегда разит с немислимою силой.
Губительница-Смерть ударила сплеча
И *солнце русское* навеки закатилось,
И горе разлилось, как тёмная парча....

...Потоком грозовым столетья пролетели,
И дым пороховой развеялся вдали.
И что мне в том краю? И что мне в той дуэли?
Но вспомнится о них — и сердце заболит...

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Солёный привкус на губах;
Над морем спит вечерний Питер...
И солнце прячется в ветвях,
Чтобы к утру на выси выйти.

И разведённые мосты
Зарю встречают над Невою.
И снова рядом — только ты,
И нас под небом — только двое.

Играет ветер в волосах...
Колонны — словно мачты сосен...
Ищу себя в твоих глазах,
Листвой багряно смотрит осень.

Огромным жемчугом Луна
Зажгла маяк над кораблями...
Стихами шепчется волна,
В устах удваивая пламя.

ДОБРОТА

Чем спасаемся мы? Добротой,
Заключённой в незримых страницах
Книги Жизни с такой простотой,
Что ни с чем на Земле не сравнится.

Милосердие вяжет мосты
Над бездонною пропастью мрака;
И вдали проступают черты
Озаренья — загадочным знаком.

И светлеет в ослепшей душе,
И сметён искушающий демон;
И стоишь на нетленной меже,
Разделяющей правду и темень.

Доброта нас ведёт в небеса!
И, раскинув незримые крылья,
Мы заглянем в Христовы глаза
И останемся в будущем — былью.

ЗАРУБЕЖЬЕ

Памяти Александра Алехина

Былой России снег
Пути и судьбы числит...
О, чуждый горький брег! —
Влачится жизнь без смысла.

Хрустящий белый снег
Припомнится невольно,
И время гонит век
Студёной колкой болью.

Ложится бранный снег
Лебяжьим белым пухом...
И видится во сне
Моя Отчизна Духа.

Застынет в сердце снег
И не найти покоя.
А рядом — кружит Смерть
За шахматной доскою.

г. Коломна Московской обл.

ИМПЕРСКОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Русский фактор — первое по значимости, но не единственное условие возвращения величия России. Считаю, что второе по значению условие — возвращение России имперских устремлений.

В современном проектном документе «Русский Манифест» констатируется: *«Русский народ в настоящее время является народом, насильственно разделенным. Важнейшая цель — объединение всего русского народа в едином государстве. Союзу России, Беларуси, Украины и Казахстана — быть!.. Россия объективно стремится к своему естественному имперскому состоянию, вне которого по-настоящему крепкой и сильной она быть не может. Необходимо прямо заявить во всеуслышание, что Россия имеет имперские устремления, которых намерена добиваться объективным, не силовым путем... Относительно Союзного государства России и Белоруссии, ДНР и ЛНР, Абхазии, Осетии, Казахстана — в абсолютной степени. По отношению к Малороссии и Приднестровью — в более дальней перспективе. Возможно — Молдова и Армения, а также некоторые иные республики бывшего СССР... От всемерной и всемирной констатации своих намерений станет легче всем.*

РУССКИЙ МИР

Враги России поумерят свой пыл, а сторонники Русского мира — получат долгожданную моральную поддержку. С остальными бывшими республиками СССР заинтересованность у России только в едином культурном, информационном и экономическом пространстве... Русские во всем мире сегодня ощущают явный дефицит активной позиции Русской цивилизации... России требуется наступательная стратегия, амбициозная и открытая политика по пропаганде на международной арене Правды и Справедливости... Миссия Русской цивилизации для всего мира — нести идеи всечеловечности в отличие от западной «общечеловечности...»

Всем известна проблема 13 статьи Конституции РФ, запрещающей России иметь государственную идеологию, что даёт базовые основания за счёт иных статей Основного Закона, акцентирующих внимание на правах человека, но не нормах морали, традиционных ценностях и духовности общества, проводить либеральную идеологию внутри страны и слабую внешнюю политику, щадяще относящуюся ко всевозможным «постгуманизмам» и десакрализации человека. В Конституции (даже с учётом поправок 2020 года) отсутствует констатация временно разделённого русского народа, стремление его к объединению. Разумеется, в Конституции нет отражения простой и истинной логики: Россия — правопреемник исторического государства Русь. Россия — это и есть Русь. Не только в границах сегодняшней РФ, а в границах Советского Союза и Российской империи.

Но даже с имеющимися серьезнейшими проблемами в Конституции страны, если бы имелись соответствующее понимание и политическая воля у верховной власти, то можно было бы многое сделать по исполнению исторической миссии России и русского народа. Например, ничего не мешает принять Доктрину под названием «имперская» или «о перспективах объединения искусственно разделённого русского народа», или «цивилизационный выбор России». У России нет времени идти не спеша и «вразвалочку», осмысливая свое предназначение, продолжая бесконечные дискуссии о смыслах и формах государства. Мировое зло, внешнее и внутреннее, целенаправленно работает против России, на её уничтожение, не оставляет иных путей, как действовать быстро и решительно. Сейчас время резких праведных движений, но не пустопорожних дебатов! Но современной Россией бездарно теряется время, упускаются возможности, которые всё сложнее и сложнее будет компенсировать в будущем, а если и удастся, то всё с возрастающей ценой за это.

Более 20 лет с момента подписания Союзного договора в 1999 году граждане России и Беларуси надеялись и надеют-

ся на реальное объединение наших государств. Однако на протяжении многих лет мы слышим только призывы снять проблемные вопросы в отношениях наших стран и наблюдать за бесконечными дискуссиями. Постоянно ведется речь об «углублении интеграционных союзных процессов», но без реального объединения государств. Удовлетворительным за эти годы можно назвать лишь военное сотрудничество России и Белоруссии и, пожалуй, открытость границ. Остальное — профанация. Минимум пятнадцать лет из двадцати двух — топтание на месте. Даже — регресс.

В последнее десятилетие привычными стали заявления и со стороны президента России, и со стороны президента Беларуси, что наши государства не стремятся к объединению (только — какая-то непонятная «интеграция»), потому что, мол, нельзя поступаться принципами государственного суверенитета. Какого «суверенитета»? Одной части русского народа от другой? Лишь 10% граждан России, опрошенных ВЦИОМ в 2019 году, знают о существовании Союзного государства. То есть молодежь почти вообще ничего об этом не слышала, а более старшие поколения стали забывать. И немудрено — при таком аморфном «союзном государстве», которого фактически нет. И как результат — попытка майдана и свержения Лукашенко. Удивительно, но и попытка госпереворота ничему не научила власти Белоруссии, там всё равно продолжают настаивать на «многовекторности» ее политики.

Россией бездарно теряются возможности возвращения Малороссии в Русский мир — уже семь потерянных для этого лет. Чем «взвешеннее» и боязливее ведет себя Россия по отношению к Украине, тем в большей степени усиливаются риски для существования самой России. Абсолютно провальна работа российских структур в Молдавии и в Приднестровье. Кстати, в Армении и Нагорном Карабахе — тоже.

Почему Россия в лице сегодняшней власти в стране стесняется заявить на весь мир о своей имперской сути? Думается, что ответ кроется в несоответствии исторической миссии России огромного массива чиновников во власти, для которых величие страны, единство русского народа — пустой звук. Ответ кроется в либеральных принципах, до сих пор ими исповедуемых. И в боязни: «как бы чего не вышло». А на поверку оказывается, что чем более податлива Россия давлению Запада, тем сильнее сжимаются щупальца мирового зла у ее горла...

Имперскость должна быть на современном этапе соразмерно сопоставлена с русскостью. Публичное объявление «Русской империи» снизит миграционные потоки из некоторых стран Кавказа и Средней Азии. Не будет дополнитель-

ных соблазнов людям, не интегрированным в русскую культуру, вообще помышлять о переезде в Русское государство. Одно дело некая непонятная «федерация», РФ, с аморфными идеологическими и культурными «кодами», в которой можно всё, в том числе выкачивать из «этой» территории ресурсы, а другое — империя, которая названа Русской. Уменьшится и внутренняя бесконтрольная миграция населения, например, из нынешних северо-кавказских республик. Внутренняя миграция сохранится, но не на бесконтрольной основе, а обусловлена будет потребностями, условно говоря, интенсивной, а не экстенсивной рабочей силы, интересами единого государства — повышением производительности труда и развития науки и культуры. А это — совсем другие кадры, а не любые, как сейчас, не интегрированные в русскую культуру (чернорабочие, дворники, таксисты и т.п.).

И ни в коем случае нельзя принимать в чистом виде идеи евразийства. Евразийство, понимаемое не как географическое величие России, а как наднациональная категория, направленная на формирование эрзац-народа и эрзац-культуры вместо русской скрепы, — пагубное направление мысли. Кроме подавления воли и внесения хаоса, такого рода идеи ничего не несут. Русский народ должен оставаться тем, чем он был, есть и, несомненно, будет — государствообразующим народом. Если и пользоваться терминологией о евразийстве, то в качестве геополитического распространения интересов русского народа с неременным указанием преобладающего значения русского фактора, русской культуры. А еще лучше — вообще не заниматься упражнениями в евразийстве, потому как есть имперский подход, имперские принципы величия России.

Другой необходимый принцип сочетаемости (кроме сочетаемости русскости и имперскости) — имперскость и унитарность государства. Россия в этом смысле — и империя, и унитарное Русское государство, потому что русских в союзе народов России — подавляющее большинство, потому что определяющей является русская культура, объединяющая все народы России. Россия до 1917 года была и империей, и унитарным государством одновременно, без национально-территориального деления. Так должно быть и в будущем. С точки зрения объединения народов под скипетром русского народа. С точки зрения сохранения «цветущего разнообразия» для народов, входящих в государство, гарантий развития национальных культур каждого из народов. А с точки зрения государственного устройства — унитарность, то есть все входящие в состав государства субъекты имеют культурную ав-

тономию, всем гарантируется развитие их национальных культур и традиций, но не в качестве статуса «национальных образований», а в качестве входящих в состав на правах территориальных образований. Повторять ошибки СССР, приведшие к распаду Союза, допускать нельзя.

На Западе и «их» Украине ждут (и всё для этого делают) быстрого развала современной России. А мы ждём, судя по повышающейся степени идиотизма в пропаганде, — развала «цивилизованного Запада». Вопрос — что будет раньше? Но если Россия будет руководствоваться русскостью и имперскостью, то весь мир пойдет за Россией, а не за Западом, которого в привычном понимании как единого целого может просто не быть в ближайшее время...

Вопрос имперскости, кстати, вполне объяснимым образом связан и с демографией. Как известно, материальное положение семей имеет серьезное влияние на рождаемость, но не является определяющим. Одна из главных проблем в снижающейся рождаемости, особенно в русских регионах России, — утрата смысла жизни, разложение культуры и норм морали, а также — «пришибленное» ощущение самого себя, положения своей семьи, своих близких, своего народа и своей страны в мировом пространстве. На уровне подсознания многие молодые готовы терпеть материальные сложности, но вот отсутствие перспектив для своих детей — нет, что и является одним из главных факторов продолжающегося снижения рождаемости в стране.

И в сакральном, и психологическом смысле величие государства напрямую связано с рождаемостью. К примерам в Российской империи до Первой мировой войны обращаться не будем. А вспомним послевоенные годы (после 1945 года) в СССР — огромная и беспрецедентная разруха, колоссальные людские потери (особенно мужчин), дефицит продовольствия, бытовая необустроенность (о «жилищных условиях», особенно на бывших оккупированных территориях, уж и не говорю), иные материальные последствия войны. К этому еще можно добавить, как на зло, неурожаи 1946—1947 годов. При таких обстоятельствах, если рассматривать проблему с материалистической точки зрения, должна была последовать демографическая катастрофа, угасание народа. Но нет! Победа! Великая империя СССР! Бескрайние возможности, открывающиеся перед каждой семьей, каждым человеком, люди на психологическом уровне всё это чувствовали, хотели рожать и рожали. Рождаемость в СССР, и РСФСР в частности, не зашкаливала, конечно, учитывая вышеназванные последствия войны, но, начиная с 1944 по 1961 годы, ежегодное ко-

личество рождений возрастало, затем стабилизировалось (с малым падением), а с 1970 по 1987 г. — вновь, хоть незначительно, но росло. Начало снижения рождаемости совпадает с началом горбачевского бардака и крушения СССР..

И вспомним совсем недавнее время — 2014 год, присоединение Крыма к России. Пусть малое, но воодушевление для всего народа, появившийся луч надежды, что это только начало возвращения былого величия Державы. Вновь так совпало, что в 2014 и 2015 годах фиксируется пусть не всплеск, но существенное повышение рождаемости, а потом, с 2016 года, когда стало понятно, что инициативная политика Москвы на Крыме остановилась, — постепенно вновь вернулся регресс и в рождаемости. Можно лишь предполагать, как повышалась бы рождаемость и вообще росло здоровье нации, если бы «эффект Крыма» был распространен на иные территории Малороссии, если бы была реальная, а не декларативная интеграция России и Белоруссии, если бы граждане России увидели перспективы возвращения былой мощи своей Родины.

* * *

Президент России Владимир Путин, выступая на съезде «Единой России», заявил: *«Часто слышу, что нам нужна национальная идея, все об этом говорят... считаю, что крепкая, благополучная семья, в которой растут двое-трое-четверо и больше детей, по сути, и должна быть этим образом будущего России...»*

Но демография не может заменить идеологию. Для роста рождаемости нужна сверхматериальная мотивация, то есть нужно ясное мировоззрение, непотребительское отношение к жизни. А это вопросы идеологии. Ставить рождаемость на место идеологии — это суррогат. Именно идеология формирует мировоззрение. А мировоззрение формирует семью. И уровень жизни тут вторичен, об этом свидетельствует не только наша история, но и реалии других стран.

Патриотизм также не может заменить государственной идеологии. В.В. Путин неоднократно говорил ранее, что национальная идея России заключается в патриотизме. Патриотизм — одно из необходимых составляющих идеологии, и всё же он — только следствие общенациональной идентичности, ощущения величия своей Родины и своего народа. На пустом месте, когда превалируют «права человека», трансгуманизм, латентный космополитизм и иные либеральные установки, по-настоящему захватить души масс патриотизм не может. Мы слышим только пустые декларации о патриотизме, но в жизни люди видят отрыв призывов от реального положения в стране.

В реальной политике государства у нас до сих пор доминируют либеральные подходы — искусственная политизация общества (партийная система организации власти). Кстати, В.В. Путин являлся одним из инициаторов развития политической системы в современной России по западным лекалам. Но зачем России такой диспропорциональный уклон в партии? Ведь они работают не на консолидацию общества, а на поляризацию мнений, разъединение народа. Есть потрясающий отечественный опыт русской организации власти в стране, базирующийся на организации и порядке принятия решений в русских общинах, земстве, а также в советском периоде, но он почему-то не востребован Кремлем.

Можно, конечно, психологически понять президента России в вопросе оформления национальной идеи в нынешних обстоятельствах. Он часто провозглашал необходимость принятия государством национальной идеологии. Но как дело доходит до механизмов ее реализации, то возникают вопросы... Ведь чтобы приступить к оформлению национальной идеи в порядке, как это сегодня установлено действующей властью, нужно объединять необъединимое — все политические силы, противостоящие друг другу, в том числе выслушивать нескончаемую тягомотину «ярких либеральных деятелей», непропорционально представленных в органах власти, надуманных общественных «авторитетов». То есть нужно задействовать всё т.н. «гражданское общество», понимание которого базируется на тех же «правах человека». Каждый участник обсуждения, как правило, навязывает что-то своё, противоречащее сказанному другими. В этой «толерантной» процедуре приходится искать «компромиссы», которые ведут к дискредитации сути национальной идеи...

Порядок оформления государственной идеологии, национальной идеи должен быть принципиально иным. Бег по кругу нужно размыкать. Существуют сакральные ценности для исторической Руси, России. Только им и необходимо следовать, а, значит, ориентироваться на тех, кто на современном этапе является искренним выразителем этих основополагающих для государства ценностей. Есть институты, например, Всемирный Русский Народный Собор, объединяющий потенциал всех традиционных конфессий России, настоящей русской интеллигенции. Есть и другие авторитетные организации, объединяющие граждан России на духовной, а не на партийной или иной либеральной основе. Вот на такие объединения и следует ориентироваться в изложении национальной идеологии.

ЭПИДЕМИЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Туча стремительно наполнила, её сизый край приближался к солнцу. Гром громыхнул совсем рядом. Щупальца тучи дотянулись до солнечного диска. Разом потемнело. О развороченную лопатой почву зашлепали крупные капли дождя.

«Как пули, — подумал дед Иван и тут же с досады махнул рукой. — Не успели.

— Хватай мешок! Что стоишь? — рявкнула бабка Надежда и, цапнув ведро с картошкой, рванула к дому.

— Шустра! — только и качнул головой Иван, ухватил горловину мешка, крикнув, взвалил на спину и, слегка пошатываясь, побрёл к дому.

Капли застучали чаще. Дед прибавил прыти. Сердце зачестило, как испортившиеся ходики.

Иван ввалился в сени, неловко скинул мешок на пол.

— Ху-ух, — выдохнул отдуваясь.

Привалился к стене.

— Я ж тебе говорила, — потрясла кулаком бабка, — куда столько сыплешь? Всё хорохоришься? Давно в зеркало смотрел? Ещё раз спину сорвёшь, я тебя в больницу не повезу!

ПРОЗА

— Не сорву. Моей спине нагрузка нужна. А если остановлюсь, через неделю слягу. — Хмыкнул, качнув головой. — В больницу она не повезёт. Так там и не принимает никто. Во всех отделениях только с этим... как его... коронаро... тьфу ты, коронавирусом лежат.

— Это всё из-за богатых, — завела привычную шарманку бабка. — Сначала обворовали страну, нахапали выше крыши, а потом со всего мира заразу в страну навезли. Курортники! Своих пляжей им мало!

Иван устало махнул рукой:

— Отвянь, Надежд. Занудила. Всё равно когда-нибудь вирус до нас бы добрался.

— При Советском Союзе не добрался бы.

— Может, и не добрался. Но Союза уже нет три десятка лет. Нечего гадать, что было бы, если бы не было.

— Пошли в дом! — в свою очередь одёрнула деда бабка.

— Ты иди. Я тут постою. На дождь посмотрю.

— А то никогда не видел!

— Видел, но стихия притягивает. Грозовые раскаты, молнии сверкают. Красиво. И мощь в черноте туч. Постою посмотрю. Кто знает, сколь ещё любоваться придётся? Доберётся до нас вирус...

— Дурак ты, Ванька!

Бабка Надя вошла в дом. Хлопнула дверью.

Иван глядел на красно-оранжевые извивы молний, а сердце никак не желало успокаиваться — душу деда обуревали невесёлые раздумья. С момента введения режима самоизоляции прошло пять месяцев. Меры ужесточались. Эпидемия не затихала. Регионы отгородились друг от друга полицейскими кордонами. Пропускные пункты (назвать их пропускными можно было только с большим натягом) никого не пропускали. Одно за другим выходили постановления и указы, вводившие новые ограничения и очередные нормы. Но кое-что оставалось неизменным: работал интернет, операторы сотовой связи оказывали своим клиентам услуги (частенько даже в долг), газ тёк по трубам, нефть заливалась в танкеры, китайцы успешно вывозили древесину и золото. А в городах области два месяца назад ввели продуктовые карточки.

Порыв ветра брызнул холодными, почти ледяными каплями. Иван ладонью смахнул растёкшуюся по лицу влагу, отступил на шаг, захлопнул дверь. Звякнула щеколда. Иван вздохнул, скинул калоши, помедлив, направился к двери, за которой была кухня с дровяной печью.

— До соплей налюбовался? — видя мокрое лицо мужа, подначила бабка Надя.

— Брюзжалка! — незлобно отбрехнулся Иван и, стянув с себя свитер, повесил его на крючок прибитой к стене вешалки.

— На плечики повесь! Опять вытянется, как прошлый раз, — попеняла бабка. Иван досадливо хмыкнул, но перечить не стал. Перевесил свитер и пошёл мыть руки.

Дождь заканчивался. Ещё били по листве сада последние капли, но грозовой фронт ушёл далеко к горизонту, и теперь молнии превратились в едва видимые нити, а затухающий гром прилетал с многосекундным опозданием. Иван хотел было взять в руки книгу и завалиться на диван, но звякнула дверная щеколда.

— И кого чёрт принёс? — буркнул он.

Шлёпнула входная дверь, в сени, отряхивая дождевые капли, вошёл сосед — дед Вадим.

— Вот штоб его! — махнув рукой в сторону моросившего дождя, выругался сосед. — Надо ж так, всё лето ни дождинки, а тут зарядил. Картошку убрать не уберёшь.

— Уберём. Было бы что убирать! — Иван шагнул навстречу гостю, пожал протянутую руку.

— Уберём, — согласился сосед. — У нас хоть уродилась. — Беззубо улыбнулся и протянул со значением. — Низина.

Иван нахмурился.

— Ты, Саныч, про уродилось особо языком не тренькай.

— Это с чего бы это? — нахохлился сосед. — Своя картошка, не краденая.

— А ты башкой-то подумай. Времена сейчас какие? Неясные времена, смутные. А вдобавок по всей стране засуха. Зерновые не уродились, с овощами-фруктами тоже не ахти. С импортом вообще проблемы. Да что с импортом — область от области отделилась. Кордоны по всему периметру. В городах какой месяц на карточки перешли? То-то и оно. Оглянуться не успеешь — продрозверстка попрёт.

— Так уж и продрозверстка! — дед Вадим хмыкнул.

— Моё дело предупредить. А там хочешь заныкай свой урожай, хочешь на продажу выставь. Да ещё и объявление напиши: «Всего в избытке!», а я посмотрю, много ли продашь, прежде чем шею свернут.

Дед Вадим поскрёб пятернёй затылок.

— Вот мать-перемать, не было печали. Озадачил ты меня. А и верно — жрать нечего будет и по дворам пойдут. Всё выгребут.

— Сообразил?!

— Да чего не сообразить? Дурак, конечно, да не совсем. Жрать нечего станет, такой беспредел начнётся, девяностые

раем покажутся. — Вадим почесал за ухом. — Я к тебе что пришёл: бензин лишний есть? Мне к свояку сгонять надо.

— Нет, — соврал Иван. В сарае (припасённые на всякий случай) стояли две двадцатилитровые канистры под завязку наполненные девяносто вторым. Потребовалось бы соседу поехать по какой беде, Иван бы не отказал, а к свояку... И всё же на душе появился дискомфорт. Чтобы хоть как-то сгладить эту никем не видимую неловкость, спросил:

— У тебя топинамбур есть? Ведёрко могу дать.

— Нее, — качнул головой дед Вадим, — не люблю я его.

— Моё дело предложить.

— Как думаешь, надолго это ещё?

— Дакто знает? — Иван пожал плечами. — В интернете второй месяц талдычат о положительной динамике. А в городах в очередной раз паёк урезали. Что будет, если и дальше так пойдёт?

— Вот ведь твари, привезли гадость какую! — ругнулся Вадим. — Наворовали и не знают, куда деньги деть, катаются туда-сюда!

— Ты прям как моя Надежда.

— А что? Она дело говорит. Это ж надо, всю страну под арест посадить! Я бы знаешь, как сделал? — И не дожидаясь ответа: — Я бы всех тех, кто в Куршавелях отдыхал, сразу с самолёта под белы ручки и в изоляцию. Дали б команду, военные ещё б в феврале им модульные городки поставили. Пусть бы там и жили. А тех, у кого двойное гражданство, я вообще в страну не пустил.

— Круто.

— А что? У них две страны. Вот пусть в той другой стране и остаются. Сами выбирали. Там, видать, им лучше было. А то ломанулись. Назад. Твари.

— Саныч, ты говоришь, всех тормознуть? Модульные городки построить? На сотни тысяч? Это сколько средств надо...

Иван не договорил, сосед его перебил:

— Да уж меньше, чем страна потеряет из-за всеобщего карантина. Уж это-то факт.

— Факт, — согласился Иван. — Пожалуй, ты прав. Так было бы проще и дешевле локализовать и остановить эпидемию. Но политически страшно — это же их родную тусовку на казарменное положение перевести — это никак низя. Взбрыкнут. Проще уж всю страну под самоограничение. Господам-то со своими дворцами, с бассейнами и кортами комфортно сидеть, а народ в однокомнатных теснится... Народ для них кто? Быдло. Не человеки — электорат.

— Во-во, — поддакнул Вадим. Махнул рукой и направился к выходу, обернулся: — Ты, Палыч, со своими давно разговаривал?

— Вчера.

— Как там, в городе?

— Да вроде ничего, — Иван пожал плечами, — сидят дома. Продукты по домам волонтеры развозят. Достоверной информации по инфицированным нет. Как в мае наложили запрет на раскрытие данных по заражённым, так до сих пор только слухи.

— Слухи значит? Ну-ну... — Саныч шагнул за порог и аккуратно прикрыл за собой дверь.

К вечеру небо вновь полностью заволочило серыми тучами. Начал накрапывать дождик. Он продолжался всю ночь, не прекратился и под утро.

— Окладной, — выглянув в окно, заметила бабка Надежда. — Погниёт картошка.

— Не погниёт, — не слишком уверенно возразил Иван. — Денёк поморосит и закончится.

Он ошибся. Дождь продолжался и день, и ночь, и следующие сутки, и следующие. Через неделю Иван не выдержал — надел плащ, взял лопату и отправился на огород — копать картофель. Через полчаса к нему присоединилась супруга. Так и копали, в грязи, под бесконечно морозящим дождём. Следом мыли и выкладывали в погребе для просушки. Управились в пять дней. На следующее утро на улице выглянуло солнышко.

— Смешно, — Иван прищурился от упавшего на лицо луча. Снял с груди руку сонной супруги. Сел. Выпростал ноги из-под одеяла.

— Сколько времени? — сонно поинтересовалась супруга. Иван не ответил. Надежда ткнулась носом в подушку и продолжила спать. Иван с нежностью взглянул на неё, сунул ноги в тапки и поспешил на улицу.

День выдался погожим, ветреным. Дед Иван расстелил на дворе клеёнку и, пока супруга хлопотала по хозяйству, перетаскал на неё так до конца и не просохший картофель. Закончив, привалился к стене и так некоторое время стоял, опираясь лишь на одну левую ногу. От всей этой кутерьмы, от частых нагибаний дали себя знать застарелые болячки — от поясницы к правому бедру и дальше по внешней стороне ноги бежала жгучая боль.

К вечеру картофельные клубни окончательно подсохли.

— Надь, думается мне, всю картошку в погреб ссыпать не надо.

— Это почему же? — удивилась супруга.

-
- Да мало ли, — Иван неопределённо пожал плечами.
— Всерьёз опасаясь чего-то? — Надежда догадалась о мыслях мужа.
— Не знаю. Но мало ли.
— А куда девать будем?
— Я уже всё продумал. Яму в сарае выкопаем, ссыплем и соломой укроем, а сверху земли. Так картошка до весны храниться может.
— Сколько вёдер в погреб ссыпать собираешься?
— Половину. Половину туда, половину сюда. Накопали достаточно, так что по-любому хватит, — вздохнул, а про себя добавил: «Если не отберут».
— Тогда я в погреб ссыпаю, а ты иди яму копай, пока кто чужой во двор не заглянул.
— Хорошо, только в погреб ту, что помельче отбирай.
— Не дура. Понимаю.

Укрыли соломой и засыпали яму землёй уже в ночи.

Наутро поясница деда Ивана никак не хотела сгибаться. Он с трудом встал и долго занимался гимнастикой — растягивая и согревая мышцы. Когда тяжесть немного отпустила, занялся делами.

В начале третьей декады в село въехали три грузовых автомобиля.

— Палыч, — в калитку ввалился запыхавшийся дед Вадим, — ты слышал? Ты был прав с продрозвёрсткой. Налог новый ввели, с каждого двора собирают.

— Ты откуда знаешь? В интернете ничего не было.

— Свояк позвонил. Три «КамАЗа» с прицепами в сопровождении полиции и глава сельсовета с ними. По погребам лезят, подчисто выгребают. Счас пойду картошку пересыпать, пока до нас не доехали. Хрен я им что оставлю!

— Стоп. Не торопись. Всё не выгребай, оставь что помельче и слишком не жадничай. А то ничего в погребе не найдут, так всё вокруг перевернут и обнаружат твою заначку. А так разведёшь руками, скажешь — неурожай, всё не заберут, что-то да оставят. Да ещё и заначка у тебя будет.

— Хм, правильно говоришь, так и сделаю. Ну, побёг я. Успеть ещё надо.

— Успеешь. Пока ещё до нашего конца доберутся.

— Что-то случилось? — на порог вышла супруга.

— Угу, — кивнул головой Иван, — продналог ввели. Машины уже в селе. Скоро здесь будут.

— Так значит... — выражение лица бабки Надежды, и без того безрадостное, стало совсем мрачным. — Чего тогда стоим? Надо из погреба ещё пару мешков вынуть. Пошли.

— Нет, пусть всё как есть, — внезапно возразил дед.

— ???

— Картофель для городов собирают. Может, и нашим что перепадёт.

— Как скажешь, — покладисто согласилась бабка Надежда.

После сдачи продналога погреб опустел более чем наполовину. Но оставшегося в нём картофеля до весны должно было хватить, хватало и на семена, но при условии сильной экономии. И это не считая спрятанного.

— До весны с запасом хватит, — Надежда стояла и глядела вслед удаляющимся грузовикам. И вдруг предложила: — Может, твоим родственникам по ведерку подкинем?

— Может, и подкинем, но не сейчас, весной. И у самих будет видно, что осталось и по другим будет ясно, что к чему. — Сказал, а сам подумал: «Лишь бы до весны бандюки какие не пожаловали».

Сентябрь близился к концу. Дед Иван только десять минут назад переговорил с сыном Евгением, заверившим его, что у них всё в порядке, как телефон зазвонил вновь. На экране высвечивался номер сына.

— Алло, слушаю, — тут же отозвался Иван. — Забыл что?

— Деда, — послышался тоненький голос пятилетнего внука — Алёшки.

— Да, Алёшенька, слушаю, соскучился я по тебе!

— Деда, папка строго запретил тебе говорить... Голодно у нас, — совсем по-взрослому сообщил внук. — Кушать всё время хочется. Ты картошечки нам привести не сможешь?

— Картошечки? — дед остолбенел. Сын его только что заверил, что паёк прибавили на десять процентов. И тут такое.

— Ладно, дедуль, я отключаюсь, а то папка отшлётать обещал. Узнает, что я звонил, точно отшлётает. Ты ему не говори, ладно? Привези картошечки, хорошо?

— Хорошо, внучек, хорошо. Привезу. Обязательно, — пообещал Иван, прежде чем оборвалась связь. Связь оборвалась, а дед Иван задумался — сказать, пообещать было проще, чем сделать. Как попасть в город, если дороги перекрыты? Он нахмурился, морщины на лице стали глубже.

— Кто звонил? — с кухни донёсся голос супруга.

— Алёшка, — отозвался Иван.

-
- А что меня не позвал? — в голосе прозвучала обида.
- Да он на секундочку. — Иван задумался: говорить — не говорить о состоявшемся разговоре? По всему получалось, сказать придётся. — Тут такое дело... — дед замялся, — в город мне надо.
- Ты что, сдурел?! Кордоны везде. Тебя разве пропустят? Да и с чего тебя понесёт- то? — тут бабка запнулась. — Или случилось чего?
- Да это... — Иван замялся, подумав, решил отделаться полуправдой. — Алёшка картошечки попросил. А то они всё на крупах да на крупах. Вот и отвезу им мешок-другой. Побалую внучка.
- Так не пропустят же! — справедливо заметила Надежда.
- Я с собой ещё пару-тройку лишних ведер возьму — тормознут, взятку «борзыми щенками» дам и пропустят.
- Ага, шас, пропустят тебя, как же! Только картошку отберут!
- Попытка — не пытка! — возразил дед.
- А, делай что хочешь. Ты как бык, упрёшься, тебя не переубедишь.
- Вот и решили. Завтра же поеду. Только скоро меня не жди, мало ли, задержаться где придётся.
- Главное, с молодыми девками не загуляй, а то развод и девичья фамилия, — в шутку предупредила Надежда.
- Да, загуляешь с ними! — Иван заулыбался. — Молодые девки сейчас на карантине сидят, одни только старухи в огородах шустрят.
- Но-но, — Надежда погрозила мужу кулаком. — Это я-то старуха?
- Не о тебе речь, добрая женщина, — притворно испугавшись, замахал руками Иван. — Ты у меня ещё молодушка! Куда до тебя тем девкам?
- То-то! — Надежда подошла к мужу, взяла его за руку: — Ты уж поаккуратнее!
- Как всегда.
- Ну-ну.

Едва забрезжил рассвет, Иван принялся готовиться к отъезду — вытащил из заднего сиденья поролон и разместил под ним аккуратно расфасованный картофель. Получилось местами неровно, но если не приглядываться, то и не заметишь. Иван осмотрел дело рук своих, довольно улыбнулся и пошёл в погреб за очередной партией.

В багажник уложил два мешка по четыре ведра в каждом, по ведру засыпал в полиэтиленовые пакеты. Ещё два таких же пакета с картофелем засунул под передние сидения. Подумав, прихватил из сены старый РР — рюкзак рейдовый,

бросил его на заднюю сидушку. Вернулся в дом, взял буханку только вчера испечённого хлеба, полуторалитровую пластиковую бутылку воды. Услышал, как зашлёпали по полу босые ступни. На кухню заглянула Надежда.

— Уже? — спросила, провела рукой по заспанному лицу.

— Почти. — Иван сунул бутылку в полиэтиленовый пакет к уже лежавшей там хлебной буханке. — Сейчас бензина долью и поеду. Лучше пораньше выехать. Была мысль в ночь рвануть, так посты всё равно не объедешь, а на дураков нарваться легче. Так что бензин долью и поеду.

— Ты завтракал?

— В городе позавтракаю.

— Знаешь что, — сон слетел с Надежды, как не бывало, — давай сначала за стол, а потом всё остальное.

— Надь...

— Ничего не Надь, давай за стол. И не скидывай сапоги. Притру потом. В кухне всё одно весь пол вывачкал.

— Ну, я это... потом притёр бы.

— Давай за стол! — решительно скомандовала Надежда. — Притёр он... — Она покачала головой и пошла к холодильнику.

Через полчаса супруги стояли подле шумевшего двигателем автомобиля.

— Ты знаешь что? Ты дверь не забывай запирать! — в голосе Ивана звучали требовательные нотки. — Даже днём. Если, не дай бог что, сейф открыт. С ружьём справишься.

— Типун тебе на язык! — ругнулась бабка.

— Надеюсь, не дойдёт, но проинструктировать надо, — Иван улыбнулся, и внезапно протянув руки к супруге, притянул её к себе. — Ты тут правда повнимательнее. — И совсем тихо: — Я тебя люблю!

— И я тебя, — так же тихо ответила она, в её глазах заблестели слёзы. — Возвращайся скорее.

— Всё, поехал, — Иван чмокнул жену в щёку, резко отстранился, шагнул к автомобилю, распахнул дверцу, сел. Стараясь не смотреть на жену, включил передачу, так же не глядя, поднял руку, помахал, когда же ладонь опускалась вниз, украдкой смахнул катившуюся по лицу влагу.

— С Богом! — сказал сам себе. Сказал привычно, хотя дожив до солидных лет, так до конца и не определился с верой. Не веря в религии, он всё же полагал наличие некоего высшего существа или неких высших существ, в чьей власти находилась вся необъятная Вселенная.

Педадь сцепления плавно поползла назад, машина тронулась и покатила по песчаной дороге.

Изначальный план добираться до областного центра по главной дороге провалился. Стопорнули на первом же блокпосту.

— Капитан Бояринов, — представился подошедший к машине офицер. Всё его лицо закрывал респиратор. — Куда направляетесь?

— Мне это... в райцентр надо, — беззастенчиво соврал дед Иван.

— Нарушаете, — взгляд капитана побежал по салону, выматривая недозволенное.

— Очень надо — соль кончилась.

— Дед, ты что, с дуба рухнул? Магазины уже месяц закрыты.

— Батюшки светы! — всплеснул руками Иван. — А я и не знал. Откуда ж мне знать-то, мы ж на режиме сидим. Магазины, значит, закрыты... — вздохнул, задумался. Словно придя к какой-то мысли, встрепенулся: — Так я к своякам заеду, у них соль наверняка есть.

— Заворачивай, дед!

— А может, я вам картошечки, а вы меня пропустите?

— Дед, ты хочешь, чтобы я тебя в каталажку забрал?

— Ладно, ладно, уезжаю, — Иван включил заднюю скорость, развернулся и покатил как бы к дому. Пришло время задействовать запасной план. Уехав за пределы видимости, Иван съехал с асфальта и, попетляв полевыми дорогами, через час вновь оказался на асфальте — десятью километрами выше райцентра.

Два десятка километров до ближайшего населённого пункта его семёрка проскочила за пятнадцать минут. Само же село, от греха подальше, Иван объехал по полям.

До цели оставалось не так уж и далеко, когда из-за посадки вырулила полицейская машина.

— Принесла ж тебя нелёгкая! — ругнулся Иван, всё же лелея в душе надежду, что стражи порядка не заинтересуются одиночной машиной. Не тут-то было. Зазвучала сирена, и из громкоговорителя зазвучал грозный голос:

— Водитель автомобиля ВАЗ 2107, прижмитесь к обочине! Остановитесь!

— Чёрт! — Иван притормозил, включил поворотник, съехал на обочину и, остановив машину, выключил скорость. Глушить двигатель не стал. Открыл дверцу, кряхтя выбрался из салона, слегка горбясь, двинулся навстречу вальяжно идущему полицейскому лейтенанту.

— Документы! — потребовал лейтенант.

— Нахрен! — крикнул ему вдогон напарник с майорской звездой на погонах. — Мужик, грабли в гору! Дальше ехать хочешь?

Иван угрюмо кивнул.
— Что везёшь? Отвечай живо!
Дед Иван окончательно опешил.
— Картошку.
— Картошку?! — полицейские переглянулись. — Бабло есть?
— Ну... тысяча.
— Давай! — лейтенант требовательно протянул руку.
Иван не стал спорить, полез в карман, достал мятую купюру. Та мгновенно перекочевала в карман блюстителя порядка.
— Открывай багажник!
Иван послушно нажал кнопку открытия.
— И впрямь картошка, — заглянув в багажник, хмыкнул полицейский.
— Много? — поинтересовался так и не вылезший из машины майор.
— Два мешка, — отозвался напарник.
— Маловато будет, — Иван услышал, как хлопнул открывшийся багажник полицейского автомобиля. — Пни деда. Пусть перегружает.
— Опустит руки, дед. Давай хватай, тащи.
— Так как же это? — нарочито растерялся Иван, в чьи планы с самого начала входило «жертвование» одним мешком.
— Тащи давай и не вякай!
— Тяжело... — глядя на мешок и поглаживая рукой спину, пожаловался дед.
— А кому сейчас легко?! — лейтенант усмехнулся. — Как-то грузил? Вот так же и тащи!
— Так по ведру же... — пояснил Иван.
— Так и таскай ведром, чё стоишь?
— Стопе! — воспротивился майор. — Он так до вечера таскать будет! Чёрт с ним, помоги ему.
— Да ну нахрен.
— Я сказал! — повысил голос майор.
— Ладно, — сник лейтенант. — Так, дед, ты бери с того края, я с этого. Раз, два, взяли, понесли. Тяжелый, блин.
Мешок плюхнулся в багажник. Лейтенант развернулся и вновь направился к дедовой машине. Подошёл, решительно ухватил мешок.
— Эй, эй, погоди! — запротестовал Иван Павлович. — А мне что есть?
Страж порядка усмехнулся:
— Не маленький...
— Отсыпь ему половину, — вновь донёсся голос майора, и тут же у него затренькал телефон.

— Слушаю, — донёлся до Ивана напрягшийся голос полицейского. — Да, понял. Результат нужен? Хотя бы один? На машине? Да, у нас как раз есть такой. Эй, Панин, — майор махнул рукой в сторону лейтенанта, — отставить картошку. Шеф сказал: результат нужен. Понял?

— Что не понять? — хмыкнул полицейский, повернулся к державшему край мешка Ивану. — Всё, дед, откатался. Давай лапки, я тебе сейчас наручники одену, и в отделение. Ничего, в обезьяннике посидишь, штраф заплатишь и домой. Не заплатишь, сам знаешь, сейчас год-другой враз дадут.

— А машина? — Иван будто машинально захлопнул багажник.

— Ключи давай! — лейтенант требовательно протянул руку. — На штрафстоянке заберёшь. Если оплатить сможешь.

— Щас... — Иван шагнул к распахнутой дверце, а лейтенант, вдруг сообразив, что двигатель автомобиля всё ещё работает, ринулся следом, за что и поплатился. — Иван резво выбросил руку и, схватив полицейского за ворот, ткнул его лбом в крышу. Лейтенант, охнув, принялся медленно сползать по кузову. Иван отшвырнул его в сторону, втиснулся на сиденье и врубил скорость. Из-под колёс брызнул гравий.

ВАЗ 2107 проехал метров пятьдесят, когда послышались хлопки выстрелов. Иван пригнулся к рулю и, увидев впереди перекрёсток, свернул на просёлочную дорогу.

Похоже, патроны у преследователей закончились — выстрелы стихли. Но патрульный автомобиль не отставал. На трассе у Ивановой семёрки шансов не было, но здесь, на просёлках, преследователи вынуждены были постоянно притормаживать. А потом и вовсе, напоровшись днищем на ссохшийся до бетонной твёрдости ком чернозема, полицейская иномарка встала.

Иван ещё некоторое время не сбавлял скорость. Попетляв по полям, он пересёк очередной перекрёсток и остановил машину в тени берёз. По лицу тёк пот. Иван смахнул капли ладонью и тяжело вздохнул.

— А ты что думал? — буркнул он себе под нос и опустил стекло, впуская в салон свежий воздух.

Стоило поразмыслить, как быть дальше. Продолжать путь по трассе можно было и не пытаться. Пройти все кордоны даже изначально представлялось задачей почти фантастической, а после конфликта с полицией шанса не оставалось вовсе.

Иван задумался. Документов он никаких не показывал, номера благоразумно замазал грязью.

«Отмыть номера и вернуться на трассу? Рискнуть? Не годится. Ориентировка наверняка разослана. Остаётся одно — двигаться полями. Тут не так далеко. Доберусь».

Иван повернул ключ, запустил мотор.

Ехал не спеша, выдерживая общее направление и стараясь не уходить далеко от трассы. Когда до города оставалось совсем немного, путь преградил глубокий овраг. Не раздумывая, Иван свернул налево. Склоны оврага постепенно понижались, но тут Иван углядел новую напасть: из оврага, всё время расширяясь, потянулась змейка ручья.

— Не было печали... — Иван Павлович притормозил и принял крутить руль, разворачиваясь.

Стоявшие на мосту патрульные машины Иван увидел издалека. Свернул в тень посадок. В очередной раз выругался и развернул машину. Поехал, выискивая кусты, в которых можно было бы припрятать свой «жигулёнок». Ничего другого как идти пешком не оставалось.

Со скрежетом сдирающих краску веток Иван въехал в заросли черноплодной рябины. С трудом открыл дверцу. Выбрался наружу. Первым делом приподнял заднее сидение и наполнил лежавшим там картофелем рюкзак. Вошло ведра четыре. Выволок, протащил к оврагу. Склон оказался относительно ровным. Не раздумывая, толкнул по нему рюкзак, тот, набирая скорость, покатился вниз. Иван вернулся к машине. Некоторое время стоял, раздумывая. Открыл багажник и, отсыпав из лежавшего в нем мешка немного картофеля, завязал горловину и взвалил мешок на спину.

Подойдя к обрыву, отправил мешок вслед за рюкзаком. Вновь вернулся к машине, вытащил из-под сидений пакеты с картофелем и только сделал первый шаг от машины, как зацепил ношей ветку. Тонкая плёнка расползлась большой дырой, и картофель посыпался на землю.

— Это ж надо, а? Да что б тебя! В пакетах не донести. Как я не подумал? Надо было брать ещё один мешок. Иван вновь открыл багажник и положил в него пакеты с картофелем, затем собрал в багажник и просыпавшиеся клубни. Захлопнул багажник и закрыл дверцы машины на ключ.

— С Богом! — вздохнул и поспешил к оврагу. Взглянув на крутой спуск, помотал головой и, решив не рисковать, сел на задницу, упираясь пятками, принялся спускаться вниз. Оказавшись подле рюкзака, осторожно поднялся на ноги. Ухватил за лямки, крякнул, взваливая на спину. Постоял, при-

слушиваясь к своим ощущениям. Тяжесть груза давила на спину, но боль оставалась терпимой.

— Давненько я тебя не таскал! — обращаясь к рюкзаку, словно к живому существу, произнёс Иван. — Да, загрузил я тебя, старичок. Но ничего, мы ещё с тобой крепкие... — с этими словами Иван сделал первый шаг.

Дно оврага оказалось ровным, устланным намытым весенними водами крупным песком. Подошвы проваливались, но Иван не обращал на это внимания, он высматривал подходящее место для подъема. Таковое обнаружилось метрах в тридцати — ровный относительно пологий склон. Иван вздохнул полной грудью и принялся подниматься. Колени хрустнули болью, но он не остановился. Сердце сразу же ускорило ритм. Уклон оказался не таким уж и пологим. Порой Ивану, чтобы сделать следующий шаг, приходилось опираться на руки. Когда он выбрался на самый верх, то сердце стучало как табун бегущих лошадей, а икры мышц налились тяжестью. Иван остановился и привычным движением скинул с себя левую лямку. Его тут же едва не увело в сторону, он накренился, лямка соскользнула с плеча, и ничем не удерживаемый рюкзак упал на землю.

— Ух-у, — выдохнул Иван. Было желание упасть и лежать, отдыхиваясь, но так делать было нельзя, Иван это знал. Он выпрямился и некоторое время ходил по краю оврага восстанавливая дыхание.

«Н-да, раньше бы я тут взлетел и не заметил», — подумал Иван, глядя на расстилающийся под ногами склон. Подумал и начал медленно спускаться вниз. Левая коленка стрельнула пронзительной болью.

— Чтоб тебя! — выругался Иван Павлович.

С трудом удерживаясь на склоне, он наконец-то спустился на дно оврага и всё так же не спеша направился к лежавшему на удалении мешку. Он уже понимал, что за день никак не обернётся, и потому спешить было ни к чему. Оказавшись подле мешка, схватил его и, взвалив на плечо, потащил к месту подъёма.

Поднимать мешок оказалось много тяжелее рюкзака. Почти сразу пришлось свалить его на землю и тащить волоком. Пока выбрался, легкие хрипели от натуги. Иван опустил мешок подле рюкзака и, заполошно дыша, согнулся, оперев руки в колени.

— Чуть не сдох... — пробормотал Иван. И тут же сам себя подбодрил: — Ничего-ничего, сейчас разогреюсь, и легче пойдет.

Постояв в неподвижности ещё секунду, Иван распрямился и с силой втянул в себя воздух.

Так и пошло — уносил вперёд рюкзак, останавливался, отдыхал, пил понемногу воду, возвращался за мешком. И так раз за разом, нёс, отдыхал и продолжал путь. Шёл, пока не стемнело. Местом ночёвки выбрал небольшую, заросшую смородиной посадку, заваленную гниющими стволами давно повалившихся берёз. Пока ещё было видно, нарезал тонких смородиновых веток — приготовил себе лежанку, затем собрал большую кучу дров. Прежде всего разжёл небольшой костёр, снял мокрое от пота нательное бельё, развесил на ближайших от костра кустах. Бросил в костёр несколько картофелин, и когда они поджарились, вытащил из огня и с удовольствием съел. Закусывал хлебом, запивал водой. Почти опустевшую бутылку сунул опять в боковой карман рюкзака. Лёг на ветки, повернувшись мокрой спиной к костру. Мышцы ныли, но сон пришёл быстро.

Проснулся дед Иван от терзавшего тело холода, зубы бились в бесконечном ознобе. Иван сжался калачиком и с усилием напряг мышцы, раз, другой, третий — озноб медленно начал уходить, но согреться окончательно не получилось. Иван сел, бросил на едва краснеющие угли несколько небольших веток, и когда те занялись, набросал сверху несколько больших берёзовых обломков. Огонь постепенно разгорался, Иван встал, потрогал рукой висевшую на ветках одежду — та уже не была мокрой, но всё же влага в ней чувствовалась. Поразмышляв, Иван решил переодеться. Увы, холодное бельё придало ознобу дополнительной силы. Пришлось вновь напрягать мышцы. Костёр разгорелся, по телу пошло тепло. Иван лёг и быстро уснул. Проснулся за полночь — вновь от дрожи. Подложил в костёр дров, согрелся и вновь уснул. Во сне привиделась Чечня, зимний лес, пронизывающий холод и звук автоматных очередей. Проснулся под стук собственных зубов. Возился с костром, согревался, уснул. Через час опять проснулся и всё повторилось. И так до рассвета. Чуть забрезжило, окончательно проснулся. С трудом встал — болели все мышцы, тело сотрясал озноб.

«Как на задаче, — подумал и тут же сам себе напомнил: — на задаче не было костра. Зябко. Ладно, сейчас картошечки испеку, поем, согреюсь. Жаль, воды маловато, а то хоть и в бутылке вскипятить можно было бы. Кружку забыл, дурак. Хорошо хоть спички взял. А то бы куковал тут».

Перетруждённые мышцы никак не желали работать. Каждый шаг, каждое движение отдавало болью. Иван едва смог загрузить на себя рюкзак.

— Ничего, ничего, — привычно подбодрил он сам себя, — сейчас мышцы разогреются и станет легче.

Легче не стало, но к полудню за спиной остались очередные километры. В попавшейся по пути лощине обнаружил небольшое озерцо — досыта напился, наполнил бутылку и пошёл дальше.

К вечеру Иван понял, что переоценил собственные силы — обе поклажи было не дотащить. Прикинув так и сяк, оставил мешок на обочине полевой дороги, нарочно высыпав из него десяток клубней.

— Может, найдёт кто, — Иван пожалел, что не оставил мешок в машине. — Правильно бабка говорит: «Совсем уже дед, а всё как молодой думаешь».

— Но сила-то ещё есть, — продолжал вслух рассуждать Иван. — Вот только суставы и спина ни к чёрту, да и сердечко нет-нет да болью в рёбра даёт. Ладно, мне только до своих добраться, а там вернуться домой и за здоровый образ жизни возьмусь. Творожок по утрам, зарядка и никаких неожиданных нагрузок.

К ночи добрёл до заброшенной деревушки, ещё лет тридцать назад вполне процветающей, — по центру виднелись развалины большого сельского клуба.

Из полусотни некогда стоявших тут домов только ещё два не были снесены до основания. В одном из них Иван и решил заночевать. Хоть замки на дверях и оказались выломаны, но внутри особого разора не наблюдалось. Посередине избы стояла большая кирпичная печка, а у южной стены сохранилась так и неиспользованная хозяевами поленица дров.

Разжигать печь пришлось долго — дым никак не желал уходить в холодную трубу. Пришлось вначале разжечь несколько тонких щепочек и по мере появления небольшой тяги постепенно подкладывать щепки потолще. Наконец, когда в трубе послышался гул уносящегося вверх воздуха, Иван предложил огню первое настоящее полено. Вскоре дрова трещали, пламя ревело, а Иван, найдя подле печи небольшой совочек, запекал на нем картофельные клубни.

В мерцающем свете печного огня Иван поел и стал обустраиваться на ночлег — подтянул к печи старый диван и, брезгливо смахнув с него мышинный помёт, в который раз пожалел, что не захватил с собой полиуретановый коврик. Подложив дров, завалился спать.

Холод, пробравшийся сквозь растрескавшуюся дверь и щели в рамах, разбудил его только под утро. Поднявшись, Иван первым делом растопил печь, потом не спеша перекусил и, покинув гостеприимный дом, продолжил движение. По его расчётам ему предстояло полтора дня пути.

Но мы предполагаем, а Господь располагает. К болям в коленях и мышцах в то утро добавилась сильная боль в правом бедре, да ещё начало время от времени сводить судорогой правую ногу, и тогда приходилось останавливаться, скидывать с себя рюкзак и подолгу стоять или лежать, ожидая окончания болевого спазма.

К ручью, который Иван планировал пересечь этим днём, он добрёл уже затемно.

— Надо переходить, — решил он сам для себя, — иначе могу завтра и до ночи не успеть.

Берег оказался илистым, заросшим осокой. Иван подобрался к кромке воды и принялся раздеваться. Снял всю одежду и свернул в узел. Берцы, связав шнурками, повесил на шею. Взялся за рюкзак и понял, что не достанет сил взвалить его на спину. Тогда Иван лег на рюкзак, закинул лямки на плечи, кряхтя от боли и усилий перевернулся, встав на колени (при этом рюкзак оказался на спине), сжав зубы, поднялся на ноги. Боль в коленях так и стрельнула. Вспомнил про лежавшую одежду, мысленно кляня себя за тупость, сцепил зубы и сквозь боль присел. Схватил узел, с трудом встал и, повернувшись к ручью, шагнул в воду. Уже по позднеосеннему ледяная вода обожгла икры, и мгновенно вверх по телу метнулся озноб.

По мере движения вперёд уровень воды поднимался всё выше. Вскоре он достиг паха, но по счастью на этом и остановился.

Иван всё ближе подходил к противоположному берегу, оставалось сделать два-три шага.

«Нормально»... — подумал Иван Павлович, и в этот момент «проклятушую» ногу свело судорогой, она подломилась, и Иван, не удержавшись, полетел в воду. Ушёл с головой. Боль в ноге не отступала. Кое-как, почти по-пластунски, даже не пытаясь вытянуть из воды одежду, Иван добрался до берега и буквально вполз на покрывавшую его осоку.

— Мать моя женщина! — почти выкрикнул он и, вытянув ногу, постарался сдержаться и больше не кричать от исходившей от неё боли. Наконец она отступила. И хотя из-за потраченных усилий холода Иван не чувствовал, следовало срочно одеться. Вот только могла ли согреть одежда, побывавшая в воде?

Вначале Иван Павлович обрадовался: ему немного повезло — свёрнутая в узел одежда промокла только частично, но когда, сунув руку в карман рюкзака, он обнаружил на-

сквозь промокшие спички...

— Старый дурак! — спешно одеваясь, ругался он на самого себя. — Почему? Почему не завернул коробок в полиэтилен? Идиот! На что надеялся? На авось? Вот и понадеялся. Ай, блин! Ай да дурак... — Качая головой, он вылил воду из берцев и, выбирая влагу, протёр внутри сорванной тут же на берегу пожухлой травой. Мокрые спички не оставили ему выбора: несмотря на усталость и ночную темноту, требовалось идти вперёд. Может быть, следовало включить телефон и позвонить сыну, но Иван Павлович не желал этого делать, находя для этого множество причин. И самое главное: где бы в лесу они стали искать друг друга?

— Ничего-ничего, — успокаивал Иван сам себя, — до города недалеко. Дотяну. Как-нибудь. Хорошо хоть сын в новом микрорайоне живёт, на окраине. До центра б точно не дошёл.

Иван вздохнул, взвалил на себя рюкзак и медленно пошел к городу.

К утру его бил озноб, щёки горели, правая нога так и норовила подвернуться. Но он дошёл. Солнце ещё только-только поднималось над горизонтом, патрулирующих улицы полицейских не было, и он, не будучи никем остановлен, добрался до знакомой многоэтажки. Подойдя к двери в подъезд, понял, что сил не осталось. Опустился прямо на плиты, некоторое время сидел, приводя в порядок дыхание, потом скинул рюкзак, вытащил из бокового кармана бутылку с остатками воды, попил, потом медленно поднялся, с трудом сдерживая вдруг начавший рваться из груди кашель, принялся тыкать пальцем в кнопки домофона.

— Да? — донесся до Ивана Павловича уставший голос снохи.

— Это я, свёкор, — стараясь говорить как можно ровнее, сообщил Иван.

— Папа?! — воскликнула сноха.

— Да, Нин, это я. Я вам картошки при... вёз.

— Сейчас я тебе дверь открою, — засуетилась сноха.

— Не надо, — запротестовал Иван. — Не буду заходить, а то досажусь у вас, и тью-тью, полиция загребёт. Мне только картошку передать.

— Я шас, я шас спущусь... — засуетилась Нина.

— А Женька где?

— На дежурстве он, на дежурстве, — сообщила сноха и спешно добавила, — иду. Я уже иду.

Иван облегчённо вздохнул, закашлялся, чуть отодвинул от двери рюкзак и отошел в сторону. Так и стоял метрах в

пяти, следя за стоящим подле входа рюкзаком.

Дверь в подъезд распахнулась, в образовавшемся проёме показалось исхудавшее до невозможности лицо снохи. Щёки ввалились, под глазами темнели круги. Иван почувствовал, как на его голове зашевелились волосы — сын ему врал. Он всё время говорил ему неправду, сообщая о якобы постепенно увеличивающихся продовольственных нормах. И находился ли он сейчас на дежурстве или лежал пластом в постели, это был, как говорится, большой вопрос. Но больше сделанного Иван сделать не мог и потому не стал приставать к снохе с вопросами, сделав вид, что не замечает её худобы.

— Папа! — взгляд на тестя и тут же на стоявший подле двери рюкзак. — Это всё нам?

Иван кивнул.

— Вам.

— Папа, — Нина вознамерилась шагнуть к свёкру, но тот остановил её движением руки.

— Не надо. Не подходи, у вас тут зараза ходит. Повидались и хорошо. Привет мужчинам. — И кивок на рюкзак: — Доташишь?

— Дотащу, — сноха попробовала улыбнуться. — Мне только до лифта, а там уж... — Она не договорила, взяла своими тонкими ручонками за одну из лямок и, упираясь из всех сил ногами, втянула рюкзак в подъезд. Дверь захлопнулась. Иван услышал шелест, исходивший от трущегося о кафель рюкзака.

«Донес...» — сам себе не веря, подумал Иван, с трудом сдвинулся с места и, хромая, отправился в обратный путь.

Ручей он пересёк в два часа дня. К этому времени спички уже высохли, и Иван сразу принялся разводить костёр. Сделать это оказалось не просто — руки дрожали настолько сильно, что он несколько раз промахнулся по коробу, потом сломал спичку, но в конце концов спичка вспыхнула, и собранная им сухая трава загорелась с легкостью. От неё занялись сложенные шалашиком веточки, потом костёр разгорелся вовсю. Пламя обжигало. Но Иван никак не мог согреться. Его бил озноб, при этом кожа, казалось, горела огнём. Примерно через час Иван спустился к ручью, набрал в пластиковую бутылку воды. Согрел её на огне, напился. Наполнил вновь, согрел, положил за пазуху. От горячей бутылки по телу расплзлось тепло, но Иван так и не согрелся. К тому же его начал сотрясать кашель. Иван решил больше не засиживаться и, пригасив костер, отправился дальше. Шёл долго.

Приступы кашля становились всё чаще.

Вечер наступил как-то удивительно быстро, но до забро-

шенной деревни он всё же добрался. А приютивший его чуть ранее дом показался почти родным. На этот раз ещё не до конца выстуженная печь разгорелась быстрее. Иван пошел у огня, напился воды, лег на диван, и, подумав о том, что в прошлый раз следовало оставить здесь немного картофеля, погрузился в сон. Во сне вспомнился разговор, состоявшийся ранней весной в самые первые дни «самоограничений»:

— Знаешь что, Саныч, я вот думаю, не биологическая ли это война?

— Ну, ты хватил! — замахал руками сосед.

— Нет, я не утверждаю. Но посуди сам: как так получилось, что при локализации заболевания в Китае, при относительно малом количестве заражённых, эпидемия очень быстро охватила большинство стран мира? А это самоограничение и сидение по домам? Ты знаешь, что я прочёл в инете? Распространению вируса способствует дефицит витамина D! И это, между прочим, ирландские учёные заявили. А ведь этот витамин у нас именно солнышко помогает вырабатывать. Видишь как? Солнце нужно. Нас же всех по домам и квартирам запирают.

— Но ты-то не взаперти сидишь.

— Я-то нет, а в городе? Знаешь, мне иногда кажется, что и у нас вирус целенаправленно распространяют.

— Не мели ерунды, Палыч! Не придумывай!

— Да я и не придумываю, а мысли бродят. Сам не знаю, какие верные, а какие нет.

— Истина где-то рядом, — авторитетно заявил сосед. Иван промолчал. И на этом разговор окончился.

Проснулся Иван от трясучки. Колотило так, что один за другим начали крошиться керамические зубы. Но трясло его не от холода — во всём теле Ивана Павловича бушевал жар. Подбрасывание дров ничего не дало, тело будто и не замечало идущего от печи тепла. Беспреданно хотелось пить, и к рассвету воды в бутылке осталась самая малость.

— Ничего, ничего, до машины доберусь, а там и без воды дотерплю, — решил Иван и допил оставшиеся капли. Едва из-за горизонта вышло солнце, он продолжил движение. С грехом пополам добрался до места, где оставил мешок, но того там уже не было.

«Слава богу, кому-то пригодился, — мелькнула мысль, но он всё же пригляделся к обочине, выискивая потерянные картофелины. Не нашел. Вздохнул и продолжил путь.

Он не хотел верить, хотя уже издалека опознал место, где была оставлена машина, до последнего надеялся, что ошиб-

ся, но память его не подвела. Силы оставили его. Иван Павлович опустился на колени, из глаз потекли слезы — на том месте, где несколько дней назад стояла машина, совсем недавно бушевал пожар. Среди обуглившихся веток серо-коричневым бугром возвышался остов машины — неподалёку от пожарища лежали свежие пивные банки.

— Твари! — только и выдохнул Иван. Смахнул с глаз слёзы, нашёл силы и, встав, пошёл в сторону родного дома. Грудь щемило неимоверной болью.

Надежда не выдержала — позвонила сыну.

— Здравствуй, мама, — тихим, болезненным голосом ответил тот.

— Здравствуй, Женечка! А папа всё ещё у Вас?

— Нет, — в голосе сына появилось беспокойство, — он как четыре дня назад привёз нам картофель, так больше и не объявлялся. Я звонил ему, не отвечает. Может, заехал к кому?

— Так к кому ж ему, кроме вас, заезжать?

— Тогда, наверное, полиция задержала, — предположил сын, сам почему-то не веря в сказанное.

— Наверное, — вздохнула мать. — Поди, на пятнадцать суток упекли, а ещё штраф, — она вздохнула, в душе надеясь, чтобы именно так и было. — А вы-то как там?

— Сейчас хорошо, — Евгений решил признаться. — Папа нас здорово картофелем выручил, а то совсем голодно было.

— Ой, Женечка, а что дальше-то будет?

— Нормально всё будет. Через неделю карантин снять обещали. Так что всё хорошо, всё хорошо.

— Дай Бог, чтобы так. Дай Бог.

— Береги себя, — попросил Евгений и, чувствуя, что его покидают ещё не полностью восстановившиеся после длительного голодания силы, отключил связь.

Карантин сняли через неделю после первых случаев голодных смертей. На следующий же день через регионы потянулись фуры с продовольствием. Призрак тотального голода отступил. Ни машины, ни деда Ивана в ту осень так и не обнаружили.

г. Тамбов

ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ!

РАССКАЗ

Колоколов средневековый
Певучий звон, печаль времён...
И.А. Бунин

Ровно через неделю заканчивался у Захара Ключарёва срок заключения. Аккурат двадцать лет — день ко дню, ночь к ночи провёл он в этом безумстве.

Иногда ему казалось, что ещё одна такая грань — и он сойдёт с ума. Днём было ещё терпимо: спасала работа, вечером можно было сыграть в шахматы, а ночь становилась настоящим безумием. Откуда-то выползали наружу рогатые черти, обступали его и щипали за тело. Он закрывался от них в одеяло с головой и до самого утра боялся высунуться.

В такие минуты ему казалось, что лучше бы его приговорили к смертной казни, чем вот так мучиться. Сказать, что он отсидел эти годы незаслуженно, было, по крайней мере, несправедливо. Ведь это он, своими руками перерезал чужую семью. Эта картина не раз всплывала у него ночами. Он вскакивал, как бешеный, и до крови бился головой в глухую сте-

ПРОЗА

ну. Сокамерники отгаскивали его, успокаивая. Он затихал, но боль на сердце ещё долго не умолкала.

...В эту квартиру они с Толяном залезли по наводке. Хозяин был из «новых русских». В его руках была пара магазинов, небольшая гостиница и даже городская баня. В квартиру проникли без всяких трудностей. Случай был особенный: хозяева всей семьёй решили посетить гастролировавший в городе московский театр. Как минимум, в их распоряжении было около двух часов. Всё шло слаженно: удачно вскрыли сейф и всё содержимое сложили в рюкзак. И только собрались уходить, как замок входной двери зашевелился, и на пороге появились хозяева. Как потом выяснилось: из-за болезни одного актёра спектакль пришлось отменить. Картина была ужасающей, как для одной стороны, так и для другой. Первым из оцепенения вышел хозяин квартиры:

— Так, ребяташки, давайте будем считать, что сегодня не ваш день. Опускаем на пол рюкзачок и тихонько выходим из дома. Или здесь скоро появятся охранники. Картина ясна?

Захар с корешом переглянулись и согласно кивнули головой. Но они не собирались вот так легко расстаться с награбленным. Блеск золота ещё маячил у них перед глазами. Как из катапульты, подбросило Толяна, и он в один миг оказался около пожилой женщины. Как овце, перерезал он ей горло. Завизжали два подростка. Наступила очередь Ключарёва. Ему было проще: жена хозяина, не успевшая даже снять шубку, стояла рядом. Он перехватил её горло одной рукой и вонзил нож под левую лопатку. Потом оттолкнул её к ногам хозяина. Перевес оказался на стороне бандитов. Так подумал Толян, когда нагнулся, чтобы поднять с пола рюкзак. В это время неожиданно раздался выстрел, и он упал, как подкошенный. Хозяин уже переводил руку с пистолетом в сторону Захара. Но Ключарёв опередил его и метнул нож в мужчину. Бросок был точным: нож воткнулся в горло хозяина. Захар подошёл к нему и снял с его ладони пистолет. Подобрал наворованное и остановился около двух рыжих мальчишек. Их трясло.

— Ладно, живите, пацаны. Крови сегодня и так достаточно.

На лице одного из них он запомнил над левой бровью чёрную родинку.

Но дойти ему удалось только до подъезда. Там его ждали охранники. Только на суде выяснилось, что перепуганные мальчишки сумели всё-таки нажать на тревожную кнопку. Захар был арестован с поличным. Было ему тогда тридцать лет.

Жена навестила его только один раз. Сидели друг перед другом за стеклянной перегородкой и разговаривали по телефону.

— Зачем ты это сделал? — кричала она на него. — Ты опозорил нас на весь город. Наташка не может даже ходить в школу.

— Я же для вас всё делал, — нерешительно оправдывался Захар. — Ты сама не работала. Мне на заводе не платили. Ты ведь догадывалась, чем я занимаюсь. Ведь таких денег, которые я приносил, на заводе не платили.

— Лучше бы ты нас перерезал! Как нам теперь с таким позором жить? — зарыдала жена. — Ты настоящий зверь! От тебя даже сейчас кровью пахнет! Как я могла только жить с тобой? Сколько бы тебе ни дали, я ждать тебя не буду. Разведусь и уеду в другой город. Нас никогда не ищи.

Так она и поступила.

За три дня до освобождения Захара вызвал к себе начальник тюрьмы. «Кума» уважала вся тюрьма. Правильный был мужик. Ключарёв знал полковника хорошо. И не только его одного, а всю его семью. Несколько раз ремонтировал им квартиру, а потом и дачу строил.

— Ну что, Ключарёв, скоро на свободу с чистой совестью? — встретил его полковник. — Да ты садись! — и он жестом пригласил его сесть.

— Да что-то нет особой радости, — опутившись на табуретку, отозвался Захар. — Ума не приложу, куда мне идти, где жить, как зарабатывать на жизнь. У меня нет даже вольной одежды. И шансов не попасть сюда назад тоже практически нет. Может, не к вам, так в другую тюрьму? У нас их по стране ого-го сколько! В тюрьме всё проще. Накормят, оденут... Наша свобода — это как отмена крепостного права. Не помню, при каком царе она была. Вроде бы ты на воле, но что делать с ней — не знаешь. Никому ты не нужен, все от тебя шарахаются...

Захару было стыдно своей словарной нищеты, его угловатых слов. Но когда вот так запросто можно поговорить по душам с самим начальником тюрьмы?

Ключарёв был невысокого роста, седоголовый, с круглым лицом, с крупными ладонями и с серыми грустными глазами.

— Ты по какой статье-то сидел? — перебил его полковник.

— По 105-й, за убийство...

— Ну вот видишь. Убил человека и хочешь, чтобы тебя на воле встретили с оркестром? Нет, брат, теперь тебе нести этот крест всю жизнь...

— Да ничего я не хочу! — откровенно признался Захар. — Я вообще жить устал. Люди возвращаются домой, а у меня какой дом? Ни кола, ни двора. Да и страна стала совсем другой. Не будет мне в ней места...

— Ну, это ты зря, — успокоил его полковник. — Человеку всегда место найдётся. А ты оставайся при церкви, — осенило вдруг начальника тюрьмы. Ведь она, в сущности, твоя. Если бы не ты, так не быть бы ей. Сколько труда ты в неё вложил! Небось, каждое брёвнышко обласкано твоими руками. Отправим тебя учиться на звонаря, и будешь при церкви всю жизнь. Чем плохо? Да с твоей фамилией сам Бог велел тебе тут быть. В старину эту должность давали сыновьям церковных сторожей. Ну как?

— Надо тут подумать, — нерешительно отозвался Захар, хотя предложение полковника ему понравилось.

— Ну думай, думай... А я вот для чего тебя вызвал, — продолжил разговор полковник. Встал, размял спину и несколько раз прошёлся к окну. — Не задержишься ли ты у нас на пару недель? Всё-таки надо довести дело до конца. Во-первых, привезти с завода колокол и установить его. Завтра мы тебе выпишем какие полагаются документы. Ну а временно поживёшь в прапорской комнате.

— Я с удовольствием! — просиял лицом Ключарёв. — Я только и думаю о том, как это произойдёт. Хотелось бы довести это дело до самого конца.

— Значит, по рукам?

— По рукам, — смутился Захар. — Для меня это очень важно. И для других. Вчера мой сокамерник прочитал перед сном молитву «Господи, помилуй». И я понял, что он не просто читал молитву, а просил Бога о помиловании. Это его самая надёжная инстанция. Он верит не в суд, а в молитву.

— Простить... — вслух произнёс полковник. — Ведь за каждым из вас столько горя тянется. И сколько бы вы ни отсидели, вы не в состоянии искупить своей вины. Вот ты убил человека, отсидел и на волю — спокойненько доживать свои дни, а справедливо бы было, чтобы ты каждый день видел скорбные глаза его родственников. Чтобы всё твоё нутро переворачивалось.

— А кто и как может измерить мои муки? — не выдержал Ключарёв. — Я несколько раз уже здесь умер. Меня прежнего уже давно не существует. Я просто тень того Ключарёва...

Такие разговоры у них не были редкостью. Полковник любил эти беседы. Однажды во время такого разговора Захар выложил перед полковником несколько пустых спичечных коробок с нарисованными от руки церковными купола-

ми. А перед другой встречей он вырезал миниатюрные детали из медной фольги и сложил из них верхушки хоругвей.

— А почему бы в нашей тюрьме не построить церковь? — мирно спросил Ключарёв.

— А может, детский сад лучше? — невозмутимо ответил начальник тюрьмы с улыбкой.

— Почему-то многие считают, что преступник должен мучиться в тюрьме, — проговорил задумчиво Захар.

— Именно так, дорогой ты мой! — не выдержав, выкрикнул полковник.

В конце концов разговор закончился тем, что полковник обещал подумать. И эту идею «зэка», к его великому удивлению, там, в «верхах», поддержали.

Первой проблемой, конечно, были деньги. Набрать начальную сумму, достаточную хотя бы для приобретения деревянного сруба, казалось делом фантастическим. Серьёзная проблема возникла даже при поиске подходящего проекта храма. В ответ на многочисленные письма с просьбами о помощи в различные организации и ведомства в основном приходили лишь советы, обещания и рекомендации. Было время, хоть руки опускай. Но Ключарёв не сдавался. Внутри тюрьмы он организовал сбор средств на будущий храм. Вносили деньги заключённые, тюремщики, родственники заключённых. Вся тюрьма обращалась через молитвы за помощью к Богу. И лёд постепенно тронулся.

Многие обратили внимание на то, что все значительные события, связанные с храмом, выпадали на четверг. На месте намеченного фундамента именно в этот день читал акафист святителю Николаю Чудотворцу прихожий священник. И будущий храм было решено освятить в честь этого особо почитаемого на Руси святого.

Верующий человек в случайности не верит. Не верили в совпадения и заключённые... Но это чудо обнаружил на себе Захар. После рытья котлована под фундамент у него каким-то неожиданным образом исчезла с ладоней экзема, которая прицепилась к нему ещё с детства. Слух об этом быстро пролетел по всей тюрьме, и заключённые стали верить каждому его слову..

Начали рассылать письма по другим тюрьмам. Написали даже обращение в воровской обшак. И через месяц у себя во дворе заключённые уже разгружали готовый деревянный сруб пятикупольного храма со звонницей.

Не откладывая дела в долгий ящик, начали воздвигать основную часть храма — шестиметровой высоты крестообразный сруб. К зиме внешняя работа была готова. Над кры-

шей храма каждое утро привольно поднималось солнце, опуская свои первые лучи на окна тюрьмы. Ранние лучи были тёплыми, как мысли о родительском доме.

Предстояло ещё оформление стен. Но своих иконописцев не было. Такие в тюрьмы не попадали. Захар украсил своё скромное жильё иконками, раздобыл лампадку, и она горела у него целыми вечерами.

И всё-таки нашлись такие таланты! В каждой камере находились свои мастера татуировок. Был и в их камере такой мастер-тату. Настоящий художник своего дела. Захар в этом убедился, когда он наколол на его груди святителя Николая Чудотворца. Захар высказал свою мысль полковнику, и вскоре в тюрьме была создана целая бригада мастеров-тату. Усилиями таких художников и был расписан иконостас и стены всего храма.

Теперь осталось дело за колоколом, который будет на весь окрест разносить бронзовым звоном молитву без слов.

Соседний металлургический завод принял у них заказ. Его уже давно отлили, осталось дело за малым: доставить на место. Полковник сам отобрал для этого заключённых. Теперь они все были для него не заключённые, а пробуждённые от греховного сна... Конечно, среди них был Ключарёв.

В поездку за колоколом подготовили две машины. Одна — для перевозки заключённых, другая — жёлтый «КамАЗ» — для самого колокола. Накидали в него верёвок, досок и выехали за территорию тюрьмы. За воротами машины остановились, пока водители оформляли путевые листы. Захар повернулся к окну, оглядывая стены тюрьмы со стороны улицы. И вдруг отпрянул. Прямо перед их машиной был припаркован синий «Форд», а рядом с ним проминались два парня. Одного из них Захар скорее почувствовал, чем узнал. Это был тот рыженький паренёк с чёрной родинкой над левой бровью. Теперь это были уже не подростки, а настоящие мужчины. Не было никаких сомнений, что они ждали его. Но откуда они могли знать день его освобождения? Впрочем, это его уже не интересовало, пугало другое: приготовились убить? Кровавая месть? Лёгкая испарина покрыла его лоб... Стоило ли мучиться все эти двадцать лет, чтобы вот так легко получить пулю в лоб? Он отвернулся от окна, прикрыв его спиной. Вскоре машина тронулась. Захар облегчённо вздохнул. Мужики о чём-то громко переговаривались, и только один Ключарёв всю дорогу молчал. Молчали и охранники. «Значит, вот так дело оборачивается», — размышлял Захар. Как ни странно, эта встреча не испугала его. Он уже давно её ждал. Значит так сыновья решили. Ну что ж, мужское реше-

ние. Но за этот поступок и им предстоит нести ответ. Уже перед законом. Не ведают, что творят. И Ключарёву стало жаль парней. Ведь им предстояло пройти такой же тюремный путь, который прошёл он сам. Не стоит он этого. Может, повеситься самому ночью в камере? Пусть пацаны живут спокойно.

И вдруг ему нестерпимо захотелось увидеть свою дочь. Сколько ей сейчас? Уже давно взрослая. Хоть одним бы взглядом взглянуть. Увидеть и умереть. Интересно, как сложилась её судьба? Думала ли она когда-нибудь о нём? Скорее всего, нет. А то бы хоть раз навестила его. Наверное, уже давно стала женой и матерью. Растёт где-то без него внучка. Он почему-то был уверен, что у его дочери родилась девочка. Захар глубоко и тихо вздохнул. И мысль повеситься как-то отошла сама собой.

До завода доехали часа через три. В цехе, куда их завели, стояло два ряда колоколов. От них нельзя было отвести взгляда. Их подвели к одному и сняли с него фанерную табличку. Было это, как в родильном доме, когда на малыша вешают клеёнчатый номерок с именем. Вместе с рабочими цеха подняли колокол и опустили его в кузов «КамАЗа». В другом месте загрузили язык.

Директор завода пригласил всех в столовую и накормил вкусным обедом. Выслушал их историю. И когда прощались, сказал:

— Мы строим храм Господу на земле, а Господь помогает нам создать храм Свой в наших душах. Это чувство трудно-объяснимое. Впрочем, как непередаваемо словами и многое в вере.

Возвращались в тюрьму к вечеру. Почти из всех окон выглядывали заключённые. Опустили колокол по доскам на песок и сели вокруг него кружком. И каждый чувствовал, как зависает в синем небе мелодия его колокольного звона.

В эту ночь Захар долго не мог уснуть. Через открытое окно проникал приятный сквозняк. Он обнюхивал лицо Захару, как служебная овчарка. Скоро всего этого не будет. Он навсегда перешагнёт порог тюрьмы, и наконец закончатся его мучительные дни. И он как-то совсем забыл, что завтра могут закончиться не только его тюремные дни, но и вся его жизнь. Он ясно увидел перед глазами синий «Форд» и двух этих рыжих парней. И он вдруг подумал: иногда человеку так надо в грязи извлекаться, столько горя людям принести да и свою жизнь так искалечить, что лишь оказавшись в неволе, он очнётся, ужаснётся от содеянного и впервые произнесёт: «Господи, помилуй!». Захар вскочил и перекрестился. И

в последний миг он успел заметить, как высоко в небе погасла одинокая звезда. Была — и не стало её. Так гаснет слабая свеча, охваченная сквозняком.

Утром следующего дня поднимали колокол. Майский день был тихий и безоблачный. Для этого дела пригласили настоящих профессионалов. Помогали и заключённые. Где верёвками, где по доскам волокли колокол наверх. И вот последняя ступенька. И солнце полыхнуло в глаза, ударило жаркими лучами по бронзе, и, казалось, что весь двор тюрьмы осветился каким-то сказочным светом.

Захар погладил своей тяжёлой рукой крепкую спину колокола и засобирался вниз. Полковник ждал его около церкви.

— Ну что, не передумал? — продолжил он их старый разговор.

— Да нет, гражданин начальник, — отозвался Захар. — У меня на воле ещё много недоделанных дел. Хочу пожить по-человечески. А может, и семью удастся отыскать.

— Ну смотри, — не стал спорить начальник тюрьмы. — Вот твои документы. Не дури больше. Живи как человек.

Они пожали друг другу руки, и каждый пошёл своей дорогой.

Захара в проходной долго не задержали. Выдали джинсовые брюки, свитер двадцатилетней давности. В ведомости на его счёт денег было — одни крохи. Все заработанные рубли он перечислял на строительство храма. Захар перешагнул порог тюрьмы и остановился. Над его головой колыхался купол дня.

— Хорошо-то как! — громко воскликнул Ключарёв и раскинул в стороны руки.

«Форд» стоял на своём прежнем месте, а рядом с ним — знакомые Захару два рыжих парня. Захар с прищуром взглянул на них и, чуть не коснувшись их, прошёл мимо. Он слышал, как за спиной хлопнули дверцы машины, как она развернулась и, шурша колёсами, медленно последовала за ним. Захар ждал каждую минуту. «Собьют или стрелять будут?» — строил догадки Ключарёв. В таком напряжении он дошёл до магистральной дороги и шагнул налево, в сторону города. Рубашка его давно уже взмокла, и он расстегнул её ворот, обнажив наколку Николая Чудотворца.

Машина обогнала его и за несколько метров остановилась перед ним. Стрелять из неё начали, когда он почти вплотную подошёл к ней. Чёрное дуло автомата затряслось, оглушая воздух выстрелами.

— Торопитесь, мальчишки... Он хотел ещё что-то сказать, но слова словно застряли в горле, и он повалился на обочину.

Машина сорвалась с места и, виляя по дороге, рванула к городу.

Выстрелы услышали тюремщики на проходной. Два солдата побежали на этот шум. Ещё издали они увидели лежащего на дороге мужчину. Одна его рука была подмята под себя, другая — вытянута вперёд.

Солдаты подошли ближе.

— Слушай, так это же Ключарёв! — узнал один из тюремщиков. — Неужели снова кровная месть? Прямо заколдованное место! А ведь мужик неплохой был. Церковь построил...

— Кто-то долго копил обиду, — высказал догадку второй охранник. Нагнулся и пощупал пульс. — Слушай, так он жив! Всю наколку изрешетили! Видать, спас его Николай Чудотворец! Чего стоишь, беги за врачом!

Молодой солдат живо кинулся к проходной. Другой остался стоять около Захара. Вытащил сигарету и дрожащими пальцами прикурил её только со второго раза.

Через несколько минут к ним от проходной уже бежали люди. Санитары несли носилки. А тем временем Захар проваливался в глубокую пустоту, где ему было всё знакомо, как в детском сне. Он смыкал глаза и временами уже не слышал этого суетливого шума вокруг него. Кто-то хлопал его по щекам, прикладывал к носу ваточку с нашатырным спиртом. Небо качалось над ним и, как облака, плыли носилки с его телом...

г. Коломна Московской обл.

ДЕСАНТ МИРОВОЙ ЗАКУЛИСЫ

В марте 1910 года Якова Свердлова ссылают в Нарымский край сроком на три года. В Нарыме он познакомился с Ш.И. Голошекиным, ставшим впоследствии его личным представителем в Екатеринбурге, где убивали Романовых. В уральской мафии Свердлова действовали отпетые убийцы. Один из соучастников расстрела Царской семьи — уголовник П.З. Ермаков — по заданию БОНВ (боевого отряда народного вооружения) в 1907 г. убил полицейского и отрезал ему голову; в том же году он совершил вооруженное ограбление транспорта с деньгами. Другой уголовник — Илюша Глухарь — специализировался на устранении полицейских, которых убивал «своим способом» — выстрелом между глаз. Еще один выходец из свердловского БОНВ — большевик Смирнов: заподозрив свою жену в том, что она его выдала, собственноручно расстрелял ее.

В годы советской власти Свердлова представляли в роли «пламенного революционера» и даже теоретика (это при четырех-то классах образования (!) марксизма, хотя при всех его незаурядных организаторских способностях он в нем ничего не смыслил. Его

УРОКИ ИСТОРИИ

биографы писали о нём как о человеке, одержимом некоей сумасшедшей идеей. Но, скорее, Свердловым двигала лютая ненависть ко всему тому, что символизировало царскую Россию, её мощь и величие — к монархии и дворянству, к чиновничеству и полиции, к армии и казачеству, к купечеству и зажиточному крестьянству, но прежде всего к русскому народу и его Православной Церкви. В духе этой ненависти его отец — Мовша Свердлов — воспитал всех своих детей, хотя сам формально принял Православие, что избавило его самого и его семью от ограничений черты оседлости.

Будущий палач Царской семьи бредил цареубийством. Еще 6 (19) мая 1905 года, в день рождения Государя, Свердлов пишет листовку, в которой говорилось: «Пробил твой час, последний час тебе и всем твоим! То страшный суд, то революция грядет!» (Новгородцева К. Т. Яков Михайлович Свердлов. М., 1957. С. 29). Он видел себя кем-то вроде всадника Апокалипсиса, которому суждено поставить на колени Россию и уничтожить ее.

Петр Мульгатули, автор ряда работ об убийстве Царской семьи, писал о нем: «Находясь под знаменем социал-демократии, Свердлов преследовал свои, известные только небольшому кругу лиц далеко идущие цели. Для этого он воспользовался большевистской вывеской». Городецкий и Шарапов, советские биографы Свердлова, так охарактеризовали эту деятельность Свердлова: «Полтора десятка лет до октября 1917 года Свердлов работал в России. Ему не довелось побывать ни на одном партийном съезде (курсив мой. — В.Б.), хотя он и был работником всероссийского масштаба. «Работа его до революции была незримой, — по меткому определению Луначарского. — Это был именно тот повседневный труд, который исподволь готовил революцию» (Городецкий Е., Шарапов Ю. Соч. С. 7). После Февральской революции Свердлов перебирается в столицу и участвует в Петрограде в 7-й Апрельской конференции РСДРП (б), где он впервые встречается с Лениным. На конференции никому не известного Свердлова избирают секретарем ЦК, что вызвало резкое противодействие Ленина. Но он сопротивлялся недолго. Свердлов всячески услуживал вождю, выполняя для него различные текущие дела и мелкие поручения. И вскоре настолько завоевал его доверие, что возглавил Секретариат ЦК РСДРП (главный исполнительный орган ЦК, реализующий решения партийных вождей).

Троцкий пишет, что впоследствии, когда Ленин «оценил» Свердлова, он говорил: «А ведь мы были вначале против его введения в Центральный Комитет, до такой степени недо-

оценивали человека! На этот счет были изрядные споры, но снизу нас на съезде поправили и оказались целиком правы» (Свердлов Я. М. Сборник воспоминаний и статей. М., 1926). Между Троцким и Черным Янкелем была особая связь...

«На самом деле, до сих пор неясно, — пишет Мультатули, — кто «поправил» Ленина и убедил его или заставил включить Свердлова в партийное руководство. Но именно с этого момента начинается стремительный карьерный рост Якова Свердлова. Свердлов явным продвигала какая-то сила, к которой ни Ленин, ни большая часть большевиков не имели прямого отношения». Под этой таинственной силой Мультатули да и ряд его единомышленников, писавших о Свердлове и других большевистских лидерах, подразумевают ту самую мировую закулису, с помощью которой был организован Октябрьский переворот большевиков. Он пишет: «Свердлов представлял интересы тайных организаций Запада, а конкретно обитателей небоскреба на Бродвее, 120, всё тех же Шиффа, Лейба, полковника Хауса и так далее. Именно эта сила организовывала в России целые вооруженные группы своих боевиков».

Свердлов не был ключевой фигурой ни в одной из трех «русских революций» 1905—1917 годов. В 1905 г. ему было всего 20 лет. За границу он не выезжал ни разу в своей жизни, хотя к этому и активно готовился. С Шиффом и Лейбом его брат Бенья познакомился в США только в 1914 г. У самого Якова Свердлова связи с зарубежными государствами завязались только после Октябрьского переворота, после которого он прожил всего два года. И тем не менее он действительно всей своей деятельностью до и после 1917 г. играл на руку антирусским силам. Его духовным и политическим наставником был до конца его дней его брат Зиновий Пешков, который был в курсе всего того, что творилось в России, получая сведения об этом с первых дней Февральской революции от первых лиц — сначала от Керенского, а затем от своего родного брата, председателя ВЦИК.

Яков Свердлов сыграл, пожалуй, главную, самую зловещую роль в развязывании красного террора и несет за это прямую ответственность, так как в 1918—1919 гг. он был вторым человеком после Ленина, занимая пост председателя ВЦИКа. Ему непосредственно подчинялась ВЧК во главе с Дзержинским, и именно Свердлов был ее фактическим руководителем. Но и этого ему казалось мало. Все его действия после знакомства с Лениным говорят о том, что он всячески стремился занять главенствующее место в большевистской пирамиде власти с тем, чтобы осуществить свой зловещий

замысел кровавой расправы над Российской Империей и русским народом. В этой связи показательно высказывание тогдашнего председателя Петроградского Совета Григория Зиновьева: «Иногда казалось, что как В.И. Ленин явился в Россию после победы Февральской революции с готовыми политическими чертежами всей революции, так Я.М. Свердлов явился из далекой ссылки с готовыми организационными чертежами всей работы партии и с готовым планом распределения основных групп работников по отраслям работы».

Напомним, с чего всё начиналось. 3—4 июля 1917 г. в Петрограде прошли массовые выступления, организованные большевиками Блейхманом, Рошалем и Раскольниковым. Ленин был против такого противостояния с властями. Он считал, что это даст повод Временному правительству расправиться с его партией. Свердлов с мнением Ленина не пошел. Он объявляет себя главным оратором от ЦК большевиков и получает прозвище Черный дьявол не столько по цвету его кожанки, которая вскоре вошла в моду у чекистов и комиссаров, сколько по зловещим призывам к кровавым расправам с представителями царского режима. Он добился того, чего так боялся Ленин: большевики были объявлены контрреволюционерами и немецкими шпионами. Свердлов лично вывез Ленина и Зиновьева на станцию Разлив, где в легендарном при Советах шалаше вождь работал над своим эклектическим трудом «Государство и революция». Свердлов остался в Петрограде организовывать захват власти большевиками. Уже тогда Ленин попал от него в полную зависимость — связь с ЦК он осуществлял из своего шалаша только через Свердлова, который всячески препятствовал его попыткам вернуться к легальной деятельности и снабжал его общей и часто искажённой информацией о ходе дел в Петрограде. Позже Свердлов организовал перемещение Ленина еще дальше — в Финляндию в целях его изоляции. Вождь оказался без связи. Он уже мешал Свердлову и заговорщикам, и вся дальнейшая подготовка к захвату власти большевиками шла без него. Из Финляндии Ленин в отчаянии пишет в Заграничное бюро ЦК: «Сие письмо я пишу лично от себя, ибо ни просить ЦК, ни даже снестись с ним не имею возможности...»

VI съезд РСДРП (8—16 августа 1917 г.) проходит без Ленина, который якобы «руководил им из подполья». На деле же вождь большевиков был полностью отстранен от его подготовки и проведения. Накануне революции он предостерегал партию от союза с разного рода левацкими и мелкобуржуаз-

ными объединениями и «дружинами», которых в России было великое множество. Свердловский БОНВ лишь один тому пример. До поры вся эта публика выжидала, кто победит, чтобы успеть к дележу «пирога» власти. Такими, в частности, были межрайонцы, с которыми активно воевал Ленин. 27 июля 1917 года Свердлов делает Организационный отчет ЦК VI съезду партии. Судя по тексту отчета, он был далек от практической работы партии. Доклад путаный. О фракциях, о том, что есть большевики, — ни слова. Даже слово «большевик» не произнесено ни разу. А вот о том, что в партию вступили 4 тысячи межрайонцев, Свердлов говорит с восторгом. Межрайонцы состояли из меньшевиков-интернационалистов и большевиков-примиренцев, вышедших, соответственно, из этих фракций в РСДРП. В зависимости от того, кто возьмет верх — большевики или меньшевики, они и строили свою политику. Именно вступившие в большевистскую фракцию межрайонцы, в первую очередь, Троцкий и К^о, и сыграли роковую роль в дальнейшей судьбе революции.

На съезде Свердлов знакомится с этой публикой ближе. И его принимают как своего. По воспоминаниям О.Н. Флаксермана, делегата VI съезда РСДРП(б): «...весь он как бы светился, излучал бодрость и энергию. Он протянул мне руку, крепко сжал мою и радостно сказал: к нам пришли межрайонцы! Впереди была большая работа, партия крепила свои ряды, а в межрайонке — Луначарский, Володарский и другие...» Флаксерман подзабыл назвать «других» — Троцкого, Урицкого, Иоффе, Мануильского...

Свердлов на том съезде не только укрепил свои позиции члена ЦК РСДРП, но и стал руководителем Секретариата (Оргбюро) ЦК РСДРП. «...По существу, он стал секретарем, первым секретарем ЦК в современном смысле. Официально же таковым не был, не избирался, хотя об избрании его секретарем ЦК после Апрельской конференции часто говорится в литературе, справочниках» (Плотников И. Герой революционной борьбы // Вечерний Свердловск, 03.08.1987).

Так впервые власть в партии фактически сосредоточилась в его руках: Свердлов председательствовал на решающем заседании ЦК 10 октября 1917 года, принявшем решение о вооруженном захвате власти. Он становится членом Военно-революционного центра, созданного для руководства восстанием. В этом качестве он занялся подбором нового (своего) состава Петроградского Военно-Революционного комитета (ВРК), прежних членов которого отправляет руководить восстанием в провинциях. Для укрепления ВРК в него были направлены И. Флеровский, Ф. Голощекин, П. Быков, В. Гал-

кин и другие известные ему большевики. Кроме того, он подобрал и послал в части Петроградского гарнизона 51 комиссара ВРК.

О том, что Свердлов и его окружение готовились захватить власть и в партии, и в стране после Октябрьского переворота, обойдя ленинское руководство РСДРП, говорит первое (до революции) письмо В.И. Ленина Свердлову. Написано оно 22 или 23 октября 1917 г., т.е. буквально за два дня до переворота в связи с выступлением Зиновьева и Каменева против вооруженного восстания: «Тов. Свердлову. Только вчера вечером узнал, что Зиновьев письменно отрицает свое участие в выступлении Каменева в «Новой жизни». Как же это Вы ничего мне не присылаете??? Все письма о Каменеве и Зиновьеве я посылал только членам ЦК. Вы это знаете: не странно ли после этого, что Вы точно сомневаетесь в этом. ... По делу Зиновьева и Каменева, если Вы... требуете компромисса, внесите против меня предложение о сдаче дела в партийный суд... Это будет отсрочкой. «Отставка Каменева принята»? Из ЦК? Пришлите текст его заявления» (Ленин В.И. ПСС. №34. С. 434).

Свердлов, так же как и другие члены ЦК, сформированного на VI съезде РСДРП(б), записку В.И. Ленина в тот момент проигнорировали: им было не до обид вождя, власть сама шла в руки. 24 октября (7 ноября), накануне открытия подготовленного Свердловым Второго Всероссийского съезда Советов, переворот начался. Им руководил из Смольного Военно-революционный центр во главе со Свердловым, Троцким и Урицким. О том, что пушки «Авроры» уже наведены на Зимний и вот-вот бабахнут, руководители заговора «забыли» оповестить Ленина и Сталина. Возникла опасность, что их вообще к власти не допустят. Только вечером Сталин, узнав о происходящем, сообщил об этом Ильичу, который «был не в курсе»... Известно по фильму «Ленин в Октябре», как вождь, заgrimировавшись под больного, с флюсом, всё же прокрался в Смольный. Ему удалось обойти Свердлова и его команду. В коридорах Смольного он спешно сформировал первое большевистское правительство из преданных ему людей и таким образом успел взять в свои руки руководство переворотом и съездом. На следующий день II съезд Советов объявил себя верховной властью и поручил большевикам сформировать ее центральные органы. Что произошло между Лениным и Сталиным, с одной стороны, и «триумvirатом» Свердлов — с другой, в ночь с 25 на 26 октября (7 на 8 ноября) мы, наверное, никогда не узнаем. У Ленина были все основания вдрызг разругаться со Свердловым за его интриганство и

попытки узурпировать власть в партии. Известно, что Ленин умел это делать и по куда более мелким поводам. Ясно только, что кто-то всё же сумел, как и на Апрельской партконференции, убедить его в незаменимости «чернокожего» Янкеля. Этот неизвестный «кто-то» всё время действовал за кулисами, режиссируя шаги большевистских вождей с 1917 года и далее. В октябре 1917-го этим «кем-то», скорее всего, был эмиссар мировой закулисы Зиновий Пешков, родной брат Янкеля Свердлова, находившийся в Петрограде во время Октябрьского переворота. Не исключено, что Зиновий познакомился с В.И. Лениным еще в Париже, в тех самых масонских ложах, куда заходил Владимир Ильич. Известно, что в октябрьские дни братья Свердловы регулярно встречались и советовались.

Упустив свой шанс возглавить переворот, Свердлов совершает обходной маневр. 27 октября (9 ноября) 1917 года на первом заседании ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов председателем ВЦИК был поначалу избран Л.В. Каменев (Розенфельд). Но его непосредственные и закулисные организаторы большевистского путча посчитали излишне мягким. И вот тут Свердлов вытаскивает на свет божий записку Ильича о Каменеве и Зиновьеве, усомнившихся накануне вооруженного восстания в его целесообразности, — ту самую записку, что за день до переворота он проигнорировал. И вот всего через 11 дней после назначения Каменева смещают с поста председателя ВЦИК «в связи с дезорганизаторской политикой и неподчинением ЦК». 8 (21) ноября 1917 года его на этом посту заменил Свердлов. Выдвинул его кандидатуру В.И. Ленин. Как вспоминает Н.К. Крупская: «...выбор был исключительно удачен». Свердлов становится вторым человеком после Ленина и начинает работу по созданию органов советской власти «в центре и на местах», всюду расставляя своих. Занимается он не только внутренними делами, но и международными. Карл Радек (Собельсон), который организовывал отставку Ленина в запломбированном вагоне через Германию, вспоминал: «Когда я, приехав в Петроград в ноябре 1917 года и переговорив с Владимиром Ильичом о положении дел за границей, спросил его, с кем переговорить насчет всей работы, он ответил мне просто: «Со Свердловым». Таким образом, уже в ноябре 1917-го все связи с заграницей, в первую очередь с теми, кто субсидировал революцию, в частности, с Германией и с Яковом Шиффом, Свердлов переключил на себя, отстранив от этого самого Ильича.

С января 1918 г. Свердлов занимает пост председателя Комитета революционной обороны Петрограда (КРОП). Его

главная задача — удержать власть во что бы то ни стало. А опасность ее потерять — велика. Своими узурпаторскими методами большевики напугали даже союзников — не менее крутых на расправу эсеров. Созыв избранного еще до Октябрьского переворота Учредительного собрания, где у большевиков — меньшинство, — прямая угроза их власти. Потребовался новый переворот. И 5 января 1918 г. Красная гвардия расстреляла в Петрограде мирную демонстрацию в поддержку Учредительного собрания. Разгоном демонстрации руководил специальный штаб во главе с В.И. Лениным, Я.М. Свердловым, Н.И. Подвойским, М.С. Урицким, В.Д. Бонч-Бруевичем. Но фактически всей этой кровавой расправой вершил Свердлов с помощью назначенного им председателя Петроградской ВЧК Моисея Урицкого. Демонстрацию сопровождали эсеровские дружинники, не оказавшие серьезного сопротивления красногвардейцам. По свидетельству бывшего эсера В.К. Дзеруля: «...все демонстранты, в том числе и Политкомитет, шли без оружия, и от ПК было даже распоряжение по району, чтобы никто не брал с собой оружия».

Боевики Свердлова рассеяли главную колонну численностью до 60 тыс. человек, однако другие колонны демонстрантов достигли Таврического дворца. Против этих также безоружных людей бросили свежих карателей. По различным оценкам, число только погибших тогда составило около 100 человек. Запугав депутатов, Свердлов прибыл в Таврический дворец, отстранил с трибуны демократического оратора и объявил, что Исполнительный комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов поручил ему открыть заседание Учредительного собрания. Он поставил ультиматум: принять зачитанную им «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и признать власть большевиков. Зал ответил ему так: «У вас руки в крови, довольно крови...» Но против лома нет приема. Большевики, набрав всего 25 процентов депутатских мандатов, признали выборы в Учредительное собрание «недействительными и контрреволюционными». Матрос Железняк произнес свою историческую фразу: «Караул устал...» Учредительное собрание просуществовало только 12 часов 40 минут.

13 января Свердлов добился объединения Советов крестьянских депутатов с советами рабочих и солдатских депутатов, став председателем ВЦИК РСКД. Судя по всему, он стремился к тому, чтобы сосредоточить в своих руках всю власть в государстве, оставив Ленину только представительские функции. «С каждым месяцем, — пишет Ю.Г. Фельштинский, — власть Свердлова всё крепла. Председатель ВЦИК,

член ЦК, секретарь ЦК — Свердлов постепенно сосредоточивает в своих руках всю партийную работу. Его подписи чаще других мелькают в документах. С июля 1918 года он подписывается титулами: Секретарь ЦК РКП(б) или даже просто «секретарь»; «за секретаря» подписывается К. Новгородцева — жена Свердлова; всё чаще и чаще на места идут письма от имени Секретариата ЦК (а не ЦК, как это было принято до августа 1918 г. и после сентября 1918 г.) (Фельштинский Ю.Г. Вожди в Законе. М., 1999).

Влияние Свердлова было так велико, что Оргбюро ЦК проводило свои заседания в его кремлевской квартире, он же руководил комендатурой Кремля и двумя полками латышских стрелков, охранявших Кремль, а также направлял и курировал действия ВЧК. Положение Свердлова во власти подтверждает тот факт, что его головорезы — Ф. Голощекин и Я. Юровский — консультировались по поводу расстрела Царя и его семьи только с ним. Они посылали свою корреспонденцию «председателю ВЦИК Я. Свердлову» и лишь иногда копии — Ленину. Уже после смерти Чёрного Янкеля на VIII съезде РКП(б), который открылся в день похорон Свердлова, В.И. Ленин в своем выступлении публично признал: «...Мы были вынуждены всецело полагаться и имели полное основание полагаться на тов. Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения».

Выступая в прениях, делегат от Московской губернской организации РКП(б) Н. Осинский обратил внимание именно на это признание Ильича и, в частности, сказал: «Надо поставить вопрос прямо. У нас было не коллегиальное, а единоличное решение вопросов. Организационная работа ЦК сводилась к деятельности одного товарища — Свердлова. На одном человеке держались все нити. Это было положение ненормальное. То же самое надо сказать и о политической работе ЦК. За этот период между съездами у нас не было товарищеского коллегиального обсуждения и решения. Мы должны это констатировать. Центральный Комитет как коллегия фактически не существовал».

В другом своем выступлении Н. Осинский отмечал и такую деталь: «Констатировалось неоднократно, что у нас организационная работа держалась на т. Свердлове. Ставилось в большую личную заслугу т. Свердлову, что он может в себе объять необъятное, но для партии это далеко не комплимент... Никакого руководства не было. Секретариата ЦК фактически не существовало...»

В соответствии со своим планом захвата власти Свердлов начал готовить собственную управленческую бюрократию.

Прежних «буржуазных» спецов должны были заменить выходцы из «прежде угнетённых». Ускоренными темпами из них начали готовить «пролетарские кадры» — будущих комиссаров и «командиров производства». Для них он организовал школу инструкторов и агитаторов при ВЦИК. (В 1919 году она была преобразована в Коммунистический университет им. Я.Свердлова, который в 1939 году преобразован в Высшую партийную школу при ЦК КПСС.)

Вместе с Лениным и Троцким Свердлов ликвидировал государствообразующий статус русского народа. В первые годы советской власти русским суждено было «каяться» за свою «великодержавность» и «угнетение» малых наций. По воле большевиков эти нации получали больше прав и привилегий, чем коренные русские.

Свердлов был председателем комиссии по выработке Конституции РСФСР. Подготовленная им Конституция объявила в России «диктатуру пролетариата в целях водворения социализма и в виде Республики Советов на основе свободного союза свободных наций как Федерации советских национальных республик». И, видимо, не случайно вторым декретом советской власти (сразу после декрета «О мире») был принят 25 июля 1918 года Декрет о борьбе с погромами и другими проявлениями антисемитизма...

8 апреля 1918 года Свердлов фактически единолично упраздняет бело-сине-красный флаг, утвержденный в качестве государственного Императором Николаем II в начале Первой мировой войны, и утверждает в качестве нового красное полотнище с пятиконечной звездой и серпом и молотом.

В мае 1918 г. Свердлов приступает к реализации плана убийства Царской семьи и ликвидации всех Романовых. Ключевую роль в этом предстояло сыграть Уральскому Совету, который находился под контролем его бывших боевиков БОНВ, передевших в черные кожаные тужурки комиссаров и чекистов. В 1917 году после Февральской революции и «отречения» 2 марта от престола в пользу брата Великого князя Михаила Александровича бывший Российский Император Николай II содержался под домашним арестом. Затем Николай II и его семья по решению Временного правительства были высланы в Тобольск.

9 мая 1918 года на заседании ВЦИК Свердлов сообщил, что семь человек семьи Романовых и четверо из их прислуги перевезены из тобольского губернского дома в дом Ипатьева в Екатеринбург. Он пояснил, что это якобы вызвано необходимостью поместить Царскую семью в более надежное место и что Уральскому Совету даны указания о бдительности

содержания бывшего Царя, являющегося «арестантом Советской власти». В переводе это означало, что Царя и его семью передали свердловским головорезам во главе с Шайей Голощекиным.

Великий князь Михаил Александрович, как известно, отказался от восприятия власти после «отречения» Николая II, передав решение вопроса об «образе правления» в России — монархическом или республиканском — Учредительному собранию, которое должно было быть созвано Временным правительством. Именно Михаил был последним символом законной власти. С ноября 1917 г. он находился в Гатчине под домашним арестом в соответствии с решением Петроградского Военно-революционного комитета. 7 марта 1918 года Князь Михаил и его секретарь, гражданин Великобритании Николай Николаевич Джонсон (Брайан) были арестованы и доставлены в Петроград, в Комитет революционной обороны, который возглавлял Свердлов. Спустя два дня по решению Совета народных комиссаров, а фактически по распоряжению Свердлова они были высланы в Пермскую губернию до особого распоряжения: под конвоем были доставлены в Пермь, где Пермским исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов 20 марта 1918 года помещены под арест в камеры одиночного заключения в тюремной больнице, а через пять дней освобождены под надзор Пермского Чрезвычайного комитета по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ЧК). В ночь с 12 на 13 июня 1918 года князь Михаил и Джонсон были похищены из гостиницы «Королевские номера» в Перми чекистами во главе с Мясниковым и убиты в районе местечка Малая Язвая. Позже это убийство маскировали под «побег» Михаила Романова, а расправу над ним и его секретарем представили как якобы личную инициативу Мясникова (Мясников Г.И. *Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова*. Публ. Б.И. Беленкина и В.К. Виноградова // *Минувшее: Ист. альм.* Вып. 18. М.—СПб., 1995).

Выступая 6 июля на V Всероссийском съезде Советов, т.е. за десять дней до казни Романовых, Свердлов объявляет о предстоящем усилении террора: «Мы можем указать отнюдь не на ослабление террора по отношению ко всем врагам Советской власти, отнюдь не на ослабление, но, наоборот, на самое резкое усиление массового террора против врагов Советской власти».

12 июля 1918 года из Москвы в Екатеринбург возвратился член Уральского Совета Ф.И. Голощекин (Шая Исаакович Голощекин), профессиональный убийца, мерзавец и сексу-

альный извращенец. (Годы спустя Н. Ежов, смещенный с поста наркома НКВД, в ходе допросов по его делу признает, что Голошкеин был его сексуальным партнером.)

В тот же день в здании Волжско-Камского банка в Екатеринбурге заседает Уральский Совет (председательствует А.Г. Белобородов) — решается участь Царя, его жены, пятерых малолетних детей и еще четверых из прислуги. Голошкеин сообщает об инструкциях в отношении Царской семьи, полученных им в Москве. Указание председателя ВЦИК Свердлова исполнено — всех приговаривают к расстрелу. Исполнить приговор поручают также одному из соратников Свердлова, его тезке — Якову Мовшовичу Юровскому и его заместителю Г.П. Никулину. Казнь состоялась в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. В книге Юри Лины «Под знаком Скорпиона» (Стокгольм, 2016) приводятся новые данные о той роли, которую сыграл банкир Яков Шифф в главном преступлении красного террора — в убийстве Царской семьи. Приведу краткую выдержку из этой книги:

«Приказ об убийстве царя и его семьи на самом деле пришел из Нью-Йорка в июле 1918 года. Ленин почти ничего не говорил об этом вопросе. Большевики были вынуждены бежать из Екатеринбурга настолько поспешно, что у них не оказалось времени для уничтожения всех лент с телеграфными сообщениями. После взятия Екатеринбурга белыми эти ленты обнаружил в здании телеграфа Николай Соколов, который их собрал, но не смог расшифровать. Расшифровка была проведена группой экспертов в Париже лишь в 1922 году.

Соколов открыл, что телеграммы были весьма разоблачительного свойства, поскольку имели непосредственное отношение к убийству царя и его семьи. Он доказал, что, после того, как Уралсовет поручил Юровскому казнить узников Ипатьевского дома, тот на следующий день решил проверить, действительно ли приказ относится ко всей семье или же только к бывшему императору. Он связался со Свердловым по телеграфу и тот подтвердил, что должна быть уничтожена вся семья, а Юровский назначался ответственным за исполнение приказа. В шифротелеграмме, которую Свердлов направил Якову Юровскому, говорилось, что, после того как он сообщил Якову Шиффу в Нью-Йорк о приближении Белой армии к Екатеринбургу, он получил приказ от Шиффа ликвидировать царя и одновременно его семью. Этот приказ был доставлен Свердлову через американское представительство, которое в ту пору находилось в Вологде. В той же телеграмме Свердлов приказал Юровскому выполнить этот приказ.

В ноябре 1924 года Соколов рассказал своему близкому другу, что его издатель побоялся опубликовать эти шекотливые факты. Они были удалены из издания. Соколов показал другу оригиналы телеграфных сообщений и их расшифровки. Месяц спустя Соколов скоропостижно скончался. В то время он должен был отправиться в США для дачи показаний в пользу автомобильного магната Генри Форда, против которого подали судебный иск «Кун, Леб и К^о» за публикацию книги «Международное еврейство». Но им не суждено было встретиться.

Книга Соколова «Убийство царской семьи» была издана в Берлине в 1925 году без вышеупомянутой информации. Эти факты были обнародованы только в 1939 году в периодическом издании «Царский вестник». Роль Якова Шиффа в убийстве царской семьи стала известна российской общественности только в 1990 году» (Юри Лина. Под знаком Скорпиона. Стокгольм, 2016, С. 276—277).

О том, что приказ на убийство русского Императора и его семьи им отдан, Свердлов не считал нужным проинформировать ни Ленина, ни других членов руководства РКП(б). Ленин, как утверждают, пытался не допустить этого преступления, так как боялся осложнения отношений с кайзеровской Германией, которая требовала предоставить свободу всем Романовым. Но Свердлов обошел Ленина и на этот раз.

Историк Эдвард Радзинский полагает, что именно Ленин отдал приказ об убийстве Царя и его семьи. Но ни одной подобной телеграммы в архивах не было обнаружено. Объяснение Радзинского, что телеграммы Ленина были уничтожены, не выдерживает никакой критики, поскольку сохранилось огромное количество материалов, компрометирующих Ленина в других отношениях. Почему же он должен был уничтожить только эту конкретную телеграмму, не обращая внимания на другие уличающие его документы? В статье Э. Радзинского «Расстрел в Екатеринбурге» («Огонек», 21.05.1989) приводится выписка из протокола заседания ВЦИК от 18 августа 1918 года. Однако в «Интервью по письмам читателей» (опубликовано в книге «Переписка на исторические темы». М.: Политиздат, 1989) доктор ист. наук Г. Иоффе сообщает другие факты, а именно: речь идет не о заседании ВЦИК, а о заседании Президиума ВЦИК, притом состоявшемся не 18 августа, а 18 июля 1918 года, что не расходится с нашими данными, а подтверждает их. Дело в том, что ВЦИК в тот день не заседал. Всё решил единолично Свердлов в узком кругу приближенных (три-четыре человека). Об этом не знал даже шеф ВЧК Ф.Э. Дзержинский. Перебежчик В.Н.

Орлов вспоминал: «В июле 1918 года, когда я опрашивал агентов в здании ЧК, посыльный принес телеграмму, адресованную Дзержинскому, который находился рядом со мной. Он быстро прочитал ее, побледнел как смерть, вскочил на ноги и, воскликнув: «Опять они действуют, не посоветовавшись со мной!» — бросился из комнаты. Что случилось? Вся ЧК была взбудоражена. Крики, возгласы, звонки слились в единый гвалт! Дзержинский поспешил в Кремль. Что же ради всего святого случилось? На следующий день мы узнали новость. Императорская семья была расстреляна без ведома ЧК! Самостоятельно, по указанию Свердлова и кого-то из высших бонз в Центральном Комитете Коммунистической партии! По общему мнению, сложившемуся в ЧК, в Революционном трибунале и в Кремле, решение об убийстве было принято и реализовано властью Свердлова. Он осуществил подготовку втайне от товарищей и только после казни поставил их в известность перед свершившимся фактом» (Орлов В. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М.: Современник, 1998. С. 60—61).

На следующий день после расстрела Царя и Царской семьи, расправились с другими членами Дома Романовых и близкими к ним людьми. Речь идет о великой княгине Елизавете Федоровне, супруге Великого князя Сергея Александровича, который был убит 4 февраля 1905 г. террористом Иваном Каляевым, метнувшим в него ручную бомбу. После гибели мужа Елизавета Федоровна заменила его на посту Председателя Императорского Православного Палестинского Общества и исполняла эту должность с 1905 по 1917 год. Она была основательницей Марфо-Мариинской обители в Москве, приняла постриг и еще при жизни ее почитали как святую за праведную жизнь, благотворительную и церковную деятельность. После прихода к власти большевиков Елизавета Федоровна отказалась покинуть Россию. Весной 1918 года она была заключена под стражу и выслана из Москвы в Пермь. В мае 1918 года ее вместе с другими представителями дома Романовых перевезли в Екатеринбург в гостиницу «Атамановские номера». (Любопытно, что в наше время в этом здании расположено управление ФСБ и ГУВД по Свердловской области, современный адрес — перекресток улиц Ленина и Вайнера. Всё сохраняется: и память о Черном Янкеле, и о «человеколюбце» Ильиче, и о Леониде Исаковиче Вайнере, секретаре Уралобкома РСДРП(б) и секретаре исполкома Екатеринбургского окружного Совета рабочих и солдатских депутатов, который и вынес формальный приговор Царю и его семье.)

Через два месяца Елизавету Федоровну отправили в город Алапаевск. Вместе с ней находилась сестра из Марфо-Мариинской обители Варвара Яковлева. В ночь на 5 (18) июля 1918 года Великая княгиня Елизавета Федоровна была убита большевиками: сброшена в шахту Новая Селимская в 18 км от Алапаевска. Вместе с ней были зверски убиты: Великий князь Сергей Михайлович, князя императорской крови — Иоанн Константинович, Константин Константинович (младший) и Игорь Константинович, князь Владимир Павлович Палей, Федор Семенович (Михайлович) Ремез, управляющий делами Великого князя Сергея Михайловича, и сестра Марфо-Мариинской обители Варвара (Яковлева) — келейница Елизаветы Федоровны. Все они, кроме застреленного Великого князя Сергея Михайловича, были сброшены в шахту живыми. Когда их тела были извлечены из шахты, то было обнаружено, что несчастные Романовы жили и после падения, умирая от голода и ран. При этом рана князя Иоанна, упавшего на уступ шахты возле Великой княгини Елизаветы Федоровны, была перевязана частью ее апостольника. Окрестные крестьяне рассказывали, что несколько дней из шахты доносилось пение молитв... Они вошли в историю и в список великомучеников как Алапаевские мученики...

18 июля Свердлов получил сообщение о приведении приговора в исполнение. Вечером в Кремле заседает Совет народных комиссаров (СНК) под председательством В.И. Ленина. Слово предоставляется Свердлову: «Я должен заявить следующее. Из Екатеринбурга получено сообщение о том, что по постановлению Уральского областного Совета там расстрелян бывший царь Николай Романов... Заседавший сегодня Президиум ВЦИК постановил: решение и действия Уральского Совета признаны правильными».

Об истории злодейского убийства Николая II и его семьи написаны тома. Отмечу и свой скромный вклад: я провел свое собственное расследование убийства Романовых, и в 2018 году была издана моя книга к столетию этой нашей национальной трагедии (Большаков В. Ритуальное царевубийство. Правда или вымысел. М.: Алгоритм, 2018). В некоторых исследованиях отмечается, что убийство это было ритуальным, о чем свидетельствует ряд фактов, и что Свердлов получил приказ на его осуществление и убийство других Романовых непосредственно от Якоба Шиффа из Нью-Йорка, который таким образом отомстил Царской семье за отказ отменить черту оседлости в 1905 году.

Есть ряд интересных публикаций об уже упоминавшемся перебежчике К.А. Мячине (он же В.В. Яковлев), который до

революции был участником группы БОНВ у Якова Свердлова. Этот боевик организовывал транспортировку Царской семьи в Екатеринбург, а потом неожиданно перебежал на сторону белых вместе со всеми документами об этой тайной операции и в ставке Колчака вручил их брату Свердлова Зиновию Пешкову. Как ни странно, Яковлев-Мячин после своей службы у белых благополучно вернулся в Советскую Россию и был принят на работу в ЧК. К стенке его поставили только в 1937 году.

На заседании ВЦИК 20 мая 1918 года Свердлов впервые провозгласил политику раскола деревни на два враждующих лагеря — бедняков и кулаков. Так, начатая большевиками Гражданская война в городе была перенесена в деревню. Ставка на раскол России на два враждующих лагеря, уничтожающих друг друга в братоубийственной войне, сработала. Такую же войну Свердлов и его единомышленники развязали в революционном движении России, что показала история левоэсеровского мятежа 1918 года и спровоцированное ЧК убийство германского посла Мирбаха. После подавления «мятежа» левых эсеров летом 1918 года, которым непосредственно руководил Свердлов, стало ясно, что большевики устанавливают свою монополию на власть и ни о какой демократии в России отныне не будет и речи.

Машина репрессий и массового террора создавалась Свердловым и его подручными с особой тщательностью. В ответ на убийство Володарского (Моисея Марковича Гольдштейна) в июле 1918 года Свердлов создает Верховный революционный трибунал, как он выразился, состоящий из его «собственной среды» — из его окружения. В своем выступлении 6 июля Свердлов указывал, что Революционный трибунал первым своим постановлением о смертной казни, по его глубокому убеждению, показал, что он правильно учитывает момент. А красным террором массовый террор стал называться после убийства Моисея Соломоновича Урицкого. И тоже с легкой руки Свердлова.

Всё казалось бы шло по зловещему плану Свердлова, а точнее, тех, кто продвигал его к вершинам власти — к красной коронации. В большевистской верхушке не прекращалась борьба за первое место в партии, которое достаточно прочно занимал вождь мирового пролетариата, председатель СНК РСФСР В.И. Ленин. Свердлов, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Дзержинский, как пауки в банке, наносили друг другу удары исподтишка, стремясь прорваться к «красной короне», лишив ее Ленина. Свердлов был среди них претендентом

№1. Неудивительно, что именно он попытался уничтожить Ленина, раз уж не сумел его изолировать в октябре 1917-го.

В последние годы появилось немало работ, где едва ли не по часам прослеживаются действия Свердлова в те августовские дни 1918 года, когда было совершено покушение на Ленина. Среди этих работ отмечу очерк Ю. Москаленко (в интернет-журнале «Школа жизни». 03.06.2007). Автор достаточно убедительно доказывает причастность Свердлова и к этому преступлению. Он, в частности, считает: «Расстрел царской семьи в Ипатьевском доме Екатеринбурга 16 июля 1918 года и покушение на Ленина 30 августа на заводе Михельсона в Москве — звенья одной цепи». К этому выводу он приходит потому, что люди, принимавшие активное участие в расстреле семьи последнего Императора Всероссийского так или иначе связаны и с покушением на вождя мирового пролетариата. Речь идет прежде всего о Якове Юровском, чекисте из Екатеринбурга, который командовал расстрелом Царской семьи. В ходе следствия по делу о покушении на В.И. Ленина почему-то именно он делал снимки при проведении следственного эксперимента. Доподлинно известно, что накануне покушения на Ленина он прибыл в Москву из Сибири вместе с другим царевубийцей — Филиппом (Шаей) Голощекиным, Военным комиссаром Урала, по личному вызову Свердлова. «Зачем Свердлову понадобились в Москве эти люди? — ставит вопрос Москаленко. — Не менее странен и тот факт, что сразу после покушения на Ленина тот же Свердлов подписывает сообщение «О злодейском покушении на тов. Ленина», в котором сообщается, что в вождя стреляли правые эсеры. Значит, Каплан уже допросили? Нет. Сообщение подписано в 22 часа 40 минут 30 августа. Допрос же Каплан на Лубянке начался часом позже — в 23 часа 30 минут. Выходит, Свердлов знал о готовящемся покушении? Разумеется, знал. Об этом ему неоднократно докладывалось...»

Подозрительно, что следствие по делу эсерки Каплан длилось всего три дня и уже 3 сентября ее расстреляли в Кремле по приказу Я.Свердлова и кремировали тело в железной бочке в Александровском саду. Это очень похоже на кремацию останков расстрелянных в доме Ипатьева по методу двойного тезки Свердлова — Янкеля Мовшевича Юровского. Заметим, что следователь по особо важным делам В.Кингисепп получает все документы по этому делу лишь 7 сентября, спустя четыре дня после расстрела Каплан.

Свердлов и его кукловоды явно спешили спрятать концы в воду. И настолько успешно спрятали, что ясности в этом

деле до сих пор нет. Была версия о том, что Каплан стреляла в Ленина по приказу Троцкого. Она появилась много позже как ответ Сталина на статью Л.Д. Троцкого об отравлении Ленина Сталиным, которую опубликовал журнал «Лайф» в 1939 году. Никаких доказательств этой версии нет. Среди других вариантов Москаленко приводит версию заговора в ЧК, которым фактически руководил Свердлов. Дзержинского в этой версии называют пособником Свердлова: в день покушения на Ленина Железный Феликс уехал в Питер расследовать убийство Урицкого, оставив вождя на попечение Свердлова. А тот не очень суетился, и Ильич поехал выступать на завод Михельсона без охраны. Бонч-Бруевич, ближайший соратник Ленина, видел, как в день покушения Свердлов открыл кабинет Ленина и рылся в его бумагах, несмотря на строжайший запрет. Строжайший! Бонч сам слышал, как Свердлов говорил: «Ну вот, Ильич болен, а мы и без него отлично справляемся». Об этом «верный Бонч» тут же доложил Ленину, который явно почувствовал, что даже после расстрела Каплан от нового покушения он не застрахован.

Москаленко приводит новые, совершенно сенсационные подробности покушения на Ленина, из которых ясно, что Каплан тут не при чем — ее просто принесли в жертву. Об этом говорят недавно рассекреченные ФСБ России судебные материалы процесса левых эсеров, который проходил в период с 8 июля по 7 августа 1922 года в Колонном зале Москвы. «Доступные историкам документы рассказывают о подлинном замысле «Кремлевского заговора» 1918 года, — пишет Москаленко. — Теперь стало ясно: нужно было не только убить Ленина, но и обвинить в убийстве и тем самым подписать смертный приговор партии Социалистов-революционеров. Но что-то с самого начала пошло не так, что-то не сработало...»

Из томов того судебного процесса становится ясно, что стреляла в Ленина не Каплан. Процесс назвал имена истинных участников покушения на Ленина. Ими оказались: Григорий Иванович Семенов, он организовал слежку за Ильичем и направил убийц на завод Михельсона; Лидия Васильевна Коноплева, боевая подруга Семенова, женщина, которая действительно стреляла в Ленина. Но вот еще одна сенсация: и Григорий Семенов, и Лидия Коноплева с 1918 года служили в ВЧК. И в том же, 1918 году, по заданию ВЧК вступили в партию левых эсеров как классические провокаторы. Позднее выясняется, что помимо Лидии Коноплевой в Ленина стрелял еще один чекист — эсер матрос Александр Протопопов (тот самый, который спрятал чекиста Блюмкина

после убийства немецкого посла Мирбаха и арестовал Дзержинского, приехавшего разбираться с этим делом в штабквартиру эсеров). О матросе Протопопове на процессе не было сказано ни слова. Он был первым в списке лиц расстрелянных ВЧК в ночь с 30 на 31 августа 1918 года. По всей видимости, Железный Феликс не простил ему своего ареста в спецотряде ВЧК, но есть и другое подозрение: не хотел оставлять свидетеля. Был еще один участник покушения на Ленина — это боевик Константин Усов. «Мне было поручено убить Ленина в Алексеевском народном доме, — сказал на суде Усов, — вырвать бога у тысяч рабочих, я не решился».

Интересен приговор суда. «Семенова, Коноплеву, Усова как добросовестно заблуждавшихся при совершении ими тяжких преступлений полностью оправдать от всякого наказания». Итак, все участники покушения на Ленина были тогда оправданы, чего нельзя сказать об остальных подсудимых — членах партии левых эсеров. Почему? После суда над эсерами пути террористов-любовников Гриши Семенова и Лиды Коноплевой разошлись: Семенов будет выполнять тайные поручения военной разведки в Китае, дослужится до ранга бригадного комиссара; Коноплева уйдет на преподавательскую работу. Будет учить подрывному делу оперативных работников ГПУ. Все они — и Коноплева, и Семенов, и «не решившийся вырвать бога у тысяч рабочих» Константин Усов — будут расстреляны в 1937 году...

Догадывался ли Ленин, кто в него стрелял? Трудно сказать, но, по крайней мере, то, что не Каплан, он знал, так как сам видел — стрелял в него мужчина, и первое, о чём он спросил своего водителя Гиля: «Его поймали?». То, что Каплан расстреляли, он тоже знал. Но вот кто подослал убийц? По всей видимости, Ленин знал ответ и на этот вопрос и готов был действовать.

Ильич вновь почувствовал свою силу и власть — после провала заговора его «соратники» опять сплотились вокруг вождя. Не многие догадывались, кто же в действительности направлял руку убийц. Но в доме повешенного не говорят о веревке. И Черный Янкель гнул свою линию. Пока Ленин лечился, Свердлов категорически отказался провести избрание временного исполняющего обязанностей председателя СНК и сам лично выполнял его функции, работая в кабинете Ленина и подписывая за него документы, проводил заседания СНК. Но «чёрная метка» для него уже была заготовлена. Ленин предательства не прощал. А услужить ему готовы были в первую очередь Сталин и тот же Железный Феликс, у которого с алиби было не всё в порядке. 26 августа 1918 года Свер-

длов направляет письмо Вологодскому комитету РКП(б), подписав его новым титулом: «Председатель ЦК РКП Я.Свердлов». Это было время, когда именно Свердлов, а не Ленина называли Красным царем. После покушения на Ленина 30 августа 1918 года Свердлов подписал обращение ВЦИК 2 сентября «О превращении Советской Республики в единый военный лагерь», дополненное 5 сентября изданным СНК Постановлением «О красном терроре», объявившем массовый красный террор против всех врагов революции (см. «Красный террор: факты против мифов»).

Безусловно, что при осуществлении своей крупномасштабной операции по захвату власти в Советской России Свердлов был не в состоянии действовать в одиночку. Его заговор опирался на мощную поддержку не только со стороны «мировой закулисы», но и части большевистской верхушки, в которую, по-видимому, входили Троцкий, Дзержинский и Зиновьев. Об этом можно судить по поездке Железного Феликса в Швейцарию ранней осенью 1918 года — в самый разгар красного террора. Там проживали в то время его жена и сын. Жена Дзержинского, в девичестве Мушкат Софья Сизигмундована (1882—1968), работала в советском представительстве в Берне (кстати, официально советско-швейцарские дипломатические отношения были установлены только в 1946 году). Поездка в Лугано была организована лично Свердловым под предлогом «лечения» Дзержинского, надорвавшегося в трудах на ниве красного террора. К.Т. Новгородцева, жена Янкеля Свердлова, вспоминала, что между ее мужем и Дзержинским «была большая, горячая дружба», и именно Свердлов настоял, чтобы Дзержинский отправился в Европу. Была и другая версия. Свердлов спасал Дзержинского. После таких серьезных провалов, как убийство Мирбаха, с синхронным мятежом левых эсеров, убийства Володарского и Урицкого и, главное, покушение на В.И. Ленина, над Железным Феликсом стали сгущаться тучи. Его заподозрили уже не в халатности, а в двойной игре. И для этого были весьма серьезные основания. Вождь революции к тому времени уже понял, откуда ветер дует, а точнее, откуда пули летят, и не исключено, что решил окончательно убрать Дзержинского. Свердлов же теперь уже его больше раздражал, чем умилял. В этой ситуации Черный Янкель принял решение убрать Дзержинского на время с глаз вождя, а заодно — сделать кое-какие свои дела за границей с его помощью. Скорее всего речь шла всё о тех же банковских счетах, которые в те времена, как и сейчас, считали наиболее надежным открывать и подпитывать в Швейцарии. Пока Железного Феликса

не было в России, Свердлов укомплектовал ВЧК своими людьми, в основном из числа латышских стрелков. На первые роли выдвинулись тогда его родственник Генрих Ягода, будущий шеф НКВД, а также Петерс и Лацис. О том, что оба они были связаны с английской разведкой, не говорил только ленивый. Да и только ли они?

Итак, шеф советской охраны отправился повидать семью через все границы. Трудно поверить, что разведки европейских держав не вычислили «Красного Торквемаду» уже на этапе первого пересечения им границы, не говоря уже о самой Швейцарии, которая традиционно была центром международного шпионажа и предоставляла крышу многочисленным резидентурам Востока и Запада. А ведь нелегальное проникновение в эту Альпийскую республику было вполне законным поводом для ареста чекиста №1, тем более в тот момент, когда его подчинённые в России тысячами хватили заложников и расстреливали ни в чём неповинных людей. Неужели Запад смотрел на это сквозь пальцы? И неужели только потому, что Дзержинский сбрил свою знаменитую жидкую бороденку, его не смогли узнать такие опытные разведчики, как Брюс Локкарт? А именно с ним он встретился в Лугано. В воспоминаниях жены Железного Феликса описана сцена его встречи с Локкартом на пристани Женевского озера. Встреча эта как будто была случайной, и Локкарт его якобы не узнал (см. Дзержинская С.С. В годы великих боев. М., 1975). Напомню, что с января по сентябрь 1918 года Локкарт был главой специальной британской миссии при Советском правительстве. Чекисты поначалу привлекли его по делу о покушении на Ленина. Но, как известно, с Локкарта подозрения быстро сняли и после нескольких допросов в ЧК и очной ставки с Ф.Каплан отпустили. Затем, в сентябре, он был арестован вместе с другими английскими и французскими дипломатами за участие «в заговоре трех послов». В октябре 1918 года Локхарта выслали из Советской России. И вот ведь какая странность: именно Локкарт, который едва успел незадолго до этого приехать в Англию, счастливо выйдя из подвалов ЧК, где его допрашивал лично Дзержинский, спешно отправляется в Лугано. Минул едва месяц после их последней встречи в Москве, на Лубянке. И вот они снова поглядели друг другу в глаза. Есть и другая версия: «английский шпион» был прекрасно осведомлен о нахождении Дзержинского в Швейцарии и не только его узнал, но и с ним специально встретился. Игра, видимо, шла по-крупному. Как утверждают некоторые российские конспирологи, Локкарт был членом тайной влиятельной масонской организации

«Комитет трехсот», штаб-квартира которой находилась тогда в Чарльстоне (США). Локкарт был вхож в салоны крупной еврейской буржуазии и был знаком с Шиффом, Ротшильдами, Варбургами и другими влиятельными еврейскими банкирами Америки и Германии, финансировавшими «русскую революцию». Одновременно Локкарт был близок и к большевикам, во всяком случае к — Свердлову и Троцкому. Голландский исследователь Й.Хельзинг пишет, что через Локкарта они осуществляли связь с «Комитетом трехсот». Неофициальный советский представитель в Англии М.Литвинов в рекомендательной записке к Троцкому называл Локкарта «исключительно честным человеком, который понимает наше положение и симпатизирует нам».

Продолжение следует

ПРОЕКТ «ТРЕТИЙ ХРАМ»

1

По данным Электронной еврейской энциклопедии, в 1980 году численность евреев во всем мире составила 14 286 тыс., при этом в Израиле проживало 3 283 тыс. евреев, т.е. 23% от общего числа. Примечательно, что в США в том же году проживало 5 290 тыс. евреев, т.е. в 1,8 раза больше, чем в Израиле.

К середине прошлого десятилетия общий объем американской финансовой помощи Израилю достиг 140 млрд. дол. Кроме того, экономическое благополучие Израиля в значительной мере поддерживается финансовыми «вливаниями» из Германии. К 1995 году, например, их объем составил 100 млрд. марок.

Так зачем же евреям диаспоры нужно это искусственное образование под названием «государство Израиль»? Полагаю, прежде всего, для того, чтобы иметь доступ к Храмовой горе и восстановить на ней Иерусалимский храм.

Израильское общество в той или иной степени убеждено, что Храм будет восстановлен. Это единственная идея, которую на сегодня можно назвать государствообразующей для еврейского народа.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Идея восстановления проходит красной нитью через всю жизнь иудея. «Каждое поколение, при жизни которого не построен Храм, виновно в его разрушении», — написано в Талмуде.

В XIX веке идея «избранного народа» о возвращении на «землю обетованную» и строительстве Храма оказалась облечена в форму политического движения с названием «сионизм» (нужно сказать, что в то время ортодоксальные иудеи были категорически против сионизма), который высшей целью ставил мировое господство.

Происходящее в наши дни похоже на голливудский сценарий фантастического фильма. Рукотворные цветные революции, рукотворные пандемии, рукотворный голод, рукотворные климатические фокусы... Жители многих стран устали от беззакония, от полной иррациональности экономических процессов и политических решений — от незащищенности. Людей словно подводят к мысли о том, что существующие проблемы и кризисы старыми инструментами решить невозможно — социализмом, капитализмом, коммунизмом и прочими «измами». Что же остается? Ну конечно же! Миру необходим Порядок, Новый Мировой Порядок. И Третий Иерусалимский Храм (экуменический), который станет маяком, освещающим фарватер на пути этого грядущего Нового дивного мира во главе с единым правителем.

Евангелисты, мормоны, баптисты, сионисты, масоны... — все они сегодня утверждают: господь ждёт восстановления дома своего, дабы человечество смогло перейти на новый этап своего развития: к «Новой эре» или «Эре водолея».

Рабби Бергер, популярный хасидский лидер, строит аргументацию относительно обстоятельств возведения Третьего храма издавека, обращаясь к 11-й главе книги Ваикра, где среди некошерной живности упомянуты отдельно четыре животных (верблюд, тушканчик, заяц и свинья) (Ваикра. 11: 7). Четыре этих животных отождествляются с четырьмя царствами, которые угнетали Израиль, а свинья отождествляется с последним — Римом, который и разрушил Второй храм. Свинья соотносится с народом Эдома, поскольку корень слова «хазир» (свинья) буквально означает «вернуть», и утверждается, что будущий Эдом вернет корону ее истинному владельцу. В свою очередь Эдом (букв. «рыжий» на иврите) отождествляется с рыжим Эйсавом, братом Иакова. В раввинистической литературе Эдом традиционно отождествляют с Римом, чье население преимущественно состоит из потомков Эйсава. Эдом также соотносят с христианством, которое впервые расцвело в Риме.

Иначе говоря, именно потомки римлян, т.е. христиане, вернут корону Израилю. Но для рава Бергера этого рассуждения оказалось недостаточно, и он привёл свидетельство 600-летней давности от раввина Бахья бен-Ашера ибн-Халавы. Тот прямо написал, что «Первый и Второй храмы разрушены царём Давидом, но будущий Третий храм построят потомки Эдома», т.е. христиане. Замечательно придумано, не правда ли? Особенно, если учитывать, что все эти имманентизирующие эсхатон течения изначально появились как сопротивление христианству, а потом и как насмешка над христианской верой.

А теперь соотнесём с некоторыми известными фактами.

Мало кто знает, что основатель политического сионизма Теодор Герцль был «христианином». Почему в кавычках? Потому что не так давно главный сефардский раввин Израиля Шломо Амар постановил, что «крещённые» Ганс и Паулина Герцль считаются иудеями, после чего правительство немедленно приступило к процедуре перезахоронения детей Герцля в Израиле. Об особой миссии Герцля среди христианских народов написано много. На сегодняшний день понятие христиане-сионисты или иудеохристиане — вещь быденная. Значит, миссия выполнена.

Украинский миллиардер Геннадий Боголюбов, совладелец группы «Приват», за «свои» деньги отреставрировал двухтысячелетний иерусалимский храм. Он взял на себя финансирование восстановления подземной синагоги раввина Гетса, как называют в Израиле храм в тоннелях Храмовой горы.

Это не первый меценатский жест украинского олигарха. Ранее он спонсировал реконструкцию зала Свитков Торы и пожертвовал 1 млн. дол. на покупку молитвенников для иудеев, молящихся у Стены плача в Иерусалиме.

А российский миллиардер и владелец футбольного клуба «Челси» Роман Абрамович пожертвовал более 100 млн. дол. ультраправой израильской организации, которую обвиняют в выселении палестинских семей из Иерусалима, и причастной к деятельности по воссозданию Третьего Иерусалимского храма в Израиле.

Сообщалось также, что украинский медиа-магнат Вадим Рабинович подарил семисвечник для главного зала будущего Третьего храма весом в 700 килограммов чистого золота. Трудно сказать, насколько достоверна эта информация, но, как правило, она исходит от самих инициаторов воссоздания Храма.

Так чьё золото и чьи деньги идут на благоуукрашение и возведение вождельённого сооружения? Да наши с вами, российские и украинские деньги ограбленных олигархами граждан. Весьма по-иезуитски придумано.

Рав Бергер уверен, что процесс строительства Третьего храма инициирован президентом Трампом и христианской евангелической (просионистской) общиной.

Имя «Дональд Трамп» в гематрии (кабалистическая нумерология) составляет 424, что соответствует числовому значению фразы «машиах из Дома Давидова». Конечно, Бергер оговаривается, что Трамп недостаточно праведен и не настолько знает Библию, чтобы быть настоящим машиахом, но связь Трампа с машиахом состоит в том, что он прокладывает путь к строительству Третьего храма: «Лично Трамп не удостоится строительства Храма. Как и царь Кир, он проложит путь людям, которые начнут строительство, а в нужный момент Третий храм спустится с небес... Трамп — представитель христиан, который выполнит свою великую историческую миссию восстановления своего (христианского) народа через строительство Храма», — заключает Бергер.

Отметим, что с царем Киrom, которому Бог велел помочь в строительстве Второго храма (Эзра. 1: 2), Трампа сравнивали и члены так называемого израильского Синедриона, экс-премьер-министр Израиля Нетаньяху и лидеры хасидистской секты Хаббад-Любавич, с которыми Трамп связан самым тесным образом через тестя.

Седьмой Любавичский ребе Менахем-Мендл Шнеерсон, который, к слову, в 1992 году согласно псак-дин (постановление) официально возведен хаббадниками в машиахи, объяснял, что кроме Большого Иерусалимского храма в Танахе и Гемаре упоминается так называемый Малый храм — некая замена Большого храма, предоставляемая евреям на время изгнания в тех землях, в которых они находятся. Место же Малого храма определяется в Гемаре вполне конкретно и носит название «Дом нашего Ребе». Иначе говоря, это дом главы поколения, его синагога, то есть то место, откуда исходят его указания для всех людей. И ребе прямо говорит о том, что сооружением, упомянутым в Гемаре, в наше время является дом Ребе в Нью-Йорке.

Ребе указывает также на то, что сумма числовых значений всех букв в словах «бейт машиах» («дом машиаха») составляет именно 770, т.е. порядковый номер синагоги и йешивы Ребе в Нью-Йорке, на улице Истерн Парквей.

Согласно учению хаббада, Третий Большой храм будет отличаться от двух ему предшествующих тем, что он окажется вечным, являясь творением бога хаббада, и потому не будет подвержен разрушению. Третий храм должен спуститься с неба, и местом его «приземления» станет территория Малого храма. И тогда уже совокупное сооружение, соединяющее Малый и Большой храм, перенесется в Израиль и крепко встанет в Иерусалиме.

Пожалуй, хаббадники активнее всех используют христиан для достижения своих целей. С 1940-х годов центр движения находится в Нью-Йорке и имеет могущественных покровителей. К слову, в 1994 году при Клинтоне Шнейерсон был награждён посмертно высшей президентской наградой США — Золотой медалью Конгресса.

Одна из самых больших общин хаббада в мире сегодня на Украине. Руководителем движения в России является Главный раввин России влиятельный Берл Лазар, который еще в 1993 году заверял, что в России готовы встретить ребе короля машиаха, подразумевая седьмого любавического ребе, который еще в 1962 году говорил, что «Россия будет помогать сбору евреев в Израиле», а в 1967 году добавил: «Король машиах нашего поколения воюет с той страной (так он называет СССР), и он победит ее до такой степени, что она раскроет ворота для выезда евреев, и исполнится пророчество: «И уберет правление зла с земли».

«Большой Третий храм», «Малый Третий храм», «Первый машиах», «Второй машиах», «машиах в каждом поколении»... — сочиняют что хотят.

Ну и напоследок, для полноты картины, два слова об ордене тамплиеров. Какой рассказ про Третий храм обойдется без упоминания о таинственных и коварных рыцарях Храма?

Кто не знает про то, что рыцарей-монахов знаменитого несметно богатого ордена обвиняли в том, что они отреклись от Христа, плевали на распятие и поклонялись идолу Бафомету? Тамплиеры владели оккультными знаниями, им была ведома тайна «святого грааля» и секреты алхимии. Как принято считать, от них мистические секреты перешли к масонам... Ну и т.д.

Но для нас примечательно, что штаб-квартира ордена располагалась не где-нибудь, а в мечети Аль-Акса, которую крестоносцы во время своих знаменитых походов превратили в церковь. Так что даже своё название — «Бедные рыцари Храма Соломона» или просто «храмовники» — орден получил от Иерусалимского храма. Они же «тамплиеры», поскольку «храм» по-французски — «тамбль», а по латыни — «тэмплум». Помощь тамплиерам была признана делом и богоугодным, и престижным. Им выделялись земли, шли пожертвования. Ордену присягала дворянская молодежь, которая тоже отписывала ему свое имущество. Папа Римский Иннокентий II издал специальную буллу, согласно которой тамплиеры объявлялись подвластными лишь самому папе, освобождались от налогов, могли свободно пересекать границы. В дальнейшем, хоть Папа и сжёг окаянных заговорщиков, но, как поговаривают, связи с богатым орденом остались, переродившись в нечто более могущественное.

Говоря о некоем новом Храме веры, не призывал ли апостол Павел принять участие в построении Храма совсем иного свойства — несокрушимого? Мы, христиане, называем его Церковью (в значении православного братства верных). Но взгляды сил, ожидающих антихриста, — упрямо обращен к камням.

По мнению Святых отцов Православной Церкви, планам хаббадников, масонов и иже с ними — во всяком случае в отношении Третьего храма — осуществиться не суждено. Особенно чётко по этому вопросу высказался Иоанн Златоуст: «Иерусалимский храм никогда не будет восстановлен, иудейские жертвы никогда уже приноситься не будут, настоящего иудейского священства также никогда не будет». Эта мысль вполне подтверждается и Священным Писанием, где Сам Господь незадолго до Своих крестных страданий произнес следующее пророчество относительно Иерусалимского храма: «Се оставляется вам дом ваш пуст».

Объясняя приведенные выше слова Христа, св. Иоанн Златоуст обращает внимание на то, что Он называет Иерусалимский храм уже не дом Мой, а дом ваш, т.е. дом иудеев-отступников, и указывает на совершенное его запустение. Итак, мерзость запустения существует на бывшем святом месте уже почти две тысячи лет; антихрист же воссядет на том месте, которое до его пришествия было священо, этим местом может быть только Церковь христианская.

Увы, но нужно признать, что не только у хасидов и мормонов говорится об особой роли христианских народов в сценарии последних времен...

В пророчестве об антихристе от 26 октября 1861 г. святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «Народ наш может и должен соделаться орудием гения из гениев [антихриста], который наконец осуществит мысль о всемирной монархии, о исполнении которой уже многие пытались».

Помимо святителя Игнатия о явлении антихриста в России предсказывал также в конце XIX века и выдающийся русский православный мыслитель К.Н. Леонтьев: «Через какие-нибудь полвека, не более, русский народ из народа-«богоносца» станет мало-помалу, и сам того не замечая, «народом-богоборцем» и даже скорее всякого другого народа, быть может. Ибо, действительно, он способен во всём доходить до крайностей... Евреи были гораздо более нас, в свое время, избранным народом, ибо они тогда были одни во всем мире, веровавшие в Единого Бога, и однако они же распяли на кресте Христа, Сына Божия, когда Он сошел к ним на землю... Русское общество, и без того довольно эгалитарное

по привычкам, помчится еще быстрее всякого другого по смертному пути всесмешения и — кто знает? — подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель Новой Веры, — и мы, неожиданно, лет через 100 каких-нибудь, из наших государственных недр, сперва безсловных, а потом безцерковных или уже слабо-церковных, — родим того самого антихриста, о котором говорит епископ Феофан вместе с другими духовными писателями».

Литературы на эту тему много, но лучше читать святых отцов: толкование на книгу Откровения Андрея Кесарийского, слова святителя Иоанна Златоустого об антихристе, слова о нем же преп. Ефрема Сирина, св. Ипполита Римского, св. Ириней Лионского, преп. Иоанна Дамаскина, святителя Кирилла, архиепископа Иерусалимского, свт. Игнатия Брянчанинова, преп. Нила Мироточивого Афонского из его «Посмертных вешаний», преп. Серафима Саровского, св. праведного Иоанна Кронштадтского, архиепископа Аверкия (Таушева).

Мы не знаем, будет возведён Третий храм или нет, но даже если будет, то, скорее всего, он окажется лишь архитектурным и историческим памятником, как тот, что стоит сегодня в Бразилии, ибо в Священном писании указания на Третий храм нет.

В поисках истины, недремлющие христиане обращают самое пристальное внимание на такое важное место из книги пророка Даниила, как пророчество о 70-ти седмицах! В этом пророчестве Ангел Гавриил предсказал приход и убийство «Главного Машиаха» до разрушения храма, но не Третьего, а Второго Иерусалимского храма.

Значит, «Машиах» уже приходил в мир сей — согласно пророчеству, и это — Иисус Христос. Вот в чём дело! «Машиах Нагид», в синодальном переводе — «Христос Владыка».

Но точки зрения иудаизма — не было никаких помазанников. Значит, либо они должны признать, что Гавриил ошибся, либо Иисус и есть Машиах. Ангелы, вестники Бога, не ошибаются.

2

Тема, связанная с Третьим храмом, возникла не случайно и не являлась моей инициативой. Я удивилась, когда один уважаемый священник предложил мне написать некое исследование о Третьем Иерусалимском Храме. Признаться, уже тогда в душе поселилась тревога: почему именно эта «ядовитая» тема и почему непременно сейчас? Священник был непростой, слов на ветер не бросал. Так неужели и правда «близ есть, при дверех»? Не знаю, насколько у меня получилось «разобраться» с предметом, но в процессе работы одну вещь я поняла точно: чем глубже я погружалась в материал,

тем больше возникало вопросов. А поэтому нужно было бежать за помощью...

Живя рядом с Оптиной, я всегда имею возможность советоваться по тем или иным «трудным» вопросам с местными монастырскими и приходскими козельскими священниками. Духовенство тут, милостью Божией, сильное. Погибнуть в «интеллектуальной пустыне» или «информационном болоте» не позволят. События в мире развиваются настолько стремительно и в каком-то совершенно новом, неведомом доселе фантастическом формате, что у простых людей не получается их элементарно отслеживать, а уж тем более интерпретировать — не хватает духовной зоркости. Без праведной жизни — какие интерпретации? А поэтому, как слепые, то впадаем в крайности, то малодушествуем. В лучшем случае просто бродим впотьмах посреди новейших «измов» и формаций, не понимая, как к чему относиться, не разбирая, что важно, а что нет, что опасно для души, а что надумано; где, в конце концов, Божье, а где лукавая подмена, — настолько головокружительно смещаются в наши окаянные дни ориентиры. Человечество и правда стоит на пороге какой-то, как говорят, «эры». И вот, один уже беспечно бежит навстречу «новому прекрасному миру», подставляя руки и лбы под модные «татуировки», а другой, наоборот, столбенеет перед ним, поскольку происходящее подозрительно напоминает ему какой-то жуткий Армагеддон.

И всё это происходит с нами, словно в первый раз, и ответить на вопросы, которые ставит перед нами жизнь, оказывается возможным только Духом Святым, человеческое рассуждение тут бессильно. Вот здесь-то, кроме чтения Евангелия и писаний святых отцов, и необходим живой пастырь, который через собственный молитвенный подвиг смог бы растолковать содержание всей этой гремящей и харкающей огненными языками апокалипсиса «новостной ленты», разъяснить с точки зрения духовных законов, а главное перспектив. Как быть и что нам делать — словесным овечкам стада Христова? Живое пастырское слово о самом остром, о том, о чём говорить «страшно», сегодня не сыщешь и днем с огнем... Но случаются счастливые исключения!

Батюшка предварительно ознакомился с текстом моих прежних статей, после чего состоялся наш разговор. Пусть не смущает вас то, что мой собеседник выступает инкогнито, тому есть свои причины.

— *Отче, события новейшей истории всё отчетливее показывают, что дороги мировой политики ведут не куда-то, но в Третий экуменический храм, где рано или поздно воссядет некий*

избранный «божий эмиссар», а по-нашему антихрист, который откроет для человечества эру «мира» и «сотрудничества» между народами. Что, если столь настойчивое и успешное продвижение этими финансовыми «элитами» своих глобалистских реформ, суета вокруг восстановления Третьего храма и появления предсказанного нам «человека греха», грёзы о новом мировом порядке, единой финансовой системе и отмене наличных денег, ограничении личных свобод и, как итог, запрета на веру во Христа, — что если всё это реальность, наше ближайшее будущее? Мы видим, что эти люди всерьёз нацелены посадить на трон своего выкормыва и показать всем «кузькину мать». Вот только суждено ли всем их планам сбыться? Возможно ли перепрограммировать общее направление истории? Или нужно смиренно идти навстречу предписанному в Евангелии и Апокалипсисе? Ведь все знают, что антихрист рано или поздно воцарится. Возможно, и время это уже пришло? Как жить со всей этой «новейшей формацией» общества, с этой чудовищной повесткой на будущее?

— Верны Ваши вопросы и дух озабоченности. Признаки приближения конца всё явственнее проступают перед нашими глазами — того трагического окончания мировой истории, о котором мы предупреждены Самим Христом. Можем ли мы быть равнодушными? Можем ли молчать, когда и камни уже вопиют? Под этими «камнями» в данном случае можно подразумевать современные технологии, мёртвые по сути, но говорящие, а точнее, вопиющие к нам, подобно живым.

Ваш материал составлен во многом из анализа различных иудейских источников. Я считаю, что это область такой «мутной воды», которой невозможно напиться, как и морской водой. Иудеи, я думаю, и сами часто бродят во тьме и выдают желаемое за действительное даже для самих себя; тем более на мистификациях и хитрых головоломках построены их так называемые «новости» и откровения всем внешним, которых они именуют «гоями» (по-еврейски «гоим»), то есть «язычниками». Доверять им крайне наивно, они всё равно нас переиграют, перехитрят.

Мы должны понимать, что информационный поток очень сильно фильтруется. Всякому режиму или группам людей, которые стремятся к контролю и утверждению своей власти, надо формировать сознание подданных. Нужная информация пропускается в медиапространство, многократно повторяясь на разные лады, а ненужная совершенно не допускается. У меня на исповеди были люди, которые профессионально этим занимаются, обслуживая «заказы» сильных мира сего, и надо сказать, с большим успехом. Вообще, над формированием «нужных» взглядов и особенностей психологии людей работают очень серьезно. Это — «система», обладаю-

шая большим научным потенциалом и ясными, отточенными в течении многих десятилетий планами. Это очень хорошо раскрыто у антиутопистов Джорджа Оруэлла, Евгения Замятина, Рея Бредбери.

Причастность к власти и стремление к авторитету, принадлежность к элите давно уже перемешали потомков аристократии с членами различных масонских кругов и ведущих кланов финансовой олигархии. Многие из них тесно переплетены и с верхушкой талмудического иудаизма. Что их объединяет? Близкие идеалы, схожие корыстные стремления. Одни явно поклоняются одним богам, другие могут быть уверены, что их боги иные, но это не меняет сути. Поскольку они принадлежат к антицеркви, то в их мире всё перевернуто, как в зазеркалье, с ног на голову. Гордость и ненависть — их основные законы. Если они и не едят друг друга, как пауки в банке, то лишь по причине того, что или невыгодно, или страшно. Во всяком случае, гораздо больше они ненавидят всех остальных. И даже сатане они предаются вовсе не искренно, а своекорыстно, с надеждой на самообожествление. Человеку несведущему всё это покажется страшной клеветой на симпатичных людей во фраках и странноватых, но очень остроумных людей в шляпах. К нашему времени им в целом удалось договориться относительно глобального развития мира, установления полной власти над ним.

— *Они уже не скрываются особо и озвучивают эти планы, среди которых сокращение численности населения, тоталитарный контроль...*

— Заметьте, мы против них — как насекомые, которых опрыскивают, а они почему-то не хотят вымирать. Мы просто липулы против их интеллектуального, технического, финансового могущества. И противостоять этой «системе» может только «стихия» жизни в Боге. Соединяясь с Началом невещественным и сверхсовершенным, человек может черпать от Него силу и мысль, превосходящие его противников. Так и неложную «информацию» мы должны черпать из Священного Писания и Природы — двух основных Книг Познания, данных нам Творцом. Может показаться, что это утверждение очень наивно, но это вовсе не значит, что мы должны становиться какими-то начетниками, не поднимающими носа из-за огромных «талмудов» почитаемых нами Книг. Вовсе нет. Однако только жизнь ума, «плавающего в Священном Писании», как сказал преп. Серафим, дает возможность прозревать за потоками «мутных вод» современной информации крупицы истины.

Количество и агрессивность информации сегодня так велики, что они задавливают ум человека просто своим объёмом.

мом. Я постоянно сталкиваюсь с такими «приплюснутыми» людьми на исповеди и вне ее. Их сознание настолько полно уже решёнными за них вопросами, что не способно вместить другую точку зрения. Пытливому уму часто кажется, что он предпринял все возможные для него старания и теперь обладает полной и самой непредвзятой информацией. И тем не менее они ошибаются! Как это горько видеть! Воистину великая сеть раскинута для разума, «сеть», уловляющая и не выпускающая. Видимо, человек вне интернета скоро станет самым «мудрым» и «прозорливым», даже не потому, что Бог будет открывать ему веденье происходящего, а потому, что всё остальное человечество «ослепнет» от информации и совершенно забудет о другом измерении.

Итак, если мы сделаем попытку перейти на другой уровень «информационных потоков», то не будет нужды выяснять множество мелких и несущественных вопросов относительно Третьего храма. В Священном Писании есть параллели, которые помогут нам понять эту проблему. Одно из них — это видение пророка Иезекииля, описанное в 40-й главе его книги: муж, лицо которого сияет, подобно начищенной меди, измеряет тростью и куском льняной веревки небесный храм и показывает особенности богослужения в нем. Это очень подробное описание всех деталей храма возвещало о будущем восстановлении разрушенного Навуходоносором первого иудейского храма.

Подобное видение мы находим в 10-й главе Апокалипсиса, где престарелому ученику Христа Иоанну было повеление измерить небесный храм. Суть явления — в том, что всё сакральное земное имеет свой прообраз на небе. И в этом Небесном храме нет ничего неважного или случайного. Всё пронизано многими смыслами и говорит на своем символическом языке. И это видение отстоит всего на несколько лет от разрушения второго храма и самого Иерусалима полководцем Титом, будущим римским императором, совершившегося в 70-м году в результате Иудейской войны.

— *То есть Вы хотите сказать, что это явление было своеобразным пророчеством о будущем восстановлении Храма в Иерусалиме, того самого Третьего храма?*

— Думаю, тут всё сложнее. С одной стороны, Иоанну четко сказано, чтобы он не измерял внешний двор храма, который, как и святой град, будет отдан на попроение язычникам в течение 42 месяцев, т.е. на время воцарения антихриста. Под именованием язычников здесь, видимо, указываются все принявшие власть зверя и поклонившиеся ему, и таким образом отказавшиеся от поклонения истинному Богу. Как

их еще назвать? Только язычники. Получается, что Третий храм всё же фигурирует в будущем историческом пространстве Откровения. Но о земной судьбе самого храма, измеренного Иоанном, не сказано, — только о «внешнем дворе». Возможно, под этим именованием церковного, но не сакрального пространства, имеющего лишь его признаки, и говорится о Третьем храме. Что это за храм, если там не будет совершено ни одного богослужения, а только антихристослужение и всяческие церемонии? Просто церковный «двор», не более того.

С другой стороны, тот храм из Небесного Иерусалима, внимательно описанный Иоанном, хотя и имеет некоторые черты, повторяющие ветхозаветный прообраз, всё же совершенно отличается от него. И естественно, он не похож на то сооружение, что по точному описанию хотят воздвигнуть иудеи на святом Сионе. Можно сказать, это совершенно не воплощаемый на земле новозаветный символ. Центром — Агнец, с Которым и вокруг Которого совершается непрерывное богослужение, состоящее не только из молитв и гимнов, но и из многих действий. Различные периоды завершения земной истории внизу сопровождаются здесь рядом своих событий, которые или являются реакцией на земные события, либо наоборот, начинают их. И весь пласт этих явлений настолько сложен, что их невозможно свести к чистой истории, пусть даже изложенной символическим языком. Это события, относящиеся и ко времени (для чего и показаны Иоанну как последовательная цепь событий), и одновременно вневременные.

После распятия Христа ветхозаветный храм теряет истинное наполнение, и его явственно покидает благодать — *«се оставляет дом ваш пуст»* (Мф. 24: 38). Благодать уходит при ярких внешних знаках и знамениях, как сообщает об этом ревностный иудей Иосиф Флавий, современник тому («Иудейская война», книга 6-я, глава 5-я). Сила Божия покинула место, а сами камни, в общем-то, кому нужны? Но после Тита не осталось и камней. И вот теперь иудеи с великой тщательностью восстанавливают, а точнее, реконструируют всё до мелочи. Это их игрушки, пускай забавляются в своей песочнице. Нам это может быть интересно как некий казус археологии и церковной истории, как описание в книгах Ветхого Завета особенностей жертвоприношений, которые почти никто не читает, — только так и не более того.

Нынешнее, третье по счету, воссоздание Храма — инициатива всецело иудейская. И хотя воссоздаётся здание, принадлежащее и нашей церковной истории, Церковь Христова никакого участия в этом не принимает, поскольку не имеет в том нужды. В каждом нашем храме присутствует тот небесный

проект, тот образ, что показан в Откровении Иоанну Богослову. Пусть и в очень скромной форме, главное, он присутствует мистически. Присутствует в храмах и образ Тела Христова. Внешняя форма — это телесность, которую наполняет дух. Когда-то Господь сказал иудеям: *«Разрушьте храм этот, и в три дня воздвигну его»* (Ин. 2: 18). Говорил он о Своем теле, они же подумали, что он покушается в помыслах на их храм.

— *А будет ли Третий храм иметь силу жертвенника сатаны?*

— Вопрос интересный. Их «храм» для нас не имеет никакой мистической ценности. Как положительной, так и отрицательной. Но лишь дотоле, доколе мы пребываем в молитве и стоим в истине. Иудеи ждут своего «машиаха» и хотят его посадить в своем храме. Поскольку предсказано, что *«посадят его в храм Божий как бога»* (2 Фес. 2: 4), то им это удастся. Жаль только, бедные иудеи поймут это слишком поздно, хотя и сказано, что некоторая часть их, в конце концов, спасётся, отвергнув антихриста.

— *И всё-таки у апостола Павла сказано, что его «посадят в храм Божий»?*

— В своё время мы много рассуждали на эту тему. Понимаете, ведь Третий храм тоже посвящается Богу Ветхого Завета. Кому на самом деле поклоняются иудеи, это уже другой вопрос. Христос не зря очень резко обличал верхушку иудейскую: *«Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня... Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего»* (Ин. 8: 41-44). Та часть иудеев, которая не приняла Христа, со временем вся стала богоборческой, подчинилась диктату Талмуда и Каббалы. Но раньше, во времена апостолов, иудеи еще поклонялись Богу Отцу, и для апостола Павла «храмом Божиим» мог быть только Иерусалимский храм. И послание апостола писалось, когда Иерусалимский храм ещё оставался святым, а апостолы еще ходили туда молиться.

— *Но именно не принявшие Христа иудеи сейчас восстанавливают свой храм?*

— Знаете, я вот думаю, а стоит ли нам переживать по поводу этого Третьего храма? Опасаться его строительства? Я совершенно не понимаю, чем эта историческая реконструкция и пусть даже место коронации будущего антихриста грозит нам? Возможно, Вы со мной не согласитесь... Мне представляется, что у нас с иудеями абсолютно параллельное бытие, не соприкасающееся никак. Это здесь телесно мы сталкиваемся с ними в метро, на улицах, но в области Духа мы проходим в совершенно иные пространства.

— *Отче, но в действительности обладают ли они силой, способной приблизить приход антихриста? Они заявляют, что*

своими действиями, молитвами «имманентизируют эсхатон». Так ли это?

— Постойте, этот термин означает «делают доступным последнего», так? Наверное, это утверждение имеет смысл, раз они восстанавливают храм, готовят облачения, выращивают всяких рыжих коров. Одним словом, крайне стараются всё подготовить. Пускай готовят, это их дело. Об этом ведь тоже известно, что так они и должны поступать. Но приблизить конец и мнимое их господство, мне кажется, им не дано. Ведь Агнец Божий на небесном престоле вовсе не спит. В Чьей руке времена и сроки, все наши жизни?.. Чего же нам теперь суетиться? Быть может, примеривать на себя ермолку? Или наоборот, накручивать себя в ненависти к этим людям только потому, что их самих обманули?

Всё идет по сценарию Откровения, там всё написано. Возьмите политику. Правительства превратились в муху, пойманную пауком. Если она и шевелится, то только потому, что он дернул за паутину. Внешне они еще сохраняют свой вид, лапки и крылья, а внутри уже давно высосаны кровопийцами, которых удачно называют «хозяева денег» или «князья иудейские». Законы изменяются, всё более приспособляясь к требованиям мировой закулисы. Культура и наука, церковные и светские глашатаи выстраиваются в очередь, чтобы успеть вовремя прославить или оправдать действия «большого брата»... Нам остаётся только одно прибежище — Церковь, поскольку она спускает небо на землю, а человека возвышает и преображает.

— *Люди приходят в Церковь и часто слышат там вещи, прямо противоположные тому, о чём Вы сейчас говорите.*

— Голос Церкви надо отличать от заявлений некоторых её представителей. Он не должен расходиться с Евангелием. Если сказано: «внидите узкими вратами», а священник с экрана или амвона вещает о великих преимуществах идти путем пространным, к чему его слушать?

Впрочем, Господь предупредил нас, что *«за исполнение беззакония охладет любовь многих... и тогда соблазнятся многие, и друг друга предадут, и возненавидят друг друга. И многие лжепророки возбуждены будут и обманут многих»* (Мф. 24: 10-11). *«В последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам-обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей»* (1 Тим. 4: 1-3). Простому человеку, конечно, это трудно различить, но смотрите, как громоздятся друг на друга все эти слои лжи и обмана. И сейчас внешняя ситуация такова, что говорить правду во всеуслышание уже нет возможности... Такое время! Но я бы не драматизировал в связи с этим общее положение

ние. Пока тот, кто хочет услышать слово, всегда найдёт к этому возможность.

— *Когда Святителю Игнатия (Брянчанинова) спрашивали о приходе антихриста, он отвечал, что точной даты нет, и что приход антихриста определяют люди своей злобой. Так каковы наши перспективы?*

— Мне представляется, нам не о времени воцарения антихриста надо переживать, до которого многие из нас не доживут. Я не утверждаю, что времени еще много, но сейчас человечество еще не совсем готово. Если мы всмотримся в историю: сколько там мерзостей было, но человек оставался, по сути, неизменным. Сейчас же надвигается период, когда сама природа человека изменится. И вот это «недочеловечество», оно и примет «человека греха», и поклонится ему. Владыка Игнатий и не предполагал, что это будет за «злоба». Он имел в виду злобу как дитя, рождающееся от брака нравственного разложения и гордости.

— *Но ситуация в мире меняется с такой головокружительной скоростью! Кажется, «близ есть, уже при дверях»?*

— Да, еще апостолы воздыхали: «*Дети, последняя кончина...*» (1 Ин. 2: 17). У нас есть истинный критерий оценки этой ситуации, и он указан в Евангелии Самим Господом. Это переломный момент последних времён — «мерзость запустения на святом месте». Что такое «святое место»? Может быть, это возрождаемый иудеями Третий храм? Тут могут быть разные толкования, потому что без внимательного изучения седмин в пророчестве Даниила, где впервые упоминается «мерзость запустения», мы настоящий смысл этого не поймем. С одной стороны, Третий храм мёртвый, как неодоушевленный скелет. Скорее всего тут имеются в виду наши храмы, живые, где бьет ключом вечно живая струя великого Таинства Тела и Крови Христовых. Так вот, если в наших алтарях вы «*увидите мерзость запустения, стоящую на святом месте*» (Мф. 24: 15), туда не только нельзя будет ходить, но надо будет «*бежать в горы*» (Мф. 24: 16), т.е. в непроходимые места. Поскольку всякое соприкосновение с властью антихриста будет губительно и крайне соблазнительно, а избежать этого можно, только абсолютно исключив себя из виртуального и реального общения с обществом того времени. Так и сказано: «*...лжепророки дадут знаменья великие и чудеса, так чтобы обмануть, если возможно, и избранных*» (Мф. 24: 24). Даже самый стойкий человек не может рассчитывать, что его не смогут ввести в заблуждение обманом.

— *Батюшка, а что такое «мерзость запустения»? Ведь под это понятие можно подвести многое? Как же разобраться?*

— Вы правы. Само слово «мерзость» (по-еврейски «шик-куц») означает не просто что-то отвратительное, а служит в Ветхом Завете конкретным понятием. Оно обозначает предмет или обряд ложного культа, которым следует гнушаться по религиозным соображениям. То есть обряд будет совершаться, но он будет мерзок пред очами Бога. Этого невозможно будет не заметить.

В 12-й главе Апокалипсиса дается обетование о том, что Церковь верных, которая представлена там как Жена, облечённая в солнце, «убежала в пустыню», где *«приготовлено было для неё место от Бога, чтобы питали её там»* (Откр. 12: 6). Из этого видно, что краткое время правления антихриста не особенно коснётся самой Церкви. Господь укроет истинно верующих в местах сокровенных. И заметьте, как только скрывается Жена, облечённая в солнце, появляется ее антитеза, которую по традиции называют Великая блудница, у которой на лбу написано несколько имен: «Тайнство», погрешчески «мистерия», что значит «священнодействие», а в данном контексте уместнее сказать, «сквернодействие»; «Вавилон», что значит «смешение», и *«Мать грехам и мерзостям земным»* (Откр. 17: 5). По сути, это антицерковь, *«синагога сатаны»* (Откр. 2: 9 и 3: 9). Недаром в руках её «потир» — сосуд для совершения богослужений. Пока Церковь не скрылась, она, конечно, существует, но втайне, неявно. Причем, из посланий семи церквям, с которых и начинается книга Апокалипсиса, видно, что антицерковь нередко проникает и внутрь церковной ограды, представляется самой Церковью.

Понимаете, Церковь — это и есть тот «удерживающий теперь», о котором сказано, что пока он не будет убран из общества, «тайна беззакония» не получит силу. Многие видят в этих словах роль царя или просто любой власти, сдерживающей разврат и безумие «одичавшего» человечества, но на самом деле речь идет о Евхаристии. Об этом пишет Ефрем Сирин, и это точно, ведь схватка идет не с людьми, а с самим сатаной. Какой царь ему может противостоять? Только Царь, умирающий за Свой народ. Постоянно совершающееся Тайнство Тела и Крови — вот чего более всего боятся в аду. И наши храмы — это крепости на inferнальных рубежах. Вся эта магия, различные жертвоприношения сатане, всё сквернодействие антицеркви разбивается о незримые границы Жены, облечённой в солнце, и отползает во тьму личного греха, в закоулки отсутствия света молитвы.

— *Сейчас есть люди, которые ушли из Церкви, не поминают Патриарха, обличают тех, кто продолжает ходить в храмы. Это складывается новый раскол?*

— Я как раз к этому и веду. Среди них много ревностных, неравнодушных людей, но они поторопились и частные отступления приняли за общее. И происходит это лишь потому, что они не знают как следует Писания, не советуются со старцами, а доверяют духу ревности, который очень легко спутать с духом рвения, обольщения и осуждения. Расколом это назвать еще преждевременно, но рано или поздно любое самочинное сборище перерастает в более тяжелую форму болезни — раскол. А происходит это оттого, что они начинают всё больше и больше поносить Таинства, будто бы несовершенствующиеся, и Жену, облечённую в солнце, называют блудницей.

— *Они утверждают, что вместе участвовать в Таинствах с иерархами, совершающими экуменистические действия, — это соединиться с ними в духе.*

— Знаете, тут налицо непонимание природы Церкви, которая свята и непорочна. Вот на наше тело и внутрь его попадают неисчислимые количества микробов и вирусов, но всем им поставлены Творцом преграды и определённые защитные механизмы, о многих из которых мы не догадываемся. Точно так же множество грехов отдельных людей очищается, попадает внутри Церкви Духом Святым. Если бы было иначе, нас бы давно уже разорвало на атомы. Вообще, природа Церкви — Тела Христова, двусоставна. Как и в Богочеловеке, есть Божественное, непорочное естество, и земное, видимое всем, страдающее и изменчивое. Эта земная составляющая Церкви вбирает в себя не только праведность и богообщение отдельных людей, но и многие пороки, свойственные всему человечеству. Грех, конечно, не входит в соединение с небом, он здорово отравляет нам жизнь, но нам никуда от него не деться. Мы должны терпеть, должны болеть, что же делать? В истории Церкви всегда были ревнители, требующие изгнать грешников, отлучить и не общаться с отступниками во время гонений, но Церковь терпела их «праведность» наравне с покаянием отрекшихся от Христа.

— *Мы можем сказать, что живём во времена апокалиптические? Что ждёт нас в будущем?*

— Евангелие учит нас реализму настоящего, ведь будущее не в нашей власти. Христос говорит, что нам *«довлеет злоба настоящего дня»* (Мф. 6: 34). Огромная беда происходит оттого, что многие *«убояшася страха, идеже не бе страх»* (Пс. 13: 5). Не стоит, всматриваясь в будущее, пугаться, паниковать, обмирать от ужаса будущих зол и скорбей. Когда мы заражаемся духом паники, мы упускаем главное — наше упование. Мы каждый день живём в чуде, мы просто не видим, не осознаем, от скольких бед спасает нас Господь еже-

минутно. Ведь пространство вокруг нас наполнено бесами, которые ненавидят нас. Духами, по сравнению с которыми любой уголовник или насильник просто агнец.

— *Что же, отдаться воле Божией и успокоиться?*

— Конечно! Но обольщаться внешним спокойствием не стоит. «Тайна беззакония» действует по строго продуманному плану, но победа ее станет возможна только из-за нашего всеобщего «отступления». Мы должны вымалывать нынешнюю ситуацию. Сейчас более широкой волной затопляет храмы антицерковное или, говоря по-научному, еkkлесиологическое лжеучение. Церковь пытаются уложить в постель, инфицировать ее «коронавирусной ересью»!

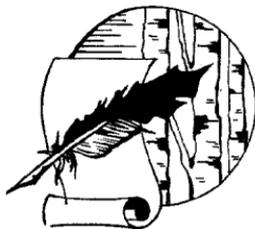
— *Многие пребывают в смущении, растерянности, тихой панике.*

— Да, но всё же хорошо, что такие «точки излома» существуют. Они показывают крепость нашей веры, выводят на поверхность малодушие и формализм.

«Мерзость запустения на святом месте» — это не тайна, мы должны ее именно «увидеть». Понятно, что именно сейчас закладываются мысленные бомбы, которые потом подорвут привычный нам мир. Изменяют фундаментальные понятия и постулаты жизни Церкви. Уже совершены первые атаки на Ехаристию, уже закрывались на наших глазах храмы...

— *Так что, «бдите и молитесь...»?*

— Да, Вы очень удачно вспомнили эти слова Христа. Было бы хорошо завершить ими нашу беседу. Но знаете... я подумал, что опять мы совершаем одну и ту же ошибку. Слишком много говорим о негативе, погружаемся в рассмотрение всего этого зла, и в результате получается такое давящее, тяжелое впечатление, а воздать славу Богу забываем. Ведь у нас очень сильная Церковь! Я сейчас имею в виду не Небесную Церковь святых, не легионы ангелов, а неисчислимые, и, возможно, неприглядные с виду сокровища земной Церкви. Сколько в ней тихих, неприметных тружеников, никому не известных молитвенников, совершенно замечательных священников и праведных мирян. Они вовсе не медийные персоны (*смеётся*). Это наша тяжелая артиллерия, которая постоянно утюжит позиции врага, сама оставаясь невидимой. Поэтому Господь и утверждает нас: «Егда увидите всё сие сбывающееся, восклоните лица ваши», то есть поднимите лица к небу, не унывайте. Всё не так плохо, как зачастую нам кажется...

**СТИХИ
ПОЭТОВ РОССИИ**

Елена ОСМИНКИНА

* * *

В срок яблоко спадает спелое...
М. Цветаева

В срок яблоко спадает спелое,
В срок мы приходим и уйдём
Весною или в зиму белую,
И тихо опустеет дом.

В срок станет муза растревоженной,
И звонко скатятся стихи
В тетрадку синюю непрошено,
Как искупленье за грехи.

Плоды спадают с веток спелые —
Прощальна яблочная сладость.
Как знать, судьба ужели зрелая,
Чтоб также яблоком упасть.

* * *

Рассыпает ночь горстями звёзды.
Остроликий месяц ворожит. —
Онемели избы часом поздним,
Свет в озябших окнах не горит.
В поднебесье тишина густела —
Опустилась до земного дна.

И кому какое нынче дело,
Что не спит старуха у окна:
Низенькая изгородь по брови
Утопает в снежности двора,
И свисают с черепичной кровли
Ледяных сосуллек веера.
— Тяжко, тяжко, — думает, вздыхая. —
Уж мороз ударил — нету слов!
Быть-то как? Дровишкам из сарая
Не спасти от лютых холодов.
На икону Божью покрестилась
И протёрла стёклышки очков:
— Охо-хо, на всё есть Божья милость,
Не забудет беды стариков.
Звёзды над избою вёрсты мерят,
Деревеньки с неба им видны,
Где так кротко в Божью милость верит
Русский дух загадочной страны.

г. Симферополь

Виктор МЕЛЬНИКОВ

ПРОВЕТРЕННЫЕ ДАЛИ

Коломна. Длинной улицы разбег,
В осенних листьях пёстрая дорога.
Шуршит листва у каждого порога,
А на Покров на крыши ляжет снег.

Весной заладят шумные дожди,
Мир расцветёт, отметив возрожденье.
Проветренные дали далеки,
Трамваев перезвоны — точно пенье.

А в проводах весенний ветерок
Запутался — и выбраться не может.
Притих, и посреди дорог
Его полёт прохожих не тревожит.

Но вдруг вспорхнул и полетел... Куда? —
Туда, где блещет полая вода,
Где облака рождаются над кручей,
И с бугорка бежит ручей гремячий.

УВИДЕЛ ТЕБЯ Я СЛУЧАЙНО

Осень на сердце ложится печалью —
Радость осталась в пылающем лете...
В парке увидел тебя я случайно —
Милую, стройную, в ярком берете.

Надо же, встретились, не разминулись,
Ночи осенние стали светлее...
К счастью, друг в друге не обманулись —
Ближе теперь ты, дороже, роднее.

Небо высокое алым закатом
Нас провожало в суровую зиму.
Вместе связало священным обрядом,
Чтобы любовь пронести негасимой.

Вспыхнула осень в Царицынских рошах,
Тушим мы этот пожар поцелуями.
Сложный наш мир не становится проще,
Только в нём тайное — что-то почуяли...

г. Коломна Московской обл.

Михаил ДАНЫШОВ

ТИШИНА

Восходит медленно рассвет золотогривый.
Не ухо слышит — чувствует душа,
Как над рекой росу роняет ива
Под шёпот звёзд и трепет камыша.

Но вот уже вино зари разлито
И катит утро суетно волну —
Волну шумов разбуженного быта,
Вползая в душу, рая тишину.

Грачи обходят вспаханные межи,
А между ними, заходя в вираж,
Стрижи со свистом кромку неба режут,
Показывая высший пилотаж.

И день, сорвав тумана полог рваный,
Шумит, спешит открыть свое лицо.
А тишина, зализывая раны,
Как пес, забила под мое крыльцо.

с. Красное Рязанской обл.

Алексей СУТОРМИН

* * *

Почему так на Руси:
От всеильной власти —
Господи, меня спаси —
Лишь одни напасти?
Хоть кричи, хоть волком вой —
Всё одно и то же.
Хорошо ещё — живой —
Не содрали кожу.
Чтоб в отчаянье не впасть,
Непоколебимо
Признаю одну лишь власть:
Власть своей любимой.

* * *

На дворе лихая стужа —
Закружили холода.
Нос не высунешь наружу,
Ох, беда, беда, беда.
Воробей свою поживу
Ищет, радуясь: «Чиви!»
Не до жиру — быть бы живу,
Если выжил — так живи.
К моему летит окошку —
Ищет в жизни колею:
— Дайте счастья мне хоть крошку,
Я немного поклюю.
Выбивают дробь-чететку
Дятлы на стволах берёз.
Голод — это вам не тётка —
Гонит в стужу, на мороз.

Я, как вы, такой же нищий —
Выбрал в жизни колею.
И слова, как птицы пищу,
Я по зёрнышку клюю.

с. Староюрьево Тамбовской обл.

Григорий БЛЕХМАН

* * *

Проходят годы и столетья,
Сыграв, положенную роль,
И только время тихо лечит
Прорехи, промахи и боль.

И только времени подвластно
Судить, где истина, где нет, —
История нам не напрасно
Приносит опыт прошлых лет:

Ведь всё, что было, — есть и будет,
Хоть каждый жизненный виток
Несёт иллюзию: как будто
От истины ты недалёк.

И потому спешить не стоит
С категоричностью судить —
Лишь возраст *времени* достоин
Знать точно: «быть или не быть».

Его не видишь и не слышишь,
Но циферблат и календарь
Напоминают — время дышит
Сегодня так же, как и встарь.

* * *

Год из года за верхушкой лета
Таёт день, сужая свой проём,
Лишь деревья, повинясь ветру,
Шелестят о чём-то о своём.

Шелестят, наверное, о главном —
Сверху лучше видно, чем внизу,
Может, знают книгу без заглавья
И оттуда вести нам несут.

День за днём приходят эти вести,
Торопясь уйти за окоём,
Лишь деревья, всё на том же месте,
Шелестят о чём-то о своём.

* * *

Нежный вкус уходящего лета —
То ли возраста это примета,
То ли знак, чтобы жил не спеша,
Потому что всё в мире проходит —
Постепенно к другим переходит,
А с тобой остаётся душа.

г. Москва

Ирина СЕМЁНОВА

* * *

Памяти В.В. Кожина

Тот вечер мной не позабыт!
Пусть ослепляли хризантемы,
Он дымен был и ядовит,
Как дух писательской богемы.
Там всем поэты-новички
Дарили книжицы послушно,
И мэтр, глядящий сквозь очки,
Прищуривался добродушно.
Что был ему бокалов звон
И стол, накрытый образцово,
Тут знали все, что это он
Обожествил звезду Рубцова,
Что званье критика носил
Непревзойдённого — по праву,
И если вас превозносил,
То это означало славу.

Привычно втягивая дым,
Он с виду был само смирение,
А кто-то важно спорил с ним,
Скрываясь в омуте забвенья.

ГОРТЕНЗИИ

Как не найти погаснувшей звезды,
Как никогда, бродя цветущей степью,
Меж белых листьев и на белых стеблях
Мне не найти зеленые цветы...

Н. Рубцов

Среди светил, в дали необозримой,
Не отыскав погаснувшей звезды,
В степях блуждая, мой поэт любимый
Найти мечтал зелёные цветы.
Но пусть ещё прекрасен лик вселенной,
Устав лучиться в сфере ледяной,
И космос весь погаснет постепенно,
Стирая миг истории земной.
А под окном, где пробежали дети,
Глазам предстали, всплыв из-за угла,
Шары нежно-салатовых соцветий,
Светясь в глубинах тёмного стекла.
Гортензии, цветущие так поздно!
Осенней охрой тронуты слегка,
Так смотрят в ночь расставившие звёзды
Сквозь световые годы и века.
Кто им даёт латинские названия?
И для какой духовной полноты
В себе хранят угасших звёзд мерцанье
Поэзии зелёные цветы?

г. Орёл

Иван АНДРЕЕВ
(1957 — 2017)

Когда из грязи —
Прямо в князи,
Внезапно, будто пуля в лоб:

Не существует большей мрази,
Чем получивший власть холоп.

Ну нет в нем княжеской породы,
Он для благих не создан дел.
Ведь он дворяжка от природы,
Брехать на всех его удел.

Теперь не делится он костью.
Уж лучше подавиться ей.
И ненавидит лютой злостью
Собратьев, с кем одних кровей.

Здоровый дух в здоровом теле.
Нет. Может правдой быть и ложь...
Кто человек на самом деле?
Дай власть ему —
И всё поймешь.

Народ былых князей прохлопал.
Теперь на новых погляди:
Холоп останется холопом,
В какие платья ни ряди.

с. Псковское Белгородской области

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

(1821 — 1881)

К 200-летию со дня рождения

В ряду имён, определяющих сущность русской души, русского духа — Пушкин, Гоголь, Толстой, Чехов — возможно, только Достоевский был наделён даром проникновения, проникания в завтрашний день с его главными вопросами.

Не принимая теорий бунтарского переустройства жизни, писатель с не меньшей страстью отвергал мир стяжательства, пошлости, лицемерия, где закон «равенства карманов и бракосочетания капиталов» выше любви, чести, милосердия. Свидригайловы, Смердяковы, Лужины вернулись на порог сегодняшней России, и Девушкины, Мармеладовы, Незвановы снова ждут решения своей участи, как такие же «бедные люди» во всём современном глобальном мире, где «Ваал царит и даже не требует покорности, потому что в ней убеждён».

ВААЛ

(Из очерка «Зимние заметки о летних впечатлениях»)

Итак, я в Париже... Но не думайте, однако, что я вам много расскажу собственно о городе Париже. Я думаю, вы столько уже перечитали о нем по-русски, что, наконец, уж и надоело читать. К тому же вы сами в нем были и, наверное, всё лучше меня заметили. Да и терпеть я не мог, за границей, осматривать по гиду, по заказу, по обязанности путешественника, а потому и просмотрел в иных местах такие вещи, что даже стыдно сказать. И в Париже просмотрел. Так и не скажу, что именно просмотрел, но зато вот что скажу: я сделал опреде-

ЛАРЕЦ

ление Парижу, прибрал к нему эпитет и стою за этот эпитет. Именно: это самый нравственный и самый добродетельный город на всем земном шаре. Что за порядок! Какое благоразумие, какие определенные и прочно установившиеся отношения; как всё обеспечено и разлиновано; как все довольны, как все стараются уверить себя, что довольны и совершенно счастливы, и как все, наконец, до того достарались, что и действительно уверили себя, что довольны и совершенно счастливы, и... и... остановились на этом. Далее и дороги нет. Вы не поверите тому, что остановились на этом; вы закричите, что я преувеличиваю, что это всё желчная патриотическая клевета, что не могло же всё это остановиться совсем, в самом деле. Но, друзья мои, ведь предупредил же я вас еще в первой главе этих заметок, что, может быть, ужасно навру. Ну и не мешайте мне. Вы знаете тоже наверно, что если я и навру, то навру, будучи убежден, что не вру. А, по-моему, этого уже слишком довольно. Ну так и дайте мне свободу.

Да, Париж удивительный город. И что за комфорт, что за всевозможные удобства для тех, которые имеют право на удобства, и опять-таки какой порядок, какое, так сказать, затишье порядка. Я всё возвращаюсь к порядку. Право, еще немного, и полуторамиллионный Париж обратится в какой-нибудь окаменелый в затишье и порядке профессорский немецкий городок вроде, например, какого-нибудь Гейдельберга. Как-то тянет к тому. И будто не может быть Гейдельберга в колоссальном размере? И какая регламентация! Поймите меня: не столько внешняя регламентация, которая ничтожна (сравнительно, разумеется), а колоссальная внутренняя, духовная, из души происшедшая. Париж суживается, как-то охотно, с любовью умяляется, с умилением ежится. Куды в этом отношении, например, Лондон! Я был в Лондоне всего восемь дней, и, по крайней мере, наружно — какими широкими картинами, какими яркими планами, своеобразными, нерегулированными под одну мерку планами оттушеввался он в моих воспоминаниях. Всё так громадно и резко в своей своеобразности. Даже обмануться можно этой своеобразностью. Каждая резкость, каждое противоречие уживаются рядом с своим антитезом и упрямо идут рука об руку, противореча друг другу и, по-видимому, никак не исключая друг друга. Всё это, кажется, упорно стоит за себя и живет по-своему и, по-видимому, не мешает друг другу. А между тем и тут та же упорная, глухая и уже застарелая борьба, борьба на смерть всеобщезападного личного начала с необходимостью хоть как-нибудь ужиться вместе, хоть как-нибудь составить

общину и устроиться в одном муравейнике; хоть в муравейник обратиться, да только устроиться, не поедая друг друга — не то обращение в антропофаги! В этом отношении, с другой стороны, замечается то же, что и в Париже: такое же отчаянное стремление с отчаяния остановиться на statu quo, вырвать с мясом из себя все желания и надежды, проклясть свое будущее, в которое не хватает веры, может быть, у самих предводителей прогресса, и поклониться Ваалу. Пожалуйста, однако ж, не увлекайтесь высоким слогом: всё это замечается сознательно только в душе передовых сознающих да бессознательно инстинктивно — в жизненных отправлениях всей массы. Но буржуа, например, в Париже, сознательно почти очень доволен и уверен, что всё так и следует, и прибьет даже вас, если вы усомнитесь в том, что так и следует быть, прибьет, потому что до сих пор всё что-то побаивается, несмотря на всю самоуверенность. В Лондоне хоть и так же, но зато какие широкие, подавляющие картины! Даже наружно какая разница с Парижем. Этот день и ночь суеотящийся и необъятный, как море, город, визг и вой машин, эти чугулки, проложенные поверх домов (а вскоре и под домами), эта смелость предприимчивости, этот кажущийся беспорядок, который в сущности есть буржуазный порядок в высочайшей степени, эта отравленная Темза, этот воздух, пропитанный каменным углем, эти великолепные скверы и парки, эти страшные углы города, как Вайтchapель, с его полуголым, диким и голодным населением. Сити с своими миллионами и всемирной торговлей, кристальный дворец, всемирная выставка... Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира, в едино стадо; вы сознаете исполинскую мысль; вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа, торжество. Вы даже как будто начинаете бояться чего-то. Как бы вы ни были независимы, но вам отчего-то становится страшно. Уж не это ли, в самом деле, достигнутый идеал? — думаете вы; — не конец ли тут? не это ли уж, и в самом деле, «едино стадо». Не придется ли принять это, и в самом деле, за полную правду и занеметь окончательно? Всё это так торжественно, победно и гордо, что вам начинает дух теснить. Вы смотрите на эти сотни тысяч, на эти миллионы людей, покорно текущих сюда со всего земного шара, — людей, пришедших с одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся в этом колоссальном дворце, и вы чувствуете, что тут что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалип-

сиса, воочию совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вековечного духовного отпора и отрицания, чтоб не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующего за свой идеал...

— Ну, это вздор, — скажете вы, — болезненный вздор, нервы, преувеличение. Не остановится на этом никто, и никто не примет этого за свой идеал. К тому же голод и рабство не свой брат и лучше всего подскажут отрицание и зародят скептицизм. А сытые дилетанты, прогуливающиеся для своего удовольствия, конечно, могут создавать картины из Апокалипсиса и тешить свои нервы, преувеличивая и вымогая из всякого явления для возбуждения себя сильные ощущения...

— Так, — отвечаю я, — положим, что я был увлечен декорацией, это всё так. Но если бы вы видели, как горд тот могучий дух, который создал эту колоссальную декорацию, и как гордо убежден этот дух в своей победе и в своем торжестве, то вы бы содрогнулись за его гордыню, упорство и слепоту, содрогнулись бы и за тех, над кем носится и царит этот гордый дух. При такой колоссальности, при такой исполинской гордости владычествующего духа, при такой торжественной оконченности созданий этого духа замирает нередко и голодная душа, смиряется, подчиняется, ищет спасения в джине и в разврате и начинает веровать, что так всему тому и следует быть. Факт давит, масса деревенеет и прихватывает китайщины, или если и рождается скептицизм, то мрачно и с проклятием ищет спасения в чем-нибудь вроде мормоновщины. А в Лондоне можно увидеть массу в таком размере и при такой обстановке, в какой вы нигде в свете ее наяву не увидите. Говорили мне, например, что ночью по субботам полмиллиона работников и работниц, с их детьми, разливаются как море по всему городу, наиболее группируясь в иных кварталах, и всю ночь до пяти часов празднуют шабаш, то есть наедаются и напиваются, как скоты, за всю неделю. Всё это несет свои еженедельные экономии, всё наработанное тяжким трудом и проклятием. В мясных и съестных лавках толстейшими пучками горит газ, ярко освещая улицы. Точно бал, устраивается для этих белых негров. Народ толпится в отворенных тавернах и в улицах. Тут же едят и пьют. Пивные лавки разубраны, как дворцы. Всё пьяно, но без веселья, а мрачно, тяжело, и всё как-то странно молчаливо. Только иногда ругательства и кровавые потасовки нарушают эту подозрительную и грустно действующую на вас мол-

чаливость. Всё это поскорей торопится напиться до потери сознания... Жены не отстают от мужей и напиваются вместе с мужьями; дети бегают и ползают между ними. В такую ночь, во втором часу, я заблудился однажды и долго таскался по улицам среди неисчислимой толпы этого мрачного народа, распрашивая почти знаками дорогу, потому что по-английски я не знаю ни слова. Я добился дороги, но впечатление того, что я видел, мучило меня дня три после этого. Народ везде народ, но тут всё было так колоссально, так ярко, что вы как бы ощупали то, что до сих пор только воображали. Тут уж вы видите даже и не народ, а потерю сознания, систематическую, покорную, поощряемую. И вы чувствуете, глядя на всех этих париев общества, что еще долго не сбудется для них пророчество, что еще долго не дадут им пальмовых ветвей и белых одежд и что долго еще будут они взывать к престолу всевышнего: «доколе, господи». И они сами знают это и покамест отмщают за себя обществу какими-то подземными мормонами, трясучками, странниками... Мы удивляемся глупости идти в какие-то трясушки и странники и не догадываемся, что тут — отделение от нашей общественной формулы, отделение упорное, бессознательное; инстинктивное отделение во что бы то ни стало для ради спасения, отделение с отвращением от нас и ужасом. Эти миллионы людей, оставленные и прогнанные с пиру людского, толкаясь и давя друг друга в подземной тьме, в которую они брошены своими старшими братьями, ощупью стучатся хоть в какие-нибудь ворота и ищут выхода, чтоб не задохнуться в темном подвале. Тут последняя, отчаянная попытка сбиться в свою кучу, в свою массу и отделиться от всего, хотя бы даже от образа человеческого, только бы быть по-своему, только бы не быть вместе с нами...

Я видел в Лондоне еще одну подобную же этой массу, которую тоже нигде не увидите в таком размере, как в Лондоне. Тоже декорация в своем роде. Кто бывал в Лондоне, тот, наверно, хоть раз сходил ночью в Гай-Маркет. Это квартал, в котором по ночам, в некоторых улицах, тысячами толпятся публичные женщины. Улицы освещены пучками газа, о которых у нас не имеют понятия. Великолепные кофейни, разубранные зеркалами и золотом, на каждом шагу. Тут и сборища, тут и приюты. Даже жутко входить в эту толпу. И так странно она составлена. Тут и старухи, тут и красавицы, перед которыми останавливаешься в изумлении. Во всем мире нет такого красивого типа женщин, как англичанки. Всё это с трудом толпится в улицах, тесно, густо. Толпа не умещается

на тротуарах и заливает всю улицу. Всё это жаждет добычи и бросается с бесстыдным цинизмом на первого встречного. Тут и блестящие дорогие одежды и почти лохмотья, и резкое различие лет, всё вместе. В этой ужасной толпе толкается и пьяный бродяга, сюда же заходит и титулованный богач. Слышны ругательства, ссоры, зазыванье и тихий, призывный шепот еще робкой красавицы. И какая иногда красота! Лица точно из кипсеков. Помню, раз я зашел в одно «Casino». Там гремела музыка, шли танцы, толпилась бездна народу. Убранство было великолепное. Но мрачный характер не оставляет англичан и среди веселья: они и танцуют серьезно, даже угрюмо, чуть не выделывая па и как будто по обязанности. Наверху, в галерее, я увидел одну девушку и остановился просто изумленный: ничего подобного такой идеальной красоте я еще не встречал никогда. Она сидела за столиком вместе с молодым человеком, кажется богатым джентльменом и, по всему видно, непривычным посетителем казино. Он, может быть, отыскивал ее, и наконец они сиделись или условились видаться здесь. Он мало говорил с нею и всё как-то отрывисто, как будто не о том, о чем они хотели бы говорить. Разговор часто прерывался долгим молчанием. Она тоже была очень грустна. Черты лица ее были нежны, тонки, что-то затаенное и грустное было в ее прекрасном и немного гордом взгляде, что-то мыслящее и тоскующее. Мне кажется, у ней была чахотка. Она была, она не могла не быть выше всей этой толпы несчастных женщин своим развитием: иначе что же значит лицо человеческое? А между тем она тут же пила джин, за который заплатил молодой человек. Наконец он встал, пожал ей руку, и они расстались. Он ушел из казино, а она с румянцем, разгоревшимся от водки густыми пятнами на ее бледных щеках, пошла и затерялась в толпе промышляющих женщин. В Гай-Маркете я заметил матерей, которые приводят на промысел своих малолетних дочерей. Маленькие девочки лет по двенадцати хватают вас за руку и просят, чтоб вы шли с ними. Помню раз, в толпе народа, на улице, я увидал одну девочку, лет шести не более, всю в лохмотьях, грязную, босую, испитую и избитую: просвечивавшее сквозь лохмотья тело ее было в синяках. Она шла, как бы не помня себя, не торопясь никуда, бог знает зачем шатаясь в толпе; может быть, она была голодна. На нее никто не обращал внимания. Но что более всего меня поразило — она шла с видом такого горя, такого безвыходного отчаяния на лице, что видеть это маленькое создание, уже несущее на себе столько проклятия и отчаяния, было даже как-то неестественно и ужасно больно. Она всё качала своей исключенной голо-

вой из стороны в сторону, точно рассуждая о чем-то, раздвигала врозь свои маленькие руки, жестикулируя ими, и потом вдруг сплескивала их вместе и прижимала к своей голеночке груди. Я ворочился и дал ей полшиллинга. Она взяла серебряную монетку, потом дико, с боязливым изумлением посмотрела мне в глаза и вдруг бросилась бежать со всех ног назад, точно боясь, что я отниму у нее деньги. Вообще предметы игривые...

И вот, раз ночью, в толпе этих потерянных женщин и развратников остановила меня женщина, торопливо пробиравшаяся сквозь толпу. Она была одета вся в черном, в шляпке, почти закрывавшей ее лицо; я почти и не успел разглядеть его; помню только пристальный ее взгляд. Она сказала что-то, что я не мог разобрать, ломаным французским языком, сунула мне в руку какую-то маленькую бумажку и быстро прошла далее. У освещенного окна кофейной я рассмотрел бумажку: это был маленький квадратный лоскуток; на одной стороне его было напечатано: «Crois-tu cela?» На другой стороне, по-французски же: «Аз есмь воскресение и живот...» и т.д. — несколько известных строк. Согласитесь, что это тоже довольно оригинально. Мне растолковали потом, что это католическая пропаганда, шныряющая всюду, упорная, неустанная. То раздаются эти бумажки на улицах, то книжки, состоящие из разных отдельных выдержек из Евангелия и Библии. Раздают их даром, навязывают, суют в руки. Пропагандаторов бездна, и мужчин и женщин. Это пропаганда тонкая и расчетливая. Католический священник сам выследит и вотрется в бедное семейство какого-нибудь работника. Найдет он, например, больного, лежащего в отребье на сыром полу, окруженного одичавшими с голоду и с холоду детьми, с голодной, а зачастую и пьяной женой. Он всех накормит, оденет, обогреет, начнет лечить больного, покупает лекарство, делается другом дома и под конец обращает всех в католичество. Иногда, впрочем, уже после излечения, его прогоняют с ругательствами и побоями. Он не устает и идет к другим. Его оттуда вытолкают; он всё снесет, но уж кого-нибудь да уловит. Англиканский же священник не пойдет к бедному. Бедных и в церковь не пускают, потому что им нечем заплатить за место на скамье. Браки между работниками и вообще между бедными почти зачастую незаконные, потому что дорого стоит венчаться. Кстати, многие из этих мужей ужасно бьют своих жен, уродуют их насмерть и больше всё кочергами, которыми разворачиваются в камине уголья. Это у них какой-то уже определенный к битью инструмент. По

крайней мере в газетах, при описании семейных ссор, увечий и убийств всегда упоминается кочерга. Дети у них, чуть-чуть подросши, зачастую идут на улицу, сливаются с толпой и под конец не возвращаются к родителям. Англиканские священники и епископы горды и богаты, живут в богатых приходах и жиреют в совершенном спокойствии совести. Они большие педанты, очень образованны и сами важно и серьезно верят в свое тупонравственное достоинство, в свое право читать спокойную и самоуверенную мораль, жиреть и жить тут для богатых. Это религия богатых и уж без маски. По крайней мере рационально и без обмана. У этих убежденных до отупения профессоров религии есть одна своего рода забава: это миссионерство. Исходят всю землю, зайдут в глубь Африки, чтоб обратить одного дикого, и забывают миллион диких в Лондоне за то, что у тех нечем платить им. Но богатые англичане и вообще все тамошние золотые тельцы чрезвычайно религиозны, мрачно, угрюмо и своеобразно. Английские поэты испокон веку любят воспевать красоту пасторских жилищ в провинции, осененных столетними дубами и вязами, их добродетельных жен и идеально прекрасных белокурых дочерей с голубыми глазами.

Но когда проходит ночь и начинается день, тот же гордый и мрачный дух снова царственно проносится над исполинским городом. Он не тревожится тем, что было ночью, не тревожится и тем, что видит кругом себя днем. Ваал царит и даже не требует покорности, потому что в ней убежден. Вера его в себя безгранична; он презрительно и спокойно, чтоб только отвязаться, подает организованную милостыню, и затем поколебать его самоуверенность невозможно. Ваал не прячет от себя, как делают, например, в Париже, иных диких, подозрительных и тревожных явлений жизни. Бедность, страдание, ропот и отупение массы его не тревожат нисколько. Он презрительно позволяет всем этим подозрительным и зловещим явлениям жить рядом с его жизнью, подле, наяву. Он не старается трусливо, как парижанин, усиленно разуверять себя, ободрять и доносить самому себе, что всё спокойно и благополучно. Он не прячет, как в Париже, куда-то бедных, чтоб те не тревожили и не пугали напрасно его сна. Парижанин, как птица страус, любит затыкать свою голову в песок, чтоб так уж и не видать настигающих его охотников. В Париже... Но, однако, что ж это я! Я опять не в Париже... Да когда ж это, господи, я приучусь к порядку...

УБИЙСТВО МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА

До сих пор эта драма не даёт покоя литературоведам, историкам и криминалистам. Взгляну на нее именно с точки зрения криминалиста как бывшего офицера милиции.

Начнём с хрестоматийных фактов. На следующий день после смерти поэта комендант Пятигорска полковник Ильешенков назначил следственную комиссию. Единственной версией была гибель поручика Лермонтова на дуэли с отставным майором Мартыновым — давним приятелем ещё по юнкерскому училищу. Мартынова препроводили в городскую тюрьму, секундантов — корнета Глебова и князя Васильчикова — на гауптвахту, потом под домашний арест. Были проведены осмотры места происшествия и квартиры, где жили Лермонтов и его родственник Столыпин, составлена опись имущества поэта, изъяты пистолеты, из которых якобы дуэлянты стрелялись. Врач Барклай-де-Толли освидетельствовал тело убитого.

Мартынова, Глебова и Васильчикова допросили через три дня. Позже — слуг и госпожу Верзилину, в доме которой, по словам обвиняемых, произошла ссора стрелявшихся. Следствие установило, что

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

13 июля 1841 г. на вечере у Верзилиной Лермонтов отпустил очередную остроту в адрес Мартынова. Тот вызвал поэта на дуэль, и она состоялась через два дня у подножия горы Машук. Лермонтов стрелять отказался, стоял, подняв пистолет вверх. Мартынов, подойдя к барьеру, выстрелил и убил поэта наповал.

Делом поначалу занялся гражданский суд, но вскоре Николай I перенаправил его в военный (для офицеров более снисходительный). Приговор царь ещё и смягчил. Глебова и Васильчикова освободили от наказания, Мартынову присудили три месяца крепости с последующим церковным покаянием. Между прочим, по тогдашнему законодательству максимальным наказанием за убийство на дуэли была смертная казнь.

Не надо быть юристом, чтобы обратить внимание на то, как халатно расследовалось дело.

Мартынову, Глебову и Васильчикову предоставили «вопросные листы». Письменно же, всё обдумав, они должны были ответить. Показания, по сути, не перепроверялись — хотя с сегодняшней точки зрения вопросы возникают. Например, даже о том, как ехали к месту поединка, подследственные писали по-разному. Мартынов писал, что Лермонтов и Васильчиков — верхом, Глебов — на дрожках, сам он выехал раньше. Глебов — что Мартынов, Васильчиков и Лермонтов — верхом, Лермонтов на его, Глебова, лошади, сам Глебов — на беговых дрожках. Васильчиков написал лишь, что Лермонтов и он скакали верхом. Путались и описывая ход дуэли: на вопрос, стрелял ли Лермонтов, Мартынов не ответил; Глебов показал, что не стрелял; Васильчиков заявил, что позже он сам выстрелил из пистолета Лермонтова в воздух, чтобы разрядить оружие.

При этом содержались обвиняемые так, что имели возможность обмениваться записками. И обменивались! Вот, например, Глебов пишет в тюрьму Мартынову: «...Прочие ответы твои согласуются с нашими, исключая того, что Васильчиков поехал со мной; ты так и скажи. (...) Надеемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всеми средствами уговаривали (помириться. — Авт.). Напиши, что ждал выстрела Лермонтова».

Замечания важны. Ведь больше всего следователей волновало, были ли попытки помирить дуэлянтов. Похоже, стояла задача свести всё к тому, что Лермонтов сам не хотел мира — и нарвался.

Глебов — секундант Мартынова, его приятель. А что же секундант Лермонтова?

Васильчиков в этой истории — фигура странноватая. Он явился к коменданту на следующий день после ареста Глебова и Мартынова. Заявил, что был вторым секундantom (позднее объяснял, что всё вообще было условно, Глебов приятельствовал и с Лермонтовым тоже, предполагался как секундantom обоих, но решили, что нужен кто-то ещё). Случайный человек, студент Дерптского университета, прикомандированный к экспедиции, проверявшей гражданские учреждения Кавказа. В Пятигорске лечился от геморроя. Более того, накануне Лермонтов на него написал весьма едкую эпиграмму. Правда, Васильчиков — сын канцлера империи. То есть человек, которому за участие в дуэли мало что грозило. (И точно — царь его простил, учитывая «заслуги отца».)

Но ведь у Лермонтова был друг, однополчанин, к тому же и родственник — Алексей Столыпин! Секундantom во время давней дуэли с де Барантом, он и сейчас неофициально представлял интересы поэта после стычки с Мартыновым. Васильчиков о роли Столыпина вспомнил лишь через много лет. По другим свидетельствам, Столыпина в те дни вообще в Пятигорске не было...

Воспоминания очевидцев — отдельная тема. Глебов вскоре погиб в бою. Мартынов в конце жизни попытался написать письмо-исповедь, но дальше описания, каким хулиганом в юнкерской школе был Лермонтов, не пошёл. Рассказы Васильчикова с каждым десятилетием становились всё путанее и были направлены на то, чтобы обелить себя и очернить Лермонтова. А Столыпин... Именно он о смерти Лермонтова не рассказывал ничего — даже родственникам. Не выполнил и дворянского обязательства (реверса) доставить имущество убитого родственника на родину к бабушке поэта (с кем-то передал). Боялся показаться ей на глаза.

Отдельная тема — оружие стрелявшихся. Сначала в деле фигурируют пистолеты, изъятые в доме поэта и Столыпина («одноствольные с фестолами с серебряными скобами и с серебряною насечкою, из коих один без шомпола и без серебряной трубочки»). Потом выясняется, что это ошибка, — пистолеты Столыпина. Появляются другие — якобы принадлежавшие Лермонтову пистолеты Кухенрейтера. Они и объявляются оружием дуэли. Но ведь в описи имущества поэта значится лишь «пистолет черкесский с золотою насечкою в чехле азиатском» — и никаких других.

Кухенрейтеровские пистолеты — интересная деталь. Они более мощные и дальнобойные. Запомним это.

Медицинское освидетельствование тела также проведено поразительно небрежно. «Наставление врачам при судебном

осмотре и вскрытии тел» 1829 г. предписывало «определить род повреждения... Описать величину, вид, длину и ширину самого повреждения и сличить с орудиями, коими оно причинено...» Этого не было сделано! Мы знаем лишь, что «пуля пробила грудь навывлет». Согласно же современным исследованиям — справа налево, снизу вверх, под углом 60 градусов. Возникает вопрос о позе, в которой погибший мог быть во время дуэли...

Почему тело Лермонтова лежало под проливным дождём более трёх часов? (Кстати, один из слуг уверял, что поэт умер не сразу, что везли потом ещё живого.) Участники дуэли объясняли — мы отправились искать врача. Но почему не погрузить тело в дрожки, просто не перекинуть поперёк седла? Почему следствие не уточняло элементарные подробности? Почему? Этим «почему?» нет конца.

И тут, думаю, надо обратить внимание на фразу в одной из записок Глебова Мартынову: «Полицмейстер на тебя зол». Убийство Лермонтова расследовали военные. Но ведь была ещё одна сторона, которая этим делом могла заняться профессионально, — полиция.

А она тогда работала вполне квалифицированно. Сошлюсь на забытое ныне «дело Клейста» (1843 г.). В лесу нашли труп молодого человека — Юлиуса Клейста. Огнестрельная рана в грудь, в кармане записка о самоубийстве, рядом пистолет... Но полицию насторожила расстёгнутая одежда, а доктор определил, что пулевое отверстие не соответствует калибру найденного пистолета. Быстро и грамотно проведённое следствие установило: Клейст на балу поссорился с бароном Остен-Сакеном. Оба тут же, чтобы отвести подозрения, написали предсмертные записки и выехали на поединок. Остен-Сакен выстрелил первым. Убитого Клейста бросили в лесу.

И **убийство** Лермонтова тоже можно было раскрыть!

Я подчёркиваю: **убийство**. Похоже, участникам дуэли и тем, кто занимался расследованием, было **что** скрывать — оттого и возникают вопросы?

Выскажу версию. То, что в Пятигорске имелась целая группа влиятельных врагов Лермонтова (во главе с генеральшей Мерлини) — факт. Они действительно интриговали, пытались стравить с поэтом других офицеров (например, молодого Лисаневича). В конце концов болезненно самолюбивого, комплексующего Мартынова завести удалось.

После вызова тот понял: проигрывает в любом случае. Откажешься от дуэли — станешь посмешищем в глазах общества. Выйдешь к барьеру — всё равно моральная победа за

Лермонтовым: он стрелять не станет, однако раздражённого, суетящегося «Мартышку» при других так припечатает!

Что произошло потом у подножия Машука, кто и когда туда приехал, ход самой дуэли — всё это мы знаем из путанных показаний людей, заведомо симпатизировавших Мартынову. Но события могли происходить и иначе. Например: Мартынов и Лермонтов просто договорились о встрече. Уже на месте Мартынов (после резкого разговора?) с близкого расстояния выстрелил в сидящего на лошади поэта (потому такой угол проникновения пули в тело). После чего бросился к Глебову: выручай, была дуэль с Лермонтовым без секундантов, я его убил! Придумывается «сценарий» (но спешно, с массой нестыковок). Тогда понятно, почему лежало под дождём три часа тело Лермонтова (пока за ним не приехали). Почему возникла необходимость в появлении пистолетов Кухенрейтера (раз была дуэль — нужны более мощные). Остаётся гадать, отчего молчал Столыпин. Но, может, оттого и молчал, что чувствовал вину: не предотвратил смерть друга! А раскручивать историю до конца, задевать влиятельных в Пятигорске лиц, уличать людей с репутацией достойных офицеров — нужно ли это было коменданту Ильяшенкову?

ПРИЗНАЙТЕ КРЫМ САМИ!

Как-то бацька Лукашенко в ответ на вопрос российского журналиста: «Почему Беларусь не хочет признавать Крым российским?» язвительно ответил: «Мы-то признаем, но сначала вы признайте его сами!» Мне как россиянину постоянно наезжающему в Крым в любое время года, совершенно понятен смысл упрёка бацьки. Путинская рать, сказав «А» в присоединении Крыма к России, забыла, что в алфавите есть и другие буквы. Да, построены Крымский мост и транскрымская автострада «Таврида», современный «международный» аэропорт, полуостров наводнён российскими войсками и современным оружием (в том числе и ядерным), начаты работы по благоустройству некоторых курортных городов. **И всё!**

За 7 лет Крымской Весны в Крым так и не пришли российская банковская система и сетевая торговля. На полуострове вы не встретите ни одного отделения Сбербанка или ВТБ, а в банкоматах местных банков зарплатная карта Сбербанка не обслуживается. Правда, в последние годы в банкоматах РНКБ, которых достаточно в Крыму, можно получить наличку под процент, превышающий комиссию минимум в 2 раза, чем

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

на материковой части России. Это о чём говорит? А о том, что «банкиры» Греф (Сбер) и Костин (ВТБ) как огня боятся санкций Запада и поэтому обходят Крым десятой дорогой.

То же самое и с торговыми сетями: нет в Крыму ни «Магнитов», ни «Пятёрочек», ни «Перекрёстков». Тоже боятся западных санкций торгаши, зарегистрированные в западных странах. Есть, правда, в Симферополе супермаркет «Ашан» (место регистрации — Франция), так он там обосновался еще во времена украинской юрисдикции над Крымом, потому его и не донимают угрозами санкций. Есть у них свои мелкие торговые сети, типа ПУДов (расшифровывается как «Продукты у дома»), но в них цены на продукты на 30—50 % выше, чем у соседей — на Дону и Кубани. Думалось, что с пуском ж-д ветки Крымского моста продукты и горючее подешевеют и сравняются с материковыми ценами — ан нет! Как были дороже, таковыми остаются и сейчас. Бензин и дизтопливо, например, на крымских заправках (к слову, здесь не увидите ни Роснефти, ни Лукойла, ни Газпрома и др. российских нефтяных компаний — тоже в штаны наклали в ожидании санкций со стороны своих закадычных западных «друзей») как были дороже на 3—3,5 руб., чем на кубанском берегу, так этот ценовой разрыв сохраняется и сегодня. А по Крымскому мосту «побежали» составы с горючим...

Теперь о «международном» аэропорте им. Айвазовского в Симферополе. Аэропорт — красавец! Но летают сюда и вылетают отсюда только в пределах России. Никаких других рейсов нет. Тоже боятся санкций Запада. И ещё о санкциях. Футбол в Крыму (как и другие виды спорта) варится в собственном соку. Крымские команды так и не вовлечены в футбольные дивизионы России. Казалось бы, тут-то мы что теряем? Футбол в России всё равно в загоне, так чего нам бояться санкций каких-то ФИФА и УЕФА (патриотизм-то дороже!)? Опять боимся и в спорте показать миру, чей Крым. И уж совсем позором для нынешних обитателей Кремля является международная дискриминация крымчан. Что это означает? Если у вас в гражданском паспорте стоит штамп о крымской регистрации (прописке), то путь за границу вам закрыт наглухо. (Поэтому те крымчане, кому надобно бывать за границей, «предусмотрительно» сохранили и украинский загранпаспорт, по которому и летают по заграницам.) Только для этого сначала надо перелететь в Москву, Ростов-на-Дону или в Краснодар, из Симферополя вылететь за границу невозможно. А россияне, которые поселились в Крыму недавно, чаще всего ограничиваются временной регистрацией, сохраняя в паспорте свою прежнюю, материковую регистрацию.

Ну и, наконец, проблема водоснабжения Крыма. После того, как Украина прекратила подачу днепровской воды в Северо-Крымский канал, проектов (точнее, прожектов) решения водной проблемы было множество, да воз и ныне там: столица РК Симферополь и сегодня получает воду в дома строго по графику: два раза в день — утром и вечером. Видите, сколько пунктов алфавита нынешние кремлёвские самодержцы в отношении Крыма так и не выполнили? Видать, трясутся, как бы Запад их сильнее не прищучил санкциями. Да куда уж больше?

Мне, например, прибыв на полуостров в очередной раз, становится год от года всё непонятнее: чей же он? А местные жители-крымчане всё чаще стали вставлять в разговоры: «А вот при Украине было...» Никому не кажется это тревожным симптомом? Повальная трусость нашей высшей т.н. «элиты» и ее друзей-олигархов перед западными «партнёрами» не позволяет им уверенно сказать: «Крым — наш!» Поэтому претензии российских телеканалов и некоторых многоговорящих «экспертов» к А.Г. Лукашенко по поводу «непризнания» Крыма российским — вообще неуместны и даже смешны.

Никита БЕРДИЧЕВ

ПОДКОП ПОД АМУР

Линия государственной границы между Россией и Китаем может снова приблизиться к Дальнему Востоку. Китайские соседи настолько активно укрепляют свой берег, что фарватер Амура, а вместе с ним и граница с Поднебесной, продолжает смещаться в сторону России. Но в политических кругах распространена и другая информация — о том, что правительство Китая в ближайшее время, пользуясь гидрологическими изменениями реки, намерено официально просить Кремль пересмотреть размещение демаркационной линии.

«За последние несколько лет на китайском берегу Амура построено более 500 километров гидротехнических сооруже-

ний без согласования с Министерством иностранных дел России, — рассказывает начальник отдела водного хозяйства Амурского бассейнового водного управления Анатолий Юрченко. — По наблюдениям гидрологов, такая активность китайской стороны приводит к перераспределению водного потока в Амуре и Уссури, особенно в период наводнений. В результате вода бьет в более низкий неукрепленный российский берег, размывая его и значительно смещая фарватер в сторону России».

В граничащей с Дальним Востоком провинции Хэйлунцзян завершили подготовительные работы по выбору площадки для сооружения атомной электростанции. По сообщениям китайских СМИ, состоящая из двух энергоблоков АЭС будет построена в поселке в окрестностях Харбина. Китайцы уверяют, что она не будет представлять опасности, а сточные воды не повлияют на качество воды в Сунгари, впадающей в Амур в 280 километрах выше по течению Хабаровска.

Ученые изучают явления, происходящие на пограничных с Китаем реках, таких, как Аргунь, Амур, Уссури и Туманная. Но многие из изменений можно заметить, не обладая научными знаниями и не пользуясь специальными приспособлениями. Протока Казакевичева, ранее принадлежавшая России, представляла собой низменность, летом, во время половодья, почти полностью уходившую под воду. В районе нынешней заставы Усучжэнь обитали только браконьеры, которые в сезон жили прямо на берегу в палаточных городках. Но за несколько месяцев ситуация кардинально изменилась: китайский берег, укрепленный камнем и бетоном, поднялся на несколько метров, а на смену ветхим рыбацким хижинам пришли капитальные строения. Уверяя российскую сторону, что все гидравлические работы ведутся исключительно на внутренней территории КНР, китайцы, не особо скрываясь, укрепляют берега, углубляют дно и на приграничных реках, в частности, вдоль всей Уссури.

«В районе населенных пунктов Покровка, Васильевка, Козловка возобновлены работы шести китайских судов с экскаваторами на борту, а также двумя самоходными баржами и гидронасосами для отбора грунта из пограничной реки Уссури, — говорит сотрудник пресс-службы Пограничного управления ФСБ России по Хабаровскому краю и ЕАО Анастасия Товкес».

На вопросы о происходящем на приграничных территориях китайская сторона ответила так: песок на реке добывают частные компании, а берег в районе переданных КНР ос-

тров укрепляется всего лишь для того, чтобы открыть здесь крупный туристический центр. Но столь миролюбивому ответу противоречат данные карты уезда Фуюань провинции Хэйлунцзян. Многие хабаровские туристы видели их в продаже в китайских магазинах канцтоваров. Судя по ним, граница с Китаем проходит по территории России, а кое-где прямо по центральной набережной Хабаровска, то есть в черте краевой столицы.

В одном из книжных магазинов Хабаровска в продажу поступила партия школьных глобусов российского производства, на которых при более детальном рассмотрении можно было обнаружить топографический курьез. Так, острова Курильской гряды, которые давно оспариваются Японией, были окрашены в цвет Страны восходящего солнца. После того, как неточность заметили, глобус тут же исчез с полок магазина.

«Когда шесть лет назад делили острова, китайцы делали всё возможное, чтобы сдвинуть линию фарватера поближе к российскому берегу, — вспоминает бывший председатель оперативной группы по демаркации российско-китайской границы на реках Амур и Уссури Александр Филонов. — Возле китайского берега было глубокое место, то есть по всем канонам этот остров должен был отойти России. Но в этом вопросе соседи проявили очень много изобретательности: проводили работы по расчистке русла вблизи села Шереметьево не только днем, но и ночью с тем, чтобы к моменту проведения гидрографических работ там была показана нужная им глубина».

Странно, но на все требования хабаровских ученых уделить особое внимание работам, проводимым китайцами на приграничной территории, Москва отвечала глухим молчанием. Именно так во времена Ельцина на границе с Россией после того, как Китай засыпал одну из протоков там, где Сунгари впадает в Амур, образовался город Тунцзян. Осенью 2005 года после химической аварии на одном из китайских заводов, расположенных на Сунгари, китайцы, чтобы якобы загладить свою вину и отвести ядовитое пятно от Хабаровска, предложили российским властям сотни тонн активированного угля вместе с вагонами, чтобы высыпать его в протоку Казакевича. Однако цель у дальновидных соседей, видимо, была иная: если протока обмелеет, можно объединить несколько приграничных островов с Большим Уссурийским, что сейчас, собственно, и происходит.

Даже незначительные работы по укреплению берегов, по мнению специалистов, могут привести к необратимым изме-

нениям, особенно если китайские компании продолжают «добывать песок» с амурского дна.

«Демаркация завершена, и в дальнейшем граница перенесена не будет, но из-за изменения русла реки она продолжит приближаться к России», — убежден заместитель директора Института водных и экологических проблем ДВО РАН Алексей Махинов. — Граница, проходящая по Амуру, в результате поведения реки может отклоняться в любую сторону, и при этом как российские мелкие острова могут переходить Китаю, так и наоборот. Но на китайской стороне ведутся основательные работы по укреплению береговой линии, о которых российская сторона не всегда проинформирована. В результате российский берег размывается и граница сдвигается в сторону нашей страны. Тем не менее КНР при этом не отойдут какие-то значимые участки российской территории».

Симметричное строительство гидротехнических сооружений на российском берегу могло бы обезопасить территории Дальнего Востока от передела, однако запрос на разработку программы по возведению защитных дамб на пограничных реках Федеральное агентство водных ресурсов России оставило без рассмотрения: этот расход не предусмотрен в бюджете страны на ближайшие годы. К тому же эти работы не только дорогостоящие, но и трудоемкие...

Новейшая история вопроса:

1858 год. Подписание Айгунского договора.

1860 год. Стоящий на берегу Амура приграничный столб регулярно подновляется китайцами. Соседи начинают топить в реке баржи и мешки с камнями.

1969 год. Пограничный конфликт на острове Даманском.

1977—1992 год. Китайцы строят дамбы на протяжении 600 км, благодаря которым перераспределяется сток между рукавами реки. Левый берег Амура отдалается от России с 60 м до 1,5 км. Правобережные протоки присоединяются к китайскому берегу.

1990 год. Издана Декларация о государственном суверенитете, которая гласит, что территория РСФСР не может быть изменена без волеизъявления народа, выраженного путем референдума.

1994 год. Подписание протокола, позволяющего китайским, в том числе военным, судам заходить в Уссури.

1996 год. Президент Ельцин распоряжается завершить демаркационные работы на восточной части российско-китайской государственной границы.

1999 год. Президент Путин утверждает документ «О заключении соглашения между Правительством Российской

Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о совместном хозяйственном использовании отдельных островов и прилегающих к ним акваторий пограничных рек».

2004 год. Президент Путин издает распоряжение о передаче острова Тарабаров и части Большого Уссурийского Китаю.

Жители Поднебесной продолжают вести на своей территории активные работы по изменению русла реки. Гидравлические работы продолжаются, а это значит, что линия государственной границы между Россией и Китаем сдвинется опять.

От редакции. Вот причина ежегодных масштабных наводнений в Хабаровском крае, о которой российские власти по-малкивают. А всё началось с передачи В.Путиным Китаю двух островов на реках Амур и Усури. До этого **подобных** наводнений в Хабаровском крае не было.

Владимир ВАСИЛИК,
протоиерей, доктор исторических наук

ВАКЦИНАЦИЯ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТОРГ

В последнее время с зияющих высот власти, в особенности из Москвы, сыплются грозные предписания относительно тотальной вакцинации. Предстает грозный образ врача в красноармейской будёновке со шприцем в руке: «Ты привился от ковида?»

Однако шутки в сторону. Нынешняя вакцинационная кампания характерна грубейшими нарушениями прав человека. А именно московский штаб по борьбе с ковидом официально объявил, что в случае отказа от вакцинации человек отстраняется от работы, деньги ему за прогуленные дни, пока он не привьется, не выплачиваются, в стаж они не идут и так далее. Это выглядит неприкрытым шантажом.

При этом характерно, как самые высшие власти изящно объясняют, что никаких нарушений прав человека нет. Вакцинация остается добровольной. Другое дело, что человек волен сделать свой выбор — оставаться ли ему на работе или нет. Ведь он может сменить работу на какую-нибудь дистанционную. А как может продавец, закончивший торговый институт, в одночасье стать компьютерщиком или профессором университета, работающим на удалённом доступе? Или как он может дистанционно продавать овощи и фрукты? Хороший вопрос.

Дмитрий Песков прав, у человека всегда остается богоданная свобода. В том числе и в нацистском концлагере, и в душманском зиндане в Афганистане. Только можем ли мы после этого говорить, что Россия является свободным, а тем более, социальным государством?!

Пресс бюрократии навалился на среднего российского гражданина, причём навалился совершенно неразумно. В настоящий момент бюрократия прямо-таки с «административным восторгом», говоря языком Фёдора Михайловича Достоевского.

Поэтому скорее-скорее, быстрее-быстрее всем немедленно привиться. И наступит лепота, и небо засияет алмазами. Но чтобы обеспечить эпидемиологическую безопасность России и стопроцентное привитие необходимо закрывать страну, налагать на неё железный занавес. Никого не впускать, никого не выпускать. Однако те же самые чиновники победно рапортуют об открытии воздушного сообщения с теми или иными странами. Теперь, оказывается, можно отдохнуть и в Турции, и в Египте, и, соответственно, привезти оттуда всякой дряни. Я имею в виду, конечно, микробов.

Плюс, оказывается, нам почему-то именно сейчас нужны 300 тысяч мигрантов. Потому что, видите ли, свои граждане не справляются с задачами по строительству и сельскому хозяйству. Это не справляется народ-победитель, который за 5 лет восстановил страну из руин? Смешно даже!

Просто олигархам нужна дешёвая рабочая сила. В ущерб собственному населению, в ущерб собственному народу, потому что безработица в российских регионах и в крупных российских городах не в последнюю очередь связана с конкуренцией мигрантов из среднеазиатских и кавказских республик бывшего Советского Союза. Они, не обладая правами граждан, готовы работать за пониженную плату, и тем самым невольно участвовать в процессе демпинга — занижения цен на рабочую силу. Соответственно, это создаёт здесь

безработицу и невольно способствует социальному кризису в нашей стране.

Однако, наш олигархат отказываться от их услуг не собирается. А ведь с точки зрения эпидемиологии их приток ставит крест на всех вакцинационных кампаниях, потому что всех их привить и отследить невозможно. Значительная доля их прибывает с липовыми справками, а база данных зарубежных государств нам недоступна. Опять-таки кампания явно срывается.

В кампании по вакцинации есть потрясающие странности. Почему-то наличие антител в крови вакцинируемого не является противопоказанием для вакцинации, а также не является основанием для отказа. Хотя, спрашивается, — для чего производится вакцинация, как не для появления антител?

В ряде случаев требуется не одна, а две вакцинации, потому что появился ещё один штамм. Получается, мы будем вакцинироваться до бесконечности, сколько штаммов ни появится? Какие организмы это выдержат?

Правилом вакцинации является то, что она является подготовкой к эпидемии. И в нормальных условиях во время эпидемии не вакцинируют, чтобы не добавлять вирусную нагрузку, либо не уничтожать уже имеющиеся антитела.

Тогда спрашивается, с какого боку от людей, уже переболевших и имеющих антитела, и уже имеющих иммунитет, требуют вакцинацию. Сейчас в ходу конспирологические теории по поводу того, что начальство наше имеет целью истребление народонаселения Российской Федерации. Однако бюрократический идиотизм может быть куда более безумным, чем любой заговор.

За примерами ходить далеко не надо. В Петроградском районе Санкт-Петербурга во время страшной жары была устроена плановая проверка теплосетей. Бедные люди, которые и так маялись от жары, не могли найти покоя, потому что на улице жара и дома печь вавилонская. Те, кто принимал это решение руководствовались своими планами, своими графиками, своей отчётностью перед начальством, которое в противном случае могло бы им намылить шею за срыв плана. План — всё, живые люди — ничто.

Мораль — необходимо, чтобы наше чиновничество нас услышало, чтобы оно обратилось, наконец, лицом к живым людям от своих бумажек, планов и отчетов, чтобы оно задумалось о реальной безопасности граждан государства Российского, а не ломало бы живых людей.

Безусловно, проблема ковида является серьезной, но не смертельной, не такой, чтобы из-за неё поднимать протест-

ные настроения в нашем обществе, игнорировать права человека, ломать живых людей об колено.

Пожелаем нашему чиновничеству руководствоваться российскими интересами, а не оторванными от жизни рекомендациями Всемирной организации здравоохранения, руководствоваться интересами живых людей, а не своими бумажками и инструкциями, а наипаче же — тем, что заповедовал святой равноапостольный император Константин — здоровым и правым смыслом.

Мария МОНОМЕНОВА

БАЛ У САТАНЫ

13 сентября 2009 года в Нью-Йорке прошла церемония вручения премий «Video Music Awards». Для внимательного и искусственного наблюдателя под видимостью «оригинальности» и «спонтанности» разыгрываемого события было очевидно множество оккультных символов, связанных с определёнными традициями. Под личиной шоу на MTV был разыгран оккультный масонский ритуал, посвящённый сатане, в котором, к сожалению, приняли участие сотни миллионов зрителей во всём мире, преумножив тем самым его разрушительное воздействие.

Обращу внимание на некоторые сюжеты шоу. Ну, во-первых, это — молитва сатане.

На сцену вышел некий комедийный актер Джек Блек, держа в руке огромный топор. Он предложил присутствующим вместе помолиться дьяволу и поднять вверх «знак дьявола»: оттопыренные указательный палец и мизинец — жест сатанистов, который часто демонстрируется многими «звездами» и политическими деятелями. Затем он попросил публику взяться за руки и начал молиться: «Дорогой сатана, князь

тьмы. Прошу тебя, дай номинантам сегодняшнего вечера непрерывную удачу в музыкальной индустрии». Эта, лишенная всякого юмора фраза, оставила зал безмолвным. Она выказала темную суть современной мировой индустрии развлечений.

Далее «боготворимая жрица» музыкального мира, Мадонна, открыла шоу торжественным моментом — дань памяти Майклу Джексону. Прозвучала песня «Триллер» в сопровождении красочно оживающих вурдалаков, вампиров и нечисти. Все знают, что Мадонна является сторонницей каббалистического учения, включающего в себя изучаемые в масонских ложах идеи.

Далее шоу демонстрировало культ инициации непосвященного в иллюминаты. По сюжету, американской 19-летней певице Тейлор Свифт удалось обойти своих более именитых соперниц, получив премию. Она вышла на сцену, чтобы выступить с благодарственной речью, но один из круга «посвящённых», некто Канье Вест, известный своей приверженностью Бафомету, также вышел на сцену, выхватил у неё микрофон и перед лицом всего зала и миллионов зрителей заявил, что она не достойна премии и бездарна. Очевидно, что вся эта подстроенная сцена на самом деле представляла собой «посвящение» певицы Тейлор Свифт в круг избранных. Был продемонстрирован ритуал предмасонских братств из американских университетских кампусов или мафиозных групп. «Непосвященную» подвергают унижению перед своими коллегами по цеху. Одновременно это является и выражением масонской клятвы о защите и лояльности по отношению к «братьям» в любой ситуации.

Декорации сцены к выступлению Леди Гаги тоже были символическими. Гага появляется внутри средневекового замка или храма. Обстановка очень похожа на описание тех мест, в которых оккультисты совершают ритуалы. В центре стоит арка с двумя масонскими колоннами.

Использование оккультных элементов в контексте послания песни символизирует быстрое достижение славы и успеха через совершение масонских ритуалов, в которых совершаются и символические человеческие жертвоприношения, на что намекают обильно испачканные кровью тело и лицо Гаги.

Когда окровавленную, висящую в петле Гагу поднимают в воздух, из-за сцены, за ее спиной, вспыхивает яркий свет — танцоры вздымают к небу руки в знак славы. Эта финальная сцена жертвоприношения указывает на то, что ритуал успешно завершен и появляется Люцифер — «носитель света».

После возвращения в зал Гага предстала перед публикой в весьма странном костюме — красном платье, закрывающем даже лицо, а на голове — такого же цвета корона. Став живым символом кровавой жертвы, она вышла на сцену, чтобы получить премию и подтвердить тем самым, что запродав душу, можно получить благорасположение ада и успех в музыкальной индустрии.

Подобные действия возмущают не только здравомыслящую аудиторию, но подвергаются критике даже раввинами. Правда, раввин Ариэл Бар Цадоком был возмущён подобного рода шоу из-за слишком откровенного использования символов, связанных с Каббалой. Он утверждал, что певица (имея в виду Мадонну) совершила святотатство, выведя в одной из своих татуировок «тайное имя Бога», а также открыв в своих выступлениях тайные религиозные обряды иудеев...

Не прошло и двенадцати лет со дня проведения американской премии, как подобное оказалось возможным у нас в России. Причём, словно под копирку. Те же жертвоприношения, те же посвящения... те же иллюминаты!

Не успели любители популярной музыки прийти в себя после майских бесовских плясок на конкурсе Евровидения-2021, как на их несчастные головы обрушилась новая оказия в лице премии «Муз-ТВ» с ее семичасовым (!) телемарафоном.

Казалось, что уровень скандальности Евровидения-2021 с его песнями про дьявола, шаманскими технотанцами в болотной ряске и вдыханиями чего-то запрещенного в прямом эфире прямо со стола в этом году превзойти уже будет невозможно, но премия «Муз-ТВ 20/21», которая просто в лоб называлась «Начало света» (или «иллюминатус») побила все рекорды шокового воздействия.

В прямом эфире, по российскому телевидению в течение семи часов демонстрировалось оккультное ритуальное действие сатанинского толка, включающее топтание православного креста (!!!), поклонение молоху и зачатие антихриста. Почему православные до сих пор молчат? Почему не завалили суды исками? Что вообще происходит с нами?

Мужики в платьях, Бузова с закрытым глазом (главный символ иллюминатов «всевидящее око»), «гей-свадьба» Киркорова и ритуальный «бунт» сатаниста и с недавних пор друга Берл Лазара Моргенштерна, Лазарев на фоне декорации со «всевидящим оком», Лагутенко в кепке с рогами и Марлоу в шапке с ушами Микки Мауса (отсылка к педоголливуду), Ивлеева в серьгах с глазом и рогами. Не буду повторять содержание роликов. Они демонстрируют свой сатанизм уже в открытую. А чего скрывать?

Зонтик, радуга, птичья бабочка и клетка — масонские символы контроля над разумом гоев. Вспомним пародию Собчак на Бузову, появившуюся в сети задолго до обозначенного шабаша? Собчак изобразила инста-диву именно птицей, сидящей в клетке. Конечно, неспроста. Бузова исполняет роль «контролирующего» сознание «рабов».

В так называемом методе «манипуляции массовым сознанием» (ММС), используемом для создания «альтер-эго» в желаемом субъекте, присутствует комбинация воздействия на основе оккультных ритуалов и психологических методов. Субъект называется «рабом», а контролирующий — «работчиком». Считается, что эти «рабы» используются «элитой» иллюминатов для передачи сообщений, ритуалов, представлений и т.д. ММС служит ключевым элементом психологических операций и информационных войн. Эта программа контроля сознания подвергает жертв жестокому обращению, чтобы создать программируемые индивидуальные личности, которые позже, когда это будет необходимо, могут быть активированы. ММС широко используется в музыкальной культуре.

Лет пять назад блогеры стали замечать, что в жизни Бузовой появилось слишком много масонских знаков: два пальца вверх, большой в сторону — знак поклонения Бафомету. Изображение или повторения жеста Бафомета можно назвать признаком и символом сатанизма.

На многих фото, в том числе на упомянутом шоу, Бузова закрывает своими волосами половину лица, чтобы не было видно одного глаза, или предстает, как Мадонна, в повязке. Как мы все знаем, знак «всевидящее око» имеет прямое отношение к иллюминатам и масонам. Но более всех отличилась, конечно, Света Лобода. Бандера рулит! Главный режиссер всего этого действия, кстати, тоже с Украины — некто Андрей Бондаренко. На сцене Лобода топтала христианский крест, вынашивая во чреве антихриста. В изобретательности она, похоже, переплюнула саму Мадонну. Знай наших! Молитва, которая звучала, как заклинание, во время песни, говорила про такие материи, как печать антихриста, апокалипсис, комета, торжество Люцифера и начало Новой эры. Что за комета? Согласно еврейским источникам, машиах (антихрист) откроется в Галилее, и перед его приходом на небе взойдет звезда Иакова, то есть комета Нибиру.

*Кому-то конец, кому апокалипсис
Уже сегодня наступит где-то,*

*Кому-то комета, кому-то война,
Кому-то последнее в жизни лето.
Кому-то конец, кому апокалипсис,
Кому-то кто-то поставит это,
Кому-то комета, кому-то война,
Ну а для нас начало света!*

«Как смешно, — написал кто-то в комментариях к ролику, — что эти певцы и певички причисляют себя к элите! А они к глобалистам даже в предбанник не попадут, их спишут в расход, как мусор!»

Действительно так! Для них, безмозглых мартышек, апокалипсис не более чем красивое слово, а игра в сатанизм — дань западной моде. Всё чудовищное и богомерзкое, что творится сейчас в нашем обществе, — не для них испытание, а для нас с вами, православные люди. Это нас с вами на вшивость проверяют. Пусть топчут у себя на Западе всё, что хотят! Но в России, на православной земле...

Андрей СОШЕНКО

АНКЛАВ БЛИЗ МОСКВЫ

В Подмоскowie строится «халяльный посёлок» для мусульман. В поселении Аминовка на Новой Риге вот уже несколько месяцев идёт строительство этого посёлка. Организатором застройки является создательница одежды для мусульманских женщин некая Амина Шабанова. На его территории уже поселилось более 50 человек.

На сайте «Русская стратегия» приводятся мысли вице-спикера Мособлдумы Константина Черемисова, сказавшего, что появление подобного населённого пункта — «очень тревожный звоночек». Он заявил, что в России недопустимо строительство религиозных анклавов, и посёлок ждёт соответствующая проверка. Хорошо, что в областной думе озаботились этой проблемой. Но возникает вопрос: а кто и как

давал разрешение на строительство такого «посёлка»? Ведь эти вопросы находятся в ведении подмосковных властей, подконтрольных областной Думе. Или посёлок строится в тайне от московских областных депутатов? Тогда тем более вопрос становится интересным.

Также на сайте отмечается, что муфтият одобрил строительство религиозного посёлка, поскольку там *«будут отсутствовать «внешние негативные факторы», которые неприемлемы для людей, исповедующих ислам»*. А адвокат Гюзель Жубанова заявила нечто «оригинальное» — такие посёлки, по ее мнению, законны при условии, что проповедовать там будут только мусульманство и если за этим будет надзор в лице муллы либо главного имама России. В том числе она допускает там проповедь шариата: *«То есть это не должна быть группа людей, собравшаяся под эгидой потребления продуктов-халяль. В любом случае это религиозное сообщество, и там будут проповедовать ислам. При этом здесь могут быть разные ответвления, например, сунниты или шариат»*.

Странно и непонятно всё это. Если бы это происходило в национальных республиках, в которых основной религией является ислам, то вопросов было бы меньше. Но в данном случае — в русском регионе, центре России, близ Москвы! И это вместо того, чтобы ограничить миграционный поток в Россию. Ведь прогрессирующие риски для самого государства от «деятельности» некоторых национальных диаспор и вообще мигрантов не видеть невозможно. И почему во власти России (всех уровней) своими руками подтачивают основы государства? Более того, как видим, своими руками (соответствующими решениями) создают национальные и религиозные анклавные территории.

Как это стыкуется с мыслями президента России, сказанными им весной этого года на десятом заседании Совета при президенте по межнациональным отношениям, которые были продемонстрированы на 1-м телевизионном канале? Президент говорил о необходимости формирования гражданской идентичности в России. И далее, относительно формирования анклавов вообще, Владимир Путин сказал: *«В некоторых европейских странах, да и в Штатах тоже, когда уровень детей мигрантов в школе достигает определенного процента, местные жители своих детей из этих школ забирают. Сейчас не буду останавливаться на причинах, а я думаю, что каждому взрослому человеку они понятны. Там образуются школы, которые прямо чуть ли не на 100% укомплектованы только детьми мигрантов. И это большая проблема. Значит, нам нужно иметь в виду вот эту практику и ни в коем случае не допустить в России развития событий подобного рода... Ко-*

личество детей мигрантов в наших школах должно быть таким, чтобы это позволяло их не формально, а фактически глубоко адаптировать к российской языковой среде, но не только к языковой, а культурной вообще, чтобы они могли погружаться в систему наших российских ценностей».

Между тем, на юге России да и в Москве, других регионах давно есть массовые прецеденты, когда русские родители вынуждены забирать своих детей из-за откровенного девиантного поведения детей нацменов, если их число приближается или превышает 50 процентов от общего числа учеников в классе. В некоторых поселениях и городах России, как и внутри мегаполисов, образуются анклавные выходцев из зарубежных стран.

В том же сюжете 1-го канала ТВ было сказано: *«В то же время говорилось (на Совете), чтобы те, кто сегодня приезжают в нашу страну, оставляли за порогом прежние не национальные, но националистические мировоззрения, которые ведут к разжиганию вражды. Так, во время обострения карабахского конфликта некоторые представители армянских и азербайджанских диаспор пытались перенести выяснение отношений на российскую землю. И этот пример далеко не единственный. Глава государства сказал: «Невозможно нам мириться с тем, что кто-то пытается либо намерен это делать: переносить проблемы, с которыми люди сталкиваются в их странах, на территорию России... Хочу еще раз это сказать и подчеркнуть: все подобные попытки и сегодня, и в будущем, безусловно, будут пресекаться»».*

Исходя из этого, разве не нужно пресечь на корню строительство т.н. «халяльного поселка» в Подмоскowie?!

25 августа сотрудники ФСБ пресекли деятельность членов террористической организации. Операции по задержанию 31 злоумышленника прошли в четырех регионах страны. В спецслужбе отметили, что задержанные входили в ряды запрещенной в РФ террористической организации «Катиба Таухид валь-Джихад». Злоумышленники действовали в Москве, Новосибирской области, Красноярском крае и Якутии. Они спонсировали находящихся в Сирии боевиков и вербовали граждан для участия в террористической деятельности на Ближнем Востоке. А сколько таких сообщений о пресечении всевозможных адептов и боевиков радикальных исламских (и не только) групп и организаций следует каждую неделю?

«Поселения», подобные строящемуся в Подмоскowie, управляемые по своим порядкам, и являются базой для распространения исламских радикальных организаций. Кто и как ответит за антигосударственные игры на этом поприще?

ФАБРИКА ВИРУСОВ

То и дело — новости от ВОЗ: грядёт новейший, суперстрашный, ни с чем не сравнимый штамм ковид-вируса! Похоже, там, в лабораториях, не успевают штамповать заразу! Прямотаки фабрика по производству попкорна! Только нам подкинули индийский штамм, на арену ковидного цирка выполняет другой. И кто только это всё спонсирует? Да кто только не заинтересован в удержании нас, пиплов, чтобы мы в страхе жевали печенки от ВОЗ! Видать, нас готовят к чему-то более изворотливому, скользкому, мерзкому, гнилому и рогатому, которое выползет во всей своей экзальтированности, но поначалу — скромному, тихому, смиренному, на первый взгляд...

Кто смотрел программу «Алые паруса» нынешнего года, тот мог отметить такую особенность: среди выпускников школ не было ни одного взрослого, ни одного родителя. Ревущая толпа вчерашних школьников была какой-то массой, ведомой не мыслями о будущем, о том, как проявить себя в самых лучших качествах, а ведомая самыми настоящими бесовскими силами. Сцена изображала летающую тарелку, а на заднем плане — глаза рептилий, символика иллюминативов и тайных масонских обществ. Святого благоверного Князя Александра Невского обрядили в образ то ли Перуна, то ли Одина, что в принципе соответствует друг другу. Анита Цой предложила выпускникам идти сразу в Вечность, а Ваня Ургант — вступать в брак с инопланетянами. Были там певички, обряженные в змеиные костюмы с живыми змеями, а певцы — с ЛГБТ-символикой.

И в то же самое время, на фоне этого сборища с сатанинскими знаками, в стране по ковидным причинам запрещают Крестные ходы, массовые молебны...

Молодому русскому племени власти предлагают зацифроваться и получить профессии, связанные с искусственным интеллектом, то есть не учат быть личностью, духовно и физически развитыми, с устойчивыми моральными прин-

ципами, а быть частью какого-то непонятного, не осязаемого сердцем и душой мира.

Вот он, самый главный вирус — вирус аморфности, жидкого, а может, газообразного состояния. Похоже, что новые ковидные штаммы — лишь орудие воздействия на сознание, некий ключ к тайным знаниям, оккультизму и антихристианским «ценностям», таким как блуд, моральная распущенность, свободные отношения, гомосексуализм, трансгендерность. Главное, чтобы человек был покорным, лояльным к новому мировому порядку.

И пока «мировое высшее общество» борется за права афроамериканцев и трансгендеров, Дальний Восток России тихой сапой заселяется таджиками и узбеками такими огромными темпами, что с каждым новым днём начинаешь себя ощущать не в родном городе, а где-нибудь в Учкудуке. Приезжих уже не считают мигрантами, поскольку они имеют приоритет в получении ипотеки и так называемых «подъёмных», а в миграционных службах им «респект и уважуха», потому что коренное русское население убывает: смертность давно превысила рождаемость, а каждый второй молодой человек мечтает рвануть отсюда, не желая иметь отношения к потомкам тех, кто осваивал здесь русские земли и присоединял их к Московии. И чтобы заполнить возникающую пустоту, власти в центре и на местах не придумали ничего лучшего, как ввозить сюда инородцев и иноверцев, не считаясь с тем, что тем самым идёт подрыв политики национальной безопасности.

Однако бездумная и антирусская миграционная политика может привести к тяжелым последствиям. Не исключено, что при каком-либо военном конфликте пришлые окажутся лояльными к потенциальным захватчикам. Тем более что Китай считает дальневосточные земли «временно оккупированными» Россией, а Владивосток на китайских картах обозначен как Хайшэньвэй, то есть Залив Золотого Трепанга. Но руководители дальневосточных земель России думают только, как заполнить человеческие пустоты. И зазывают сюда работоспособное, физически крепкое население из Средней Азии. А те, в свою очередь, уже приглашают родственников. Таким образом создаются целые анклавов. И дальше что? При чем без каких-либо ковидных карантинных. В конце концов в управлении каким-нибудь Приморским городом поставят выходца из Ташкента или Самарканда... А тот, естественно, будет внедрять местничество и улучшать условия жизни своим соплеменникам.

Но никто, ни в одном новостном эфире никогда не скажет: «Спасайте Дальний Восток России от вымирания коренного населения, вынужденного жить на пять-десять тысяч в месяц!» И губернаторы земель дальневосточных не скажут этого, а будут выполнять «архиважнейшие» задачи — вводить и снимать масочные режимы. Вводить и снимать.

А тем временем Европу и Азию затапливает, Россия горит, ледники тают. И всё это на фоне новых штаммов, которые расходятся, как мороженое в жару. Но ведь кто-то затеял эту большую игру под названием «переустройство мира», выпустив всех бесов наружу, которые будут мучить народы до времени. Но осознать, *кто* именно, нам не хватает ума, и сопротивляться соборной молитвой этому «кто» нет сил и желания. Поскольку это такой новый «тренд» — участвовать в мировом спектакле, получать бонусы от приспешников антихриста и делать вид, что мы живём.

Приморский край, г. Находка

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2021 год

(Август — сентябрь)

Политические дельцы Запада, подмявшие под себя международный спорт, в том числе и МОК (Международный олимпийский комитет), в своем маниакальном стремлении принизить Россию дошли уже до открытого, откровенного хамства и наглой подмены результатов соревнований. То, что устроили на Олимпиаде в Токио т.н. «судьи» в художественной гимнастике, уже вообще не лезет ни в какие ворота и выглядит элементарной издёвкой над здравым смыслом и насмешкой на спортивные соревнования как таковые. Как видно, под давлением Олимпийского комитета США, не способного переварить неизменные победы в этом виде спорта наших девушек, в прямом смысле (в чём я ни секунды не сомневаюсь) **купленные** судьи с самого начала соревнований решили за уши вытащить на верхнюю ступень пьедестала израильскую гимнастку. И с первых упражнений в индивидуальном многоборье начали занижать оценки нашим гимнасткам — сестрам-близнецам Арине и Дине Авериным, а израильянке — завышать; причем на-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

гло и бесцеремонно — на несколько баллов. Израильтянка выступала с ошибками, коряво, неинтересно, а в последнем упражнении — потеряла ленту. Это грубейшая ошибка, за неё оценка, по правилам, должна снижаться на несколько баллов. Чемпионка мира Дина Аверина выступала блестяще, вообще без ошибок, а в последнем упражнении с лентой была просто идеальна, превзошла саму себя. Но судьи оценили ее выступление практически так же, как провалившееся выступление израильтянки — с потерянной лентой и с большой шестиконечной звездой на груди... И в итоге израильская гимнастка стала чемпионкой Олимпийских игр, Дина Аверина — второй, а ее сестру Арину судьи вообще загнали на четвертое место и оставили без медали. Протест тренеров нашей команды был тут же судейской мафией отклонён.

Весь мир видел эту беспардонную картину, точнее — грязную провокацию ничтожных околоспортивных мошенников. Воспользовавшись тем, что соревнования в Токио проходят без зрителей и возмущаться будет некому, а также зная, что вся т.н. «международная общественность» промолчит, они решили, что по отношению к нашим спортсменам можно вытворять всё что угодно.

И вытворяли. Претендент на золото в спортивной ходьбе на 20 км российский ходок Василий Мизинов, единственный из всех участников, получил от японских судей четыре предупреждения за якобы неправильную ходьбу и в конце концов был ими нагло снят с дистанции за семь километров до финиша.

В финале боксерского поединка до 91 кг между дагестанцем Муслимом Гаджимагомедовым и кубинцем Хулио ла Крусом наш боксер все три раунда был на высоте, гонял кубинца по рингу, нанес ему гораздо больше ударов, отчего тот дважды оказывался в нокадауне, однако рефери на ринге почему-то не открывал счет. Казалось, наш спортсмен выигрывал с явным преимуществом, но победу судьи отдали кубинцу.

Наши волейболистки в тяжелейшем матче после пяти партий проиграли бразильянкам (3:2). Однако после игры бразильская волейболистка была уличена в применении допинга. Прежде, по олимпийским правилам, в подобных ситуациях вся бразильская команда должна была получить дисквалификацию или, по меньшей мере, нужно было провести переигровку. Однако в нынешнем случае Олимпийский комитет решил бразильянок простить, и дисквалификацию получила лишь одна уличенная в допинге бразильянка. Но можно себе представить, что бы произошло, если бы положительная допинг-проба оказалась у нашей спортсменки!..

Им, мировым околоспортивным дельцам, уже мало того, что наши атлеты выступают без названия страны, без флага и гимна. Этой спортивно-политической мафии нужно, чтобы у нас вообще не было никаких наград, а еще лучше, чтобы и духу нашего не было на Олимпийских играх и мировых чемпионатах.

И нам нужно кончать с этой игрой в одни ворота. Игры в Токио лишний раз показали, что эта околоспортивная мафия не остановится ни перед чем ради унижения России и наших спортсменов. Слезы несправедливости юных Дины и Арины Авериных не должны повторяться в будущем. Взрослые люди, сидящие в различных наших высоких спортивных комитетах и в том числе в Кремле, **обязаны** этого не допускать. Пока же они беспомощно разводят руками, пишут какие-то дурацкие обращения и протесты вместо того, чтобы жестко ответить конкретными действиями и конкретными санкциями по отношению к зарвавшимся, обнаглевшим мошенникам в спорте и в грязной западной политике.

И в первую очередь необходимо потребовать дисквалификации продажных и русофобствующих судей, отнявших золотую медаль у Дины Авериной. Когда видишь, какие страны они представляют, всё становится ясно: Швейцария, Аргентина, Украина, Франция, Польша, Испания, Канада, Хорватия, Словакия, Чехия, Венгрия.

Та же самая ситуация повторилась на следующий день в художественной гимнастике и в групповых упражнениях. Как говорится, наглеть, так наглеть до конца: мол, получите и утретесь!.. Пять наших гимнасток выступили блестяще, без ошибок, в отличном темпе. Но те же судьи поставили им оценку ниже, чем болгарским гимнасткам, которых так же, как днем раньше израильтянку, вытащили на первое место. Хотя вновь весь мир видел, что наши были лучшими.

Заслуженный тренер СССР Татьяна Тарасова так прокомментировала результаты финала Олимпийских игр по художественной гимнастике: «Судьи — твари! Это беспредел!»

А вот слова президента Всероссийской федерации художественной гимнастики, главного тренера сборной России Ирины Винер-Усмановой на сайте «Матч ТВ» по результатам группового многоборья на Олимпиаде в Токио: *«Соревнований-то не было. С самого начала Россию убрали на два балла вниз. Ну как это? Без потерь, без видимых ошибок. С упражнением «Половецкие пляски», про которое президент FIG Маринари Ватанава говорил, что это — Большой театр. Музыка, которую даже великий Игорь Моисеев замедлял. Мы её не замедлили, мы сделали всё как в оригинале. И чем это кончилось? Таким вот ужасом».*

Как мы видим, спортивное руководство России, да и не только спортивное, с этим **ужасом** готово жить дальше и всячески взаимодействовать с западными шулерами в спорте.

Между прочим, Россия из МОК исключена, но продолжает платить членские взносы...

Трусость, приспособленчество и моральное ничтожество госчиновников — это тоже одна из форм русофобии.

* * *

Министру обороны пришла в голову спасительная идея: построить в Сибири Нью-Васюки и перенести туда столицу.

* * *

Околоспортивные мошенники на глазах у всего мира поиздевались над русскими гимнастками, а глава государства со своей обычной застенчивой улыбочкой рассуждал в телящичке: «Ну не было у нас там гимна и флага, ну и что?..» И это произнесил на всю страну **глава государства!** И никто ему из его окружения, видимо, не объяснил: вот потому и поиздевались над нашими девчонками циничные западные шулера, что не было в Токио у нас ни названия, ни флага, ни гимна.

И хотелось бы спросить этого главу государства и руководителя МИДа РФ: если уж вы не сомневаетесь в том, что политика вмешалась в спорт, то почему до сих пор судьям, хамски оскорбившим сестер Авериных, не объявлен запрет на въезд в Россию? Бойтесь последствий? Но эти последствия уже давно наступили, и мы чуть ли не каждый день пожинаем их плоды. И сколько еще вы будете бояться: как бы чего не вышло?..

* * *

Телевизорные оракулы О. Скабеева и В. Соловьев с постоянным и прямо-таки злорадным напором предъявляют претензии А.Г. Лукашенко: «Когда Крым признаешь российским?!» Но хоть бы раз они нечто подобное сказали по адресу российских властных «элит»! Например, по адресу Э.Набиуллиной (ЦБ), Г.Грефа (Сбербанк) или А.Костина (ВТБ). Отделения Сбербанка и ВТБ, как и структуры Центробанка, в Крыму отсутствуют. Нет там и филиалов Роснефти и Газпрома. (Кстати сказать, цена одного литра бензина в Крыму на 3 руб. дороже, чем, к примеру, на Кубани.) Отчего же вопрос о признании Крыма Скабеева и Соловьев не задают И.Сечину и А.Миллеру? И очень хочется спросить этих телевизиорных «правдорубов»: чего вы прицепились к Лукашенко, когда Крым российским не признаёт сама российская олигархическая власть?!

* * *

Российский президент на государственном уровне признал абхазскую и южноосетинскую республики, отколовшиеся от Грузии. Но вот русские республики Приднестровья и Донбасса он, «самый большой русский националист», признавать категорически отказывается...

Упрощенное российское гражданство — для кого угодно, кроме русских соотечественников, проживающих за границей.

РФ изначально создавалась как проект «анти-России». Таковой она в основном и осталась.

* * *

По сообщению ТАСС, 25 августа ФСБ России в ходе спецоперации задержала в Москве, Новосибирской области, Якутске и Красноярском крае 31 главаря и участника межрегиональной структуры террористической организации «Катиба Таухид валь-Джихад», запрещенной в России. По данным ФСБ, члены этой организации осуществляли в России вербовку и переправку рекрутов в зоны боевых действий, занимались финансированием находящихся в Сирии участников террористической структуры, а также призывали к совершению преступлений террористического характера.

Подобные сообщения мы слышим и читаем с привычной для нас регулярностью на протяжении уже многих лет. В «Протуберанцах» я писал об этом неоднократно. Но приходится вновь и вновь повторять этот вопрос: неужели так и будет Федеральная служба безопасности годами играть на нашей территории в «казаки-разбойники» с нескончаемым потоком террористов, свободно, беспрепятственно прибывающих в наши города из республик Средней Азии и Закавказья под видом «рабочих рук»? Эти «рабочие руки», гуляющие по российским просторам, как у себя дома, в никому не известном количестве, то и дело оказываются замешанными в грязных преступных делах — от торговли наркотиками до поножовщины, развязного экстремизма и прямого терроризма. Но с легкой руки нашего президента миграционные службы не только не препятствуют проникновению их на российскую территорию, а прямо-таки за уши сюда тянут под видом рабочей силы. Как будто среди русского населения не осталось уже этой рабочей силы... Все стройки уже ими заполнены, все рынки, вся торговля, сфера обслуживания и уже почти вся низовая медицина... Полиция не только устала, но и перестала реагировать на их бытовые преступления. Все КПЗ в городах ими забиты. В Москве чуть ли не каждый день происходят массовые драки с участием мигрантских группиро-

вок. Вот и ФСБ всё продолжает играть с ними в «казаки-разбойники». Тридцать террористов арестуют, а сотни точно таких же в тот же день придут на российские вокзалы из бывших «наших» южных республик. А теперь еще и талибан всю развернет свою деятельность... Но о визовом режиме для республик Средней Азии наш президент и слышать не желает. Будем и дальше играть в «казаки-разбойники».

* * *

Америкосы бегут из Афганистана. Бегут позорно, трусливо и, как обычно, грязно и цинично. Войдя туда 20 лет назад, устроив глобальную провокацию во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года с выпадающими людьми из окон башен-близнецов, они, америкосы, теперь судорожно бегут оттуда на военных транспортных самолетах с выпадающими из них людьми. Выпадающие из военных самолетов люди — это и есть теперь очень символический «брэнд» Америки (то бишь Пиндосии). Это видел весь мир, и это забыть и отменить уже невозможно.

Ядерная «держава» США проиграла двадцатилетнюю войну неядерному, оккупированному Америкой и НАТО государству. Их позорное бегство с поля боя с брошенными танками и вертолетами должно убедить весь мир в том, что с америкосами надо кончать, надо гнать их отовсюду, где они пытаются хозяйничать. Причём гнать беспощадно и безоглядно. Единственно, что они видят, понимают и способны почувствовать, — это кулак перед носом. Неважно, от кого этот кулак исходит, — хоть от Северной Кореи, хоть от Ирака, хоть от Ирана, хоть от афганских бородачей в шлёпанцах.

Талибы поставили пиндосским воякам ультиматум: вышвырнуться из Афганистана до 31 августа этого года. И Байден как козлёнок заблеял о том, что они не успевают вывести всех своих и что талибы должны проявить к ним снисхождение... Мировой гегемон, едрёна вошь!.. Я еще год назад написал, когда чёрные начали сбрасывать памятники президентам, основателям США, и грабить магазины, что Америке кердык. Позорное, отвратительное бегство из Афганистана является убедительнейшим подтверждением развала и стремительного падения бывшей мировой сверхдержавы. Но сколько мы еще увидим мерзости в ее поведении!..

* * *

В конце концов америкосов настиг кабульский бумеранг. Они в свое время из иракских исламистов создали террористическую организацию Игил («Исламское государство», за-

прещенное в России) и направили ее боевиков в Сирию. Только с помощью России удалось предотвратить захват ими Дамаска, а затем и разгромить их в этой арабской республике. Но их остатки ушли в Афганистан. Они помнили, кто устроил провокацию в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года и кто уничтожил их «духовного лидера» Усаму бен Ладена. И они отомстили: ударили в спину своим бывшим спонсорам и хозяевам — осуществили серию терактов в аэропорту Кабула во время позорного бегства америкосов из оккупированной натовцами страны. Ударили больно, в самый для тех беспомощный момент, 26 августа, когда натовцы лихорадочно уносили ноги. 13 пиндосских морпехов сразу ушли в лучший мир, 18 получили ранения. Погибло около двухсот афганцев, причем многие из них — от пуль америкосов, открывших беспорядочную стрельбу по людям, пытавшимся вместе с ними улететь из Кабула. Но это только лишний раз подтверждает истину: нельзя иметь в друзьях слуг дьявола и тем более работать на них — Провидение накажет. Пиндосский оккупант всегда жесток, труслив и крайне циничен.

В Вашингтоне началась паника. Байден в этот день спрятался и не показывался на публике, госсекретарь Блинкин, как побитый пёс, что-то оправдательно мямлил в ответ на убийственные вопросы журналистов, официальный представитель Госдепа Джон Кирби отменил пресс-конференцию, а Трамп потребовал начала процедуры импичмента Байдену. Процесс омерзительного падения бывшей сверхдержавы происходил столь стремительно и столь морально неприлично, что смотреть на это было одновременно и смешно, и трагично, т.к. сопровождался этот процесс кровью, гибелью людей, оправдательной демагогией и грызнёй пиндосских союзничков.

Двадцатилетняя афганская война началась для США с псевдо-терактов в Нью-Йорке и закончилась реальными терактами в Кабуле.

* * *

1 сентября в Вашингтоне встретились два клоуна, молодой и старый, два имитатора «большой политики». Один клянчил миллиарды долларов, другой — обещал, но не дал. Один просился в НАТО, другой — обещал, но не впустил. Один уговаривал перекрыть «Северный поток — 2», другой что-то бубнил о «защите от агрессора»... Договорились о кредите, которого хватит на туалетную бумагу для «самой сильной в Европе армии» (украинской, естественно). А в добавок к этому договору молодой клоун получил в подарок книгу под названием «Лёгкая черепно-мозговая травма»... Очень

своевременно, очень по делу, надо сказать, и очень символично... Может так получиться, что этот презент будет для него самым полезным и самым нужным.

Как и положено еврею, молодой клоун был в восторге от США, лебезил, пресмыкался перед всем американским. Оно и понятно, в недалеком будущем ему предстоит сюда сбежать для постоянного проживания. Как какому-нибудь Яценюку. Но домик в Крыму, прикупленный им, еще не раз понадобится ему для отдыха на солнечном побережье «страны-агрессора»...

Реальная страна-оккупант и страна-агрессор, позорно сбежавшая из Афганистана и пока еще находящаяся в Ираке и Сирии, конечно же, гораздо приятнее сердцу молодого клоуна. Однако домик в Крыму для него лишним не будет...

* * *

В тот же день, 1 сентября, во время встречи с учащимися во Всероссийском центре «Океан» во Владивостоке Путин назвал Северную войну Семилетней: «Что Петр Первый с войной учинил, чего он со шведами семь лет воевал, и вообще битва под Полтавой... Вы представляете себе, где Полтава? Где Швеция, а где Полтава? А решающая битва между армиями Петра Первого и Карла XII состоялась под Полтавой — извините, ни фиги себе, что они все делали под этой Полтавой?»

Школьник поправил Путина, сказав, что эта война называлась не Семилетней, а Северной и что длилась она 21 год. Эта поправка школьника очень широко обсуждалась в Сети. А Путин за нее школьника поблагодарил и правильно сделал. Однако всё интернетное внимание было сосредоточено на названии войны и ее длительности. Оно и понятно: как же, президент ошибся... Но говорить нужно было о другом, в том числе и президенту: почему решающая битва между русскими и шведами произошла именно там, под Полтавой? «Ни фиги себе, — как сказал президент, — что они все делали под этой Полтавой?»

А происходило тогда то же самое, что происходит и сейчас. Малороссия, будучи в составе Российской империи, предательски и корыстно пригласила на свою территорию тогдашнее «нато» во главе со шведским королем Карлом XII в надежде на то, что Швеция окончательно разгромит русскую армию и Малороссия наконец-то как равная войдет «У Эуропу» — вожделенную и антироссийскую. Мечты, мечты... Битва под Полтавой состоялась более 300 лет назад. И что изменилось с тех пор? Опять Укро-Малороссия зовет к себе нынешнее НАТО, чтобы разгромить русскую армию... А сье-

денный вшами Мазепа как «духовный» вождь укропреда-
тельства изображён на ее денежных купюрах...

Вот что, г-н президент, они делали и делают под Полтавой.
Вот о чём нужно было рассказывать школьникам.

* * *

Опять — сплошное враньё. Опять стопроцентный теракт в
жилом доме, как это принято у СМИ, списывают на «взрыв
газа». Причем на этот раз как-то неуверенно: «...мог быть взор-
вавшийся газ». То есть мог быть, а мог и не быть...

В подмосковном Ногинске ранним утром 8 сентября в ре-
зультате взрыва обрушились четыре этажа жилой девятиэтаж-
ки. Оказались разрушенными 17 квартир. Погибли 7 и по-
лучили травмы 18 человек. Среди погибших трое детей мно-
годетной семьи.

Для СМИ быстренько сварганили версию: мол, в кварти-
ре с многодетной семьей ночью решили обогреться с помо-
щью горящего газа на кухне... Придумщики уверены, что у
доверчивого населения начисто отсутствует элементарная
логика. Если газ горел в конфорках, то каким образом он мог
скопиться в квартире до взрывной концентрации? Ведь газ
сгорал. И второе: даже если газ каким-то невероятным обра-
зом скопился (при горящих конфорках), то при взрыве, о чём
я неоднократно писал после предыдущих подобных проис-
шествий, должно быть сильное пламя. Это подтвердит лю-
бой мало-мальски грамотный газовик. И после взрыва (если
бы это был взрыв газа) пламя должно было бы выходить из
разорванных газовых труб. Но в данном случае огня не было
совсем. И это главное подтверждение того, что газ тут вооб-
ще ни при чём. Многожды раз писал и повторяю еще раз для
неграмотных и доверчивых: при вспышке газа четыре этажа
современного жилого дома обрушиться не могут. Такое воз-
можно только при приведении в действие взрывного устрой-
ства большой мощности. Власти, как это всегда было и преж-
де, скрывают теракт. Уверен: целью диверсии была много-
детная семья.

Мистическая символика: в тот же день 8 сентября при очень
странных обстоятельствах погиб министр по чрезвычайным
ситуациям Евгений Зиничев.

* * *

Ночью 11 сентября произошел взрыв в многоподъездном
двухэтажном жилом доме в Елецком районе Липецкой обла-
сти. Один подъезд полностью обрушился. Под завалами об-
наружены трое погибших, среди которых один ребенок. По

сообщению ТАСС, «взрыв мог произойти из-за утечки газа...» Естественно, «расследователям» из информационных агентств причины трагедий известны заранее.

* * *

В крови скончавшихся от отравления арбузом пожилой женщины и ее 15-летней внучки был обнаружен этиленгликоль, применяемый в качестве компонента антифриза (тормозной жидкости) для автомобилей и реагента для очистки систем отопления. Мать девочки оказалась в реанимации. Врачам удалось ее спасти. 10 сентября в Москве в магазине «Магнит» на ул. Совхозной они купили арбуз. В тот же день их госпитализировали с сильнейшим отравлением. Вот чем, господа кремляне, оборачивается ваша политика открытых дверей для всех желающих из Средней Азии и Украины. Способов для диверсий и терактов на нашей территории у них неимоверное множество — от «взрывов газа» до впрыскивания любых ядов в магазинную продукцию. Тем более что вся продуктовая-торговая сеть в Москве уже давно захвачена бывшими «гостями», а ныне «российскими гражданами», прибывшими к нам из азиатских «независимых республик». Как говорится, огромное поле деятельности... На фоне застенчиво улыбающегося президента, поощряющего прибытие к нам миграционных «рабочих рук»...

* * *

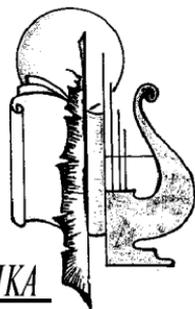
13 сентября, по сообщению «Газеты.ру» несколько сот жителей поселка Бужаниново под Сергиевым Посадом вышли на митинг возле здания администрации после того, как мигранты изнасиловали и убили пожилую женщину. Они потребовали наказать преступников и ликвидировать общежитие для азиатских гастарбайтеров. «Люди устали бояться, они ходят на работу через небольшие леса. Они переживают за себя и свою безопасность. Гастарбайтеры приставали и к 9-летним, и к 15-летним детям. Здесь собрались отцы и матери. Они все говорят, что сожгут к чертовой матери эту общагу», — процитировал интернет-ресурс одного из участников схода. По всей видимости, и эти слова не проймут больших начальников в Москве и Подмосковье. Даже если и накажут преступников, в целом миграционная политика в стране при этой власти не изменится. И мы уже не знаем, что должно случиться, чтобы она изменилась.

СЕЙТЕ РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ...

К 200-летию со дня рождения Н.А. Некрасова

Русская литература XIX века дала нам образцы непревзойдённого искусства. Это был своеобразный микрокосм русской классики в неисчерпаемости её идей, мыслей, образов, которая выдвинула гигантских художников, великих гуманистов всех времён и народов, таких как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой. Не только в прозе, но и в русской поэзии складывалась мощная традиция реализма, проявившаяся в начале века в пушкинской и лермонтовской поэзии и открывшая особый путь в поэзии Николая Алексеевича Некрасова (1821—1877). Его творчество явилось существенным импульсом для развития реалистической гражданской лирики не только в России, но и в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Личность и творчество Н.А. Некрасова, двухсотлетие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году, нередко вызывали полярные оценки литературной критики и науки: одни считали его кумиром, властителем дум, а другие даже отказывали ему в праве называться поэтом. Но время всё расставило по своим местам. Вспомним, как в день его похорон Ф.М. Достоевский, выступая у гроба поэта, поставил

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

его имя рядом с именами А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, и среди многочисленной молодёжи раздались голоса: «Выше!.. Выше!..»

Поэт Николай Гумилёв высоко ценил стихотворную технику своего предшественника: «Замечательно глубокое дыхание, власть над выбранным образом», хотя в юности относился к Некрасову по-другому: «Не знал почти, а что знал, то презирал из-за эстетизма».

Некрасову было суждено стать центральной фигурой в литературной и общественной жизни 50—70-х годов XIX века. Возглавляемые им журналы «Современник» (1847—1866) и «Отечественные записки» (1868—1877) не имели себе равных ни по степени влияния, ни по тиражам. В начале 1860-х годов тяжёлые переживания Некрасова были связаны со смертью его друга И.И. Панаева, ранней гибелью Н.А. Добролюбова, арестом Н.Г. Чернышевского. Давно ожидаемая отмена крепостного права не принесла желанных результатов, не смогла кардинально облегчить положение крестьян, и тогда Некрасов обратился к эпическому исследованию народных проблем в поэмах «Коробейники», «Мороз, Красный нос», начал писать стихотворения с повествовательной основой: «Орина, мать солдатская», «Железная дорога». В 1862 году на восемь месяцев был закрыт «Современник», а после публикации романа Чернышевского «Что делать?» в связи с покушением на Александра Второго журнал «Современник» был закрыт окончательно.

Взят в аренду журнал «Отечественные записки», Некрасов работает над циклом поэм, в которых отразился его давний интерес к декабристам («Дедушка», «Княгиня Трубецкая», «Княгиня М.Н. Волконская»), продолжает начатую в 1863 году работу над крестьянской эпопеей «Кому на Руси жить хорошо». Уже будучи тяжело больным, Некрасов создаёт поэму «Современники», незаконченную поэму «Мать», продолжает работать над эпопеей «Кому на Руси жить хорошо». В 1877 году вышла книга «Последние песни», куда помимо поэм вошла лирика его последних лет.

Чтобы дать объективную оценку творчеству Некрасова, нужно прежде всего помнить, что в основе литературного процесса, в котором участвует настоящий художник, лежит мысль о том, что, рисуя картину жизни полновесным словом, он прежде всего связан с духовной жизнью общества, с социальной средой, которая его окружает с самого детства, с культурным наследием его предшественников и современников. Некрасова нужно рассматривать не только как лирика, прозаика, драматурга, но и как издателя. В воспоминаниях известного литератора А.Ф. Кони — отражена жизнь Некрасова в 40-е годы, когда отец А.Ф. Кони был издателем «Литературной газеты». Это время совпало с годами тяжёлых испытаний и крайних лишений в жизни Некрасова. Он не закончил обучение в Ярославской гимназии, попал

в Петербург с наказом поступить в Дворянский полк, но нарушил отцовскую волю и решил поступать в Петербургский университет. Знаний оказалось недостаточно, мечты Некрасова об университете не сбылись, и отец оставил 17-летнего юношу без средств к существованию.

Голод, нищета, неприютность, неуверенность в завтрашнем дне отразились в то время на содержании многих его произведений. Спасали от голода молодого литератора случайные заработки на Сенном рынке: письма под диктовку или составление прошений за кусок хлеба, а также работа гувернёром в пансионе офицера Бенецкого, где готовили к поступлению в Инженерное училище. Материальное положение Некрасова немного улучшилось, когда отец судебного деятеля и литератора А.Ф. Кони пригласил Некрасова работать в «Литературную газету», при этом давая периодически приют у себя, оберегая его от привычек бродячей и бездомной жизни. Свои произведения тогда юноша подписывал псевдонимом «Перепельский».

Сам же Анатолий Фёдорович Кони впервые увидел Некрасова в конце 50-х годов на Невском проспекте. В своих воспоминаниях он воссоздаёт портрет поэта: «Я жадно всматривался в его желтоватое лицо и усталые глаза и вслушивался в его глухой голос: в это время имя его говорило мне уже очень многое». Как-то в письме к М.Е. Салтыкову-Щедрину Некрасов писал об этом периоде своей жизни: «Я был очень беден и очень молод, восемь лет боролся с нищетою, видел лицом к лицу голодную смерть; в 24 года я уже был надломлен работой из-за куска хлеба».

Ради заработка Некрасов в начале 40-х годов писал всё, что можно было где-нибудь напечатать: повести и рассказы, юмористические стихи и водевили, статьи и рецензии, даже лубочные сказки и афиши в стихах. Но в этом подённом литературном труде была и несомненная польза: отшлифовывался талант беллетриста и публициста.

Для того чтобы понять, что такое литературная подёнщина в XIX веке для начинающих литераторов, нужно окунуться прежде всего в творчество Некрасова-драматурга. В его водевилях можно найти немало реалистических зарисовок, раскрывающих жизнь литераторов, издателей, актёров, особенно в «Водевильных сценах из журнальной жизни». В своих пьесах Некрасов, учась у Гоголя, стремился создать комический тип-маску, который стал бы нарицательным обозначением ёмкого социального явления, во многом предвосхищая Козьму Пруткову и братьев А.М. и В.М. Жемчужниковых, литературная жизнь которых начнётся именно в «Современнике» Некрасова.

От ушедшей эпохи остаётся жить её культура, составной частью которой является литература. Именно по этой культуре мы судим о том реально существовавшем мире. Литературное наследие Николая Алексеевича Некрасова — это огромный пласт

русской культуры XIX века. Пьесы Некрасова дают богатый фактический материал о культурной жизни Петербурга того времени. Следует отметить, что в некрасовских водевилях играли многие выдающиеся актёры: П.А. Каратыгин, В.В. Самойлова, М.Г. Савинова, В.Н. Асенкова.

Важно отметить, что некоторые водевили Некрасова пользовались большой популярностью и долго исполнялись на сцене Большого, Александринского и Михайловского театров. Их сценическая жизнь продолжилась и в XX веке: так, к пятидесятилетию со дня смерти поэта в Государственном театре юных зрителей в 1928 году были поставлены пьесы Некрасова «Актёр» и «Осенняя скука». Особенно большой интерес вызвала у зрителей пьеса «Петербургский ростовщик», где нарисован образ ростовщика, скрывающего от всех своё богатство из скупости и ведущего образ жизни бедняка. Он морит голодом жену и дочь, заставляя её ходить зимой в мужской шинели, чтобы не тратиться на другую одежду. Этот же сюжет будет использовать впоследствии великий русский драматург А.Н. Островский в пьесе «Не было ни гроша, да вдруг алтын», которая была напечатана в 1872 году в «Отечественных записках». По водевилю «Петербургский ростовщик» в 1964 году на Ленинградской студии телевидения был создан спектакль, а на Центральной студии телевидения он был поставлен в 1977 году.

В 40-е годы Н.А. Некрасов был ещё далёк от создания завершённого, цельного образа народа: в его стихах пока не было никаких пророчеств о судьбе русского мужика и всей России. Но сын безжалостного помещика, который жестоко карал крестьян даже за мелкие провинности, пронёс боль за простых людей через всю свою жизнь. Мать Некрасова, Елена Андреевна, урождённая Закревская, дочь южно-русского помещика, служившего в Варшаве, которая когда-то увлеклась волевым, энергичным офицером, перенесла много страданий. Она вложила в душу сына и чувство красоты, и чувство сострадания к чужой боли, став на всю жизнь его нравственным идеалом, который ярко отражён в стихотворении «Родина»:

*Навеки отдана угрюмому невежде,
Не предавалась ты несбыточной надежде —
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы...
Но знаю: не была душа твоя бесстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И всё, что вынести в тебе достало сил,
Предсмертный шёпот твой губителю простил!*

Первые стихи Некрасов стал сочинять ещё в детстве. В Петербург он привёз целую тетрадь своих лирических стихотворений. В 1840 году вышел его первый поэтический сборник «Меч-

ты и звуки», в котором продолжались традиции романтической литературы, но он уничтожил тираж своей первой книги. В это время в его творческих устремлениях происходит перелом. Он обращается к прозе, к драматургии, развивая тему «маленького человека», издаёт альманахи «Физиология Петербурга», «Петербургский сборник» и другие.

Стихи Некрасова нужно читать, верно воспроизводя в себе душевный и духовный опыт поэта, как сказал бы о таком читательском опыте русский мыслитель И.А Ильин: нужно «чувствовать сердцем и созерцать из сердца», только тогда можно отыскать скрытый духовный клад автора и его душесозидающие силы.

Вдохновляющей Музой поэта Некрасова стало обнажённое страдание. Как не вспомнить при этом завет А.С. Пушкина: «Жить, чтоб мыслить и страдать». Но особенностью мироощущения лирического героя Некрасова с первых же стихотворений становится ощущение народных страданий «как своих», поэтому его Муза «неласковая», «печальная», «плачущая, скорбящая», «убитая кручиной», создаёт «суровые напевы»:

*Чрез бездны тёмные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила.*
(«Муза», 1851)

У Некрасова есть замечательная лирическая миниатюра «Вчерашний день, часу в шестом...» (1848), которая раскрывает важнейшую для его творчества тему роли поэта и поэзии. В ней выражена его главная мысль о своей Музе: она оказывается «сестрой родной» мученице-крестьянке. Нарисована страшная сцена, страшная именно своей будничностью, когда на Сенной площади в Петербурге секут кнутом молодую крестьянку. Обнажённое варварство, обличающее современный миропорядок, вызывает глубокий драматизм переживания лирического героя, который выплёскивается в восклицании:

*Ни звука из её груди,
Лишь бич свистел играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!*

Так аллегорически Некрасов выразил главную мысль о значении поэзии: судьба подлинного поэта должна быть всегда близка народной судьбе. Это стихотворение раскрывает «чудо творчества», о котором писал Вадим Кожин в своих статьях о поэзии: «...превращение обычной речи в великое лирическое произведение только благодаря стихотворному воплощению»,

когда стих создаёт «художественную реальность» лирики. Лирическая миниатюра вдруг раскрывает разгорающийся в душе поэта очаг любви к своему народу, хотя при этом поэт выбирает путь нелёгкий, но единственно верный, когда он не личного блага ищет, а наполнен сердечной думой — видеть счастливыми свою Родину, свой угнетённый народ. Стихотворение раскрывает чувство единства большого и малого, простого и великого, которым будет всегда пронизано творчество Некрасова. Мотив «горения» гражданскими идеалами Некрасов продолжает вслед за Пушкиным, Лермонтовым и в более поздних стихах.

В стихотворении «Поэт и гражданин» лирический герой обращается с самыми сокровенными мыслями к поэтам-современникам.

*Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К Отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...*

В стихотворении «Элегия», написанном в конце жизненного пути, в 1974 году, Некрасов, рассматривая роль поэзии в общественной жизни, пишет:

*Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая — «страдание народа»
И что поэзия забыть её должна.
Не верьте, юноши! Не стареет она.*

Особенно близко подходила поэзия Некрасова к молодым сердцам того времени. Кажется, что поэт искал страдающих, чтобы отдать им своё сердце. Перед их глазами раскрывалась его жизненная история: уход из семьи, голодная молодость, изнурительный труд ради куска хлеба, скитания, болезнь, одиночество.

*Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда.*

Предъявляя высокие требования к своей поэзии, Некрасов называет свой стих «суровым и неуклюжим», с тревогой думает о том, что вряд ли уцелеет что-нибудь от его поэзии в памяти народной, но в этих стихах «кипит живая кровь, Торжествует мстительное чувство, Догорая, теплится любовь...» Обращаясь к своим стихам, поэт говорит:

*Безвестен я. Я с вами не стяжал
Ни почестей, ни денег, ни похвал,
Стихи мои, — плод жизни несчастливой,
Уотдыха похищенных часов,
Сокрытых слёз и думы боязливой;
Но Вами я не восхвалял глупцов,
Но с подлостью не заключал союза,
Нет! свой венец терновый приняла,
Не дрогнув, обесславленная Муза
И под кнутом без звука умерла.*

Испытав немало трудностей и лишений в Петербурге, Некрасов открывает благополучную внешне столицу как средоточие страданий и унижений для бедного человека. Под его редакцией в 40-е годы выходит сборник «Физиология Петербурга», где описана, как и в романах Ф.М. Достоевского, жизнь петербургских трущоб, выведена целая галерея обитателей, нашедших временный приют в доходных домах: мелкие чиновники, ремесленники, ростовщики, нищие и безработный люд. Одним из центральных произведений в сборнике «Физиология Петербурга» является рассказ «Петербургские углы». Важно то, что в этой «Физиологии...» Некрасов использует не только личные впечатления первых лет бедственной петербургской жизни, но к социальному исследованию петербургского «дна» он привлекает своих литературных современников и соратников: Д.В. Григоровича, В.И. Даля.

Высокую оценку «Петербургским углам» дал В.Г. Белинский, который ознакомился с рассказом ещё в рукописи. Однако «Петербургские углы» были подвергнуты резкой критике со стороны авторов и издателей «Северной пчелы» (Булгарин, Брант). Они считали, что обитатели таких «углов» являются *«исключением в низшем слое человеческого общества; но должно ли рисовать подробно их жалкую жизнь, и особенно рисовать так, как рисует господин Некрасов, поставляющий, по-видимому, торжество искусства в картинах грязных и отвратительных»*.

Следует заметить, что в этом произведении Некрасов следует специфике гоголевской поэтики, и здесь уже отчётливо прослеживается его тяга к фольклору. В описаниях быта «углов» не только чувствуются творческие приёмы, традиционные для гоголевской «натуральной школы», но и видится поэт, для которого любая история судьбы человека — это символ судьбы народной.

Народная тема была главной для Некрасова. Она начиналась в его поэзии со стихотворения «В дороге», которое очень высоко оценил В.Г. Белинский. Когда Некрасов прочёл его Белинскому, у того, как вспоминал И. Панаев, «засверкали глаза, он бросился к Некрасову, обнял его и сказал чуть не со слезами на глазах: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный!» В

этом стихотворении Некрасов описал одну из историй, которая раскрывала трагедию судьбы крепостной крестьянской девушки, воспитанной по-дворянски, но отданной в мужицкую семью — на свою погибель и на несчастье мужика. Некрасов так строит своё стихотворение, что в нём обнажается характер самого народа. Этому способствовал новаторский подход автора к народной теме, которая была центральной на протяжении всего творческого пути поэта.

Некрасов выступил в своих стихах против высокопарности слога, чрезмерной метафоризации стиля. В некрасовской лирике ясно виден вкус автора к конкретности. Он старается избегать всякой напыщенности и витиеватости слога, пафоса красноречия, избытка эпитетов, при помощи которых отдельные авторы тех лет драматизировали повествование, чтобы воздействовать на читателя.

Стремясь сохранить в своих стихах связь с фольклором, поэт не раз использовал народный склад разговорной речи, как, например, в стихотворении «В дороге»:

*«...Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна —
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего ?.. Видит бог, не томил
Я её безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...»
Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..*

В 40-е и 50-е годы народная тема в поэзии Н.А. Некрасова развивается в тех стихах, где особенно ярко проявляются черты национального характера русских людей, где автор изображает картины бесправного, изнуряющего труда крестьян, от которого накапливается «вековая обида» народа, но при этом не заслоняется стремление к новому, к красоте и добру («Тройка», «В деревне», «Забытая деревня», «Влас», «Извозчик», «Размышления у парадного подъезда» и другие). Некрасов показывает, что главными характеристиками народной психологии является смирение.

В стихотворении «Забытая деревня» автор приводит читателя в глухой уголок России, где всё решает барин, где крестьяне не хозяева своей судьбы и уповают только на него: «рассудит», «увидит», «велит», «скажет.. слово»; для них он всемогущий правитель, подобный царю, самому Богу. Они только ждут в свою деревню приезда барина. Но финал горек для крестьян: барин приехал, но только в гробу:

*А в гробу-то барин, а за гробом — новый.
Старого отпели, новый слёзы вытер,
Сел в свою карету и уехал в Питер.*

Крестьянскую жизнь Некрасов рисует и в поэзии 60—70 годов («Железная дорога», «Крестьянские дети», «Орина, мать солдатская», «Мороз, Красный нос», «Коробейники», «Кому на Руси жить хорошо»...). Эпическое полотно его произведений наполнено судьбами простых людей из народа, простых тружеников. В них через эти судьбы поэт обличает жестокость властей. Размышляет он и о христианском смирении народа, но главная его мысль состоит в том, что народ только сам может вершить свою судьбу. Некрасов, как никто другой, всеми силами души стремился развивать народное самосознание. Он считал, что только внутренняя работа души может открыть перед народом «широкую и ясную» дорогу в будущее.

Размышляя над страницами лирики Н.А. Некрасова, хочется обратить внимание и на стихи, освещающие исторические события, свидетелем которых стал поэт. В них он выступает в роли зрителя «великих зрелищ, мировых зрелищ», когда «пожар полмира охватил», когда «исконные, кровавые враги, соединясь, идут против России». Об этом пишет Некрасов в стихотворении «14 июня 1954 года», которое было создано под впечатлением одного из ранних эпизодов Крымской войны, когда соединенная англо-французская эскадра появилась вблизи Кронштадта, угрожая Петербургу. Некрасов специально совершил тогда поездку в Ораниенбаум, чтобы посмотреть на вражеские корабли.

*Обращены в позорище вражды
Моря и суша... Медленно и глухо
К нам двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И наконец приблизились — стоят
Пред укреплённой русскою твердыней...*

Крымская война завершилась поражением России и показала огромные проблемы в ее внутренней политике. Но одновременно это было самое героическое и трагическое время для России, и прежде всего таковой была битва за Севастополь, когда в сентябре 1855 года франко-английские войска захватили Малахов курган.

Чтобы запечатлеть жизненную энергию народа, не сломленного поражением в Крымской войне и чтобы показать, что в минуту общей беды русский народ способен проявить пример нравственного самостояния, Н.А. Некрасов пишет поэму «Тишина» (1857). Мотив Тишины — это один из главных мотивов

русской поэзии. Тишина для Некрасова — тишина родной земли, «ровный шум лесов сосновых», тишина деревень.

*Прибитая к земле слезами
Рекрутских жён и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.*

Такой видит Некрасов Россию после Крымской войны, вернувшись из-за границы, где не нашёл для себя как поэта ничего, что тронуло бы его сердце. Но здесь, в России, когда мелькнул перед ним Божий храм, на душу сразу повеяло успокоением. Такое же успокоение приходит к поэту, когда видит он широкую ниву, лес с ласковыми вершинами деревьев, тройку, летящую «стрелой среди берёз». Всё это приобретает праздничный вид, всё улыбается ему и манит «в братские объятья». А тишина становится смыслом любви к Родине:

*Война молчит и жертв не просит,
Народ, стекаясь к алтарям,
Хвалу усердную возносит
Смирившим громы небесам...*

Слово Некрасова, опалённое бедами, которые взваливались на Россию, всегда ярко отражало его гражданскую позицию. Но в каждом стихотворении поэта чувствуется и яркое лирическое начало, раскрывающее тонкие движения души человеческой. Как поэт-гражданин осмысливая бесчеловечную сущность всякой войны, Некрасов пишет стихотворение «Внимая ужасам войны...», впервые напечатанном в 1856 году, которое, возможно, было написано после знакомства поэта с рассказом Л.Н. Толстого «Севастополь в августе 1855 года» (отдельные главы рассказа Толстой читал Некрасову ещё до публикации). Рассказ глубоко взволновал Некрасова, а по поводу гибели одного из героев рассказа в журнальных заметках поэт напишет: «Володе Козельцеву суждено долго жить в русской литературе, может быть, столько же, сколько суждено жить памяти о великих, печальных и грозных днях Севастопольской осады. И сколько слёз будет пролито и уже льётся теперь над бедным Володей! Бедные, бедные старушки, затерянные в неведомых уголках обширной Руси, несчастные матери героев, погибших в славной обороне! Вот как пали ваши милые дети...» В стихотворении «Внимая ужасам войны...» Некрасов обращается к образу матери, поднимая его над всеми другими:

*Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слёзы —*

*То слёзы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...*

Можно без всякого преувеличения сказать, что поэзия Некрасова — гимн материнству. Величественные мировые очертания приобретает образ матери, становится символом скорби в стихотворении Некрасова «Баюшки-баю». Оно было написано в марте 1877 года, в дни резкого обострения предсмертной болезни Некрасова, когда его домом стала уже постель и физическая боль изнуряла его, но он продолжал писать стихи. По словам А.Н. Пыпина, читал это стихотворение Некрасов, стоя на постели на коленях, в одной рубашке. В стихотворении сюжет связан с болезнью сына, когда «Непобедимое страданье, Неумолимая тоска... Влечёт, как жертву на закланье, Недуга чёрная рука». Но на краю своей гибели сын слышит песнь матери, которая его утешает:

*Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!*

Стихотворение это было включено в сборник «Последние песни» и являлось эпилогом незавершённой поэмы «Мать» и всей книги. Оно имело большой общественный резонанс. И.Н. Крамской писал Н.М. Третьякову: «А какие стихи его последние, самая последняя песня 3-го марта «Баюшки-баю»! Просто решительно одно из величайших произведений русской поэзии!» Свою картину «Некрасов в период «Последних песен» Крамской датировал этим же числом, когда читалось стихотворение Некрасовым, хотя картина была создана художником позже.

Поэзия Некрасова 70-х годов наполнена думами о народном счастье, именно эти думы, «кипящие в уме» лирического героя, являлись в это время основой его творчества. Одно из самых ярких его произведений этого периода — стихотворение «Поэту», написанное в сентябре 1874 года. Поэт, по убеждению Некрасова, — это особая, свободолюбивая личность, напоминающая человеку о его высоком призвании:

*Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мёртвыми очами
Мог созерцать добро и красоту...*

Некрасов, развивая мысль Достоевского о том, что «красота спасет мир», столь же отчаянно пытался привнести в духовный мир идеи «истины, любви и красоты», которые смогут вновь засветить «волшебный факел» «над гибнущей толпой», внося гармонию в дела и чувства каждого человека.

В год смерти (1877) к тяжело больному Некрасову приходили студенческие делегации молодежи от разных городов России, и поэт дарил им автограф стихотворения «Посвящение». Этот автограф потом висел под стеклом в студенческой библиотеке Петербургского университета:

*Вам, мой труд ценившим и любившим,
Вам, ко мне участие сохранившим
В чёрный год, нависший надо мной,
Посвящаю труд последний мой.*

*Я примеру русского народа
Верен: «В горе жить —
Некручинну быть» —
И, больной работаю полгода,*

*Я трудом смягчаю мой недуг:
Ты не будешь строг, читатель-друг!*

Достоевский писал о Некрасове: «Это было раненое сердце — раз на всю жизнь, и незакрывающаяся рана эта и была источником всей его поэзии, всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает от насилия».

В Евангелии от Иоанна есть строки, которые высечены на могиле Достоевского: «Истинно, истинно глаголю вам: аще пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода». Вспомним стихотворение Пушкина «Свободы сеятель пустынный», написанное в 1823 году, где Пушкин использует евангельский источник — притчу о сеятеле. В ней — размышления о том, что, обладая живой силой, слово Божие не всегда даёт одинаковый урожай: многое зависит от почвы, в которую брошено зерно. Также многое зависит и от пахаря, который бросает зерна в землю.

Николай Алексеевич Некрасов был безоглядно предан своему поэтическому чувству, считая лирическую самозабвенность основой и предпосылкой поэтического творчества. Он неоднократно осмысливал в своей поэзии образ крестьянина — пахаря, сеятеля. В стихотворении «Несжатая полоса» поэт отразил народную боль по несжатой полоске хлеба, когда «лес обнажился, поля опустели». В стихотворении колосятся ведут между собой разговор о больном пахаре, у которого «моченьки нет». Размышления Некрасова о русском крес-

тьянине, о русской земле, которая страдает от того, что сеятель забыт — это боль самого поэта.

Широкий смысл приобретает эта тема в стихотворении «Сеятелям», написанном в 1976 году, в предпоследний год его жизни: оно обращено ко всем, кто посвятил себя делу служения народным интересам на ниве просвещения. Некрасов, продолжая Пушкина, обращается к современникам и к будущим поколениям с призывом:

*Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ.*

Эта мудрость — одна из самых главных в поэзии Некрасова. Его лирический герой постоянно стремится найти благодатную почву для всходов добра, предъявляя к себе как к художнику высочайшие требования. Чтобы сеять «разумное, доброе, вечное», надо иметь огромную силу воли, дабы «крупичками», терпеливо, но не робко, засеять русскую землю, русскую культуру. Наглядный образ такого просветителя вырастает со страниц поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — образ Гриши Доброклонова, сына деревенского дьячка, который жил «беднее бедного последнего крестьянина» и «сам был вечно голоден».

Отношение к бедствиям народа — это мерило душевной чистоты поэта Некрасова. Нравственное чувство его лирического героя заставляет вглядываться в действительность, объяснять причины происходящего и думать о неповторимой судьбе каждого человека.

Ф.М. Достоевский в статье, посвященной памяти Некрасова, пишет о том, что этот человек навсегда останется в нашем сердце: «Стремление же его к народу столь высоко, что ставит его как поэта на высшее место».

Прошло 200 лет со дня рождения Николая Алексеевича Некрасова. Многие за это время изменилось в жизни нашей страны, но вопросы, поставленные им о судьбе народной в его лирике, до сих пор требуют глубоких размышлений. Н.А. Некрасов своим творчеством помогает нам познавать нравственную природу русского человека и судьбу России.

г. Санкт-Петербург

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Владимир АНИЩЕНКОВ. Чтобы стать единым народом — 11-12
Александр БЕНДИН. В кривом зеркале белорусского национализма — 3
Леонид БОЛОТИН. Лукавые эпохи «перемен» — 9
Владимир БОЛЬШАКОВ. Геноцид славян — 11-12
Валерий БУХВАЛОВ. Социализм и религиозное сознание — 10
Андрей ВЫПОЛЗОВ. Реваншистские мечты — 4
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Духовный смысл русской истории — 7-8
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Агрессия Запада против русской цивилизации — 9
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Насажение безграмотности — №1-2
Станислав ЗОТОВ. Дар предвидения — 5-6
Роман ИЛЮЩЕНКО. Такое вот кино — 5-6
Александр КАЗИН. Тёмный огонь — №1-2
Григорий КАЛЮЖНЫЙ. Любящий вас Михаил Лемешев — 7-8
Игорь КАРПОВ. «Сталинград на Дону» — 5-6
Валентин КАТАСОНОВ. «Великая перезагрузка» — 4
Валентин КАТАСОНОВ. Открытый заговор — 5-6
Валентин КАТАСОНОВ. Мрачная антиутопия — 10
Валентин КАТАСОНОВ. Трескотня и словоблудие — 11-12
Валерий КИРИЛЛОВ. Довольно играть в «толерантность!» — №1-2
Валерий КИРИЛЛОВ. Скрепсы или изгой? — 3
Валерий КИРИЛЛОВ. Спрос на народные «одёжки» — 7-8
Валерий КИРИЛЛОВ. Миграционный спрут под «крышей» — 9
Ольга КИТОВА. Впереди — распад США и Евросоюза — 9
Михаил ЛЕМЕШЕВ. Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ. Надежда на чудо — 4
Виктория НИКИФОРОВА. Бегство Америки — 11-12
Кирилл ПШЕНИЧНЫЙ. Донецкий исход — 10
Валерий РАСТОРГУЕВ. Тайна, о которой не говорят — 3
Игорь РОМАНОВ. «Большая Евразия» — 10
Николай СОМИН. Коммунизм, социализм и Церковь — №1-2
Вячеслав ТЕТЁКИН. «Патриотизм» олигархата — 3
Михаил ЧЕЛНОКОВ. Время менеджеров — 4
Владимир ЮДИН. «Я не первый, я единственный!» — 5-6

ПРОЗА

- Виктор БОЧЕНКОВ. День Победы. Рассказ — №1-2
Виктор БОЧЕНКОВ. Синий петушок. Рассказ — 10
Дмитрий ВОРОНИН. Контрабанда. Рассказ — 7-8
Василий ВОРОНОВ. Венчание в Пескарях. Рассказ — 4
Юрий ВИСЬКИН. Ошибка Мойры. Роман — 5-6, 7-8
Анатолий ГОНЧАР. Эпидемия. Фантастический рассказ — 11-12
Татьяна ГРИБАНОВА. Серафима. Рассказ — 5-6
Александр ГРОМОВ. Два рассказа — 3
Александр ГРОМОВ. Государственное дело. Рассказ — 9
Сергей ДОРОВСКИХ. Два рассказа — 11-12
Михаил ЕСЬКОВ. День отошедший. Рассказ — 9
Геннадий КАРПУНИН. Кортик. Рассказ — 4
Надежда КНЯЗЕВА. Предновогодье в деревне. Рассказ — 5-6
Сергей КОЧУКОВ. Два рассказа — 11-12
Юрий КРАВЦОВ. Короткие рассказы — 9

Виталий ЛОЗОВИЧ. Пурга в тундре. Рассказ — 3
Юрий МАНАКОВ. Капустин яр и прочая пустыня. Рассказ — 9
Геннадий МАТЮШОВ. Высшая радость. Повесть — 4
Виктор МЕЛЬНИКОВ. Господи, помилуй! Рассказ — 11-12
Юрий МЕЩЕРЯКОВ. Мой тейп старше. Рассказ — 7-8
Артём ПОПОВ. Два рассказа — 3
Владимир ПРОНСКИЙ. Рассказы — №1-2
Владимир ПРОНСКИЙ. Уезжай и возвращайся. Повесть — 9
Сергей ПЫЛЁВ. Харисто. Рассказ — 4
Андрей РАСТВОРЦЕВ. Ненужное золото. Рассказ — 7-8
Ольга СЕВОСТЬЯНОВА. Рассказы — №1-2
Михаил СМИРНОВ. Души людские. Рассказ — №1-2
Михаил СМИРНОВ. Ладони пахли клубничкой. Рассказ — 10
Андрей ФРОЛОВ. Короткие рассказы — 5-6
Олег ХРАМОВ. Тётя Маруся. Рассказ — 3
Елена ЧИСТЯКОВА. Два рассказа — 11-12
Юрий ШИПНЕВСКИЙ. Терриконщик. Рассказ — 4
Юрий ШИПНЕВСКИЙ. Ван Гог. Рассказ — 10

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. После пожара. Стихи — 5-6
Иван АЛЕКСАНДРОВ. Состояние духа. Стихи — 9
Николай АЛЕШКОВ. Единственный август. Стихи — №1-2
Иван АНДРЕЕВ. Земной поклон. Стихи — 10
Людмила БАНЦЕРОВА. Мои светотени. Стихи — 4
Людмила БАНЦЕРОВА. Вчерашнее лето. Стихи — 9
Олег ГОНОЗОВ. Белые птицы. Стихи — 11-12
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. Средь полей и облаков... Стихи — 5-6
Виктор ДРОННИКОВ. Долгий свет. Стихи — №1-2
Лариса ЖЕЛЕНИС. Клеверный край. Стихи — 4
Евгений ЗАХАРЧЕНКО. Озаренья. Стихи — 11-12
Анатолий ЗЕЛЕНЦОВ. Песня жизни не допета. Стихи — 10
Сагидаш ЗУЛКАРНАЕВА. Соломка света. Стихи — №1-2
Диана КАН. На распахнутом настезе просторе. Стихи — 3
Маргарита КАРАНОВА. И вечно пламя... Стихи — 9
Виктор КАРПУШИН. Луна, река и лодка... Стихи — 10
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Какая есть... Стихи — 9
Сергей КОРОТКОВ. Встретимся на Солнце. Стихи — 4
Валентина КОРОСТЕЛЁВА. Городов небогатые дети — №1-2
Александр ЛАЙКОВ. Привкус горькой полыни. Стихи — 3
Светлана ЛЕОНТЬЕВА. Зрячий голос. Стихи — №1-2
Александр ЛИСНЯК. Отражённый свет. Стихи — 5-6
Юрий МАНАКОВ. Марьяна речка. Стихи — 3
Эмма МЕНЬШИКОВА. Странная любовь. Стихи — 7-8
Александр НЕСТРУГИН. Год високосный. Стихи — 4
Николай ПИДЛАСКО. Ожидание. Стихи — 7-8
Владимир ПОЛУШИН. Твоё ледяное окно... Стихи — 3
Андрей ПОПОВ. Между строк листопада. Стихи — 10
Александр ПОТАПОВ. Отцовская трость. Стихи — 7-8
Вита ПШЕНИЧНАЯ. Время жить. Стихи — 11-12
Евгений СЕМИЧЕВ. На русском берегу. Стихи — 3
Владимир СИЛКИН. Вечные незабудки. Стихи — 5-6
Светлана СУПРУНОВА. Поэтические пародии — №1-2
Светлана СУПРУНОВА. Утепление души. Стихи — 7-8

Анна ТОКАРЕВА. По скользкому льду. Стихи — 4
Ирина УШАКОВА. Память о доме. Стихи — 5-6
Геннадий ФРОЛОВ. Не заплачу и не затоскую... Стихи — 10
Валерий ХАТЮШИН. Три свечи. Стихи — 11-12
Вера ЧАСОВСКИХ. О воде живой. Стихи — 11-12
Иван ЩЁЛОКОВ. Созревает шиповник... Стихи — 9
Стихи поэтов России — 3, 11-12
Стихи поэтов Приднестровья. Предисловие Алексея Полуботы — 5-6
Стихи тамбовских поэтов — 7-8
Стихи лауреатов 1-го Конкурса художественного перевода — 4

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Портсмутский мир: история предательства — №1-2
Валерий ГАБРУСЕНКО. Куликово поле — 3
Валерий ГАБРУСЕНКО. 200-летнее закрепощение народа — 5-6
Валерий ГАБРУСЕНКО. Забытый полководец — 9
Валерий ГАБРУСЕНКО. Две ошибки Александра I — 10
Борис ГАЛЕНИН. Император Павел: величие и святость — №1-2
Роман ИЛЮЩЕНКО. Прекраснодушный диктатор — 7-8
Валерий ШАМБАРОВ. «Катюши» Первой мировой — 9
Валерий ШАМБАРОВ. Прирождённый враг России — 10

УРОКИ ИСТОРИИ

Владимир БОЛЬШАКОВ. Десант мировой закулисы — 9, 10, 11-12
Валерий ГАБРУСЕНКО. Сосиски с баварским пивом — 10
Мария ТОБОЛОВА. Отречение от трона — 7-8
Людмила ТУРОВСКАЯ. Прохиндей мирового масштаба — 4

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ольга СЕВОСТЬЯНОВА. В мире без Пушкина — 9
Всеволод ТРОИЦКИЙ. О стоянии в правде, чести и совести — 10

ДОСЬЕ МГ

Михаил БАЛА. Кто всем этим кукловодил? — 3
Владимир БОЛЬШАКОВ. Лютые враги России — 3
Павел КРЕНЁВ. Битва за Россию — №1-2
Мария МОНОМЕНОВА. Роман Абрамович и третий храм — №1-2

СИМВОЛ ВЕРЫ

Геннадий БЕЛОВОЛОВ. Чем гордиться русскому человеку? — №1-2
Станислав ЗОТОВ. Мученики за Россию — 5-6
Виктор МАКСИМОВ. Цель и смысл жизни — №1-2
Мария МОНОМЕНОВА. Русский христианский социализм — 9
Мария МОНОМЕНОВА. Проект «Третий храм» — 11-12
Сергей РЫБАКОВ. Искусственный интеллект — от лукавого — 4
Ольга СЕВОСТЬЯНОВА. Очень личное чудо — 10
Валерий ШАМБАРОВ. «За други своя» — 3
Юрий УТКИН. Они нам завидуют — 4

РУССКИЙ МИР

Дмитрий КУНИЦКИЙ. Основа русского единства — 10
Фёдор ПАПАЯНИ. Освободительный и угнетающий национализм — 10
Андрей СОШЕНКО. Имперскость и национальная идея — 11-12
Сергей БАРАНОВ. Доктрина «Русский Донбасс» — 5-6

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Людмила ВЛАДИМИРОВА. Быть человеком! — 3
Валерий ГАБРУСЕНКО. Выдающаяся личность — 4
Валерий ГАБРУСЕНКО. Граф Н.П. Румянцев — 7-8
Станислав ЗОТОВ. Преданный без лести — 1-2
Станислав ЗОТОВ. Лёд и пламень — 7-8
Станислав ЗОТОВ. «Тайную свободу пели мы...» — 10
Людмила ТУРОВСКАЯ. Герой моего детства Герман Титов — 5-6

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Виталий ДАРЕНСКИЙ. Антихристианское «богословие майдана» — 9
Владислава РОМАНОВА. Рабовладельческий тоталитаризм — 10
Дмитрий СВЕТИН. Заявка на глобальную победу — 10
Валерий ШАМБАРОВ. Тайны убийства Распутина — 4

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Александр КАРПЕНКО. Убийство Михаила Лермонтова — 11-12

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Ирина УШАКОВА. Поколение, крестившееся огнём — 5-6

ЛАРЕЦ

Глеб ГОРБОВСКИЙ. Живой родник. Стихи — 10
Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ. Ваал (Из очерка «Зимние заметки о летних впечатлениях») — 11-12
Николай ЛЕСКОВ. Человек на часах. Рассказ — 3

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Валентин СОРОКИН. Слово и мир — 7-8
Валерий ХАТЮШИН, Ирина УШАКОВА. Нам противостоит армия разрушителей — 4

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Геннадий БЕЛОВОЛОВ. «Империя не может умереть» — 5-6
Никита БЕРДИЧЕВ. Подкоп под Амур — 11-12
Владимир БОЛЬШАКОВ. Роковая ошибка — 5-6
Николай БОНДАРЕНКО. Создать свою «Хуавеи» — 7-8
Владимир ВАСИЛИК. Вавилонское ростовщичество — 10

Владимир ВАСИЛИК. Вакцинация и административный восторг — 11-12
Андрей ВЫПОЛЗОВ. Ментальный блицкриг — 9
Галина ЕВГРАФОВА. Ничего личного, только бизнес — 10
Игорь ДРУЗЬ. Украина: геноцид как праздник — 4
Андрей ЗАХАРЧЕНКО. «Очень хитрая штука» — 9
Михаил КРАСИЛЬНИКОВ. Фабрика вирусов — 11-12
Виталий КАРЮКОВ. Русские территории — №1-2
Мария МОНОМЕНОВА. Запрещение раввина — №1-2
Мария МОНОМЕНОВА. Предали свои же — 3
Мария МОНОМЕНОВА. Они соединились — 4
Мария МОНОМЕНОВА. Бал у сатаны — 11-12
Валерий РАСТОРГУЕВ. Приватизация России — 7-8
Владислава РОМАНОВА. Страдания без Бога — 9
Валентин СЕМЁНОВ. Телевизорное оглупление — №1-2
Андрей СОШЕНКО. О «смещении кровей»... — 5-6
Андрей СОШЕНКО. Вакцинация и миграция — 10
Андрей СОШЕНКО. Анклав близ Москвы — 11-12
Спасают «честь» нелюдей — №1-2
Юрий ШЕРБАКОВ. Фальшивый «Грозный» — 4
Валерий ФИЛИМОНОВ. Неопровержимые цифры и факты — №1-2
Валерий ФИЛИМОНОВ. За ширмой коронавируса — 3
Владимир ХОМЯКОВ. Власти с этим смирились? — 9
Владимир ШАЛИМОВ. Признайте Крым сами! — 11-12
Владимир ЮДИН. Учёный, педагог, публицист — 10

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Владимир КРУПИН. «В чистом поле родное село» — 4
Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспомина-
ния — 1-2, 3, 4, 5-6, 7-8, 9, 10, 11-12

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА. На глаголице дальних миров. Философия
космизма в поэзии Натальи Егоровой — №1-2
Людмила ВОРОБЬЁВА. «За жезл куполов и за крест золотой». На-
циональный образ России в поэзии Александра Хабарова — 7-8
Станислав ЗОТОВ. Последний романтик планеты Земля — 3
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Русь бессмертная (О повести Василия Бе-
лова «Привычное дело») — 4
Николай ДОРОШЕНКО. Из поколения созидателей — 10
Вячеслав ЛЮТЫЙ. Во имя земной красоты — 10
Александр НЕСТРУГИН. По луговой тропинке вдоль Млечного Пути
(О книге Николая Алешкова «Причастие») — 4
Людмила ФЕДУНОВА. Сейте разумное, доброе, вечное... К 200-ле-
тию со дня рождения Н.А. Некрасова — 11-12

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Павел БОЯНКОВ. «Приближается утро» — №1-2